

портреты и судьбы

А. Д. ЗАЙЦЕВ

ПЕТР ИВАНОВИЧ БАРТЕНЕВ

А. Д. ЗАЙЦЕВ

ПЕТР ИВАНОВИЧ БАРТЕНЕВ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1989

ББК 79.3(2—2М)
З-17

Р е ц е н з е н т ы:
доктор исторических наук профессор
С. О. Шмидт,
старший научный сотрудник
Государственного музея А. С. Пушкина
С. Т. Овчинникова

З $\frac{0503020900—074}{М172(03)—89}$ 13—89

ISBN 5—239—00167—7

О П. И. БАРТЕНЕВЕ И КНИГЕ О НЕМ

Книга посвящена одному из самых знаменитых москвичей второй половины XIX — начала XX века и его изданию — и поныне знаменитому журналу «Русский архив».

Без изучения материалов «Русского архива» — моножурнала Бартенева, издававшегося им около 50 лет, с 1863 года до конца жизни, трудно представить себе ход развития и распространения исторических и литературоведческих знаний и в среде специалистов, и в широком кругу интересующихся прошлым своего Отечества. Без ознакомления с этими материалами немыслимо исследовать историю России XVIII—XIX веков, историю русской классической литературы. Нет трудов по государственно-политической истории России XVIII—XIX веков, о войне 1812 года, о революционно-освободительном движении той поры (особенно о декабристах), о Пушкине и писателях XVIII — первой половины XIX века, по истории общественного сознания и культуры этих столетий, где не встречалось бы ссылок на документальные публикации или статьи «Русского архива». И нет ни одного писателя, деятеля киноискусства, изобразительного искусства, создающего произведение по тематике отечественной истории XVIII—XIX веков, или о Пушкине и его современниках, кто бы не обращался в первую очередь к изданиям Бартенева, к его статьям и комментариям.

Методы собирания и издания документальных памятников Бартеневым в определенной степени восходили еще к традициям «Древней Российской вивлиофики» — многотомного издания замечательного просветителя второй половины XVIII века Н. И. Новикова и к альманахам и журналам первой чет-

верти XIX века[1], а также к опыту заграничных изданий А. И. Герцена 1850—1860-х годов. Но во многом Бартенев выступил новатором — он обращался в поисках документов и в государственные хранилища, и в государственные учреждения, к владельцам семейных архивов, к друзьям и знакомым особо интересовавших его лиц (прежде всего Пушкина и декабристов), их наследникам и родственникам, записывал их устные рассказы и воспоминания, побуждал к написанию мемуаров и откликов на документальные публикации. Научно-исследовательский характер приобретали зачастую его комментарии к документальным публикациям.

Эти приемы археографической работы Бартенева во многом предопределили деятельность также очень знаменитого в те годы издателя «Русской старины» (в Петербурге) М. И. Семевского, на рубеже XIX и XX веков — В. Я. Богучарского[2] и П. Е. Щеголева — организаторов журналов «Былое» и «Минувшие годы», публиковавших материалы и по истории общественно-революционного движения, и по истории литературы. А позднее даже переписывавшегося в молодости с Бартеневым В. Д. Бонч-Бруевича, в первые годы Советской власти управляющего делами Совнаркома, а позднее организатора Литературного музея, где создано было бесценное собрание рукописей, включившее и фонд Бартенева (ставшее основой современного Центрального государственного архива литературы и искусства — ЦГАЛИ СССР), книг, памятников изобразительного искусства, предметов, связанных с жизнью выдающихся деятелей нашей культуры, и издавались сборники документальных публикаций и описаний рукописей. Потому уже изучение первого в России крупного исторического (а по современной научной терминологии — и литературоведческого, архивоведческого и археографического) журнала и деятельности его организатора и руководителя очень важно.

Но автор отнюдь не ограничивается этим. Он посвятил свою книгу «жизни и трудам» Петра Ивановича Бартенева, всему тому, что сделал, собрал, написал этот неутомимый труженик. Причем рассматриваются все явления биографии Бартенева, прошедшего

---

[1] Недавно издан факсимильным способом с приложениями, составленными В. Ю. Афиани, один из таких альманахов — «Русская старина: карманная книжка для любителей отечественного на 1825 год», подготовленная будущим декабристом А. О. Корниловичем (М.: Книга, 1987).

[2] См.: *Шумейко М. Ф.* О выявлении и собирании документов революционного движения в России второй половины XIX — начала XX в.: (По материалам архива В. Я. Богучарского) // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982.

нелегкий путь от антикрепостника-либерала, передававшего Герцену для публикации материалы, разоблачавшие тайны царизма, до консерватора, дорожащего близостью с Победоносцевым и напуганного событиями 1905 года. Однако и такой путь развития общественного сознания, свойственный многим деятелям культуры, прожившим долгую жизнь (как, к примеру, и другому не менее знаменитому москвичу — историку И. Е. Забелину), отнюдь не был однолинейным. Сотрудником Бартенева, для которого всегда идеалом казался дух реформ Екатерины II, а любимыми поэтами были поэты пушкинской поры, стал на рубеже столетий символист Валерий Брюсов (и для него работа с Бартеневым была школой текстологии и археографии).

Бартенев более, чем кто-либо другой в ту пору, сделал для выявления и публикации материалов о Радищеве и декабристах, и даже для «организации» этих материалов, так же как и воспоминаний о Пушкине. И недаром немало подготовленных к печати материалов «Русского архива» подвергалось вмешательству цензуры — этой «официальной критики», по словам К. Маркса[3]: не удалось опубликовать полностью даже «Записку о древней и новой России» Н. М. Карамзина (в 1870 г.), и книги «Русского архива» иногда выходили — как выражались современники — «с одним хвостом без головы»[4].

Книгам «Русского архива» предшествовало или сопутствовало издание Бартеневым документальных сборников, которые также по сей день в постоянном обиходе науки — «Собрание писем царя Алексея Михайловича», «Осмнадцатый век», «Девятнадцатый век», многотомная серия «Архив князя Воронцова». Бартенев принимает участие в подготовке изданий сочинений Пушкина, Тютчева, Баратынского, Хомякова, в публикации материалов богатейших семейных архивов русской аристократии — «Архива князя Куракина», «Остафьевского архива» (Остафьево было имением князей Вяземских, где Карамзин написал первые восемь книг своей знаменитой «Истории государства Российского», в 1894 году оно перешло во владение графа С. Д. Шереметева, известного и своими изысканиями по русской истории). Бартенев необычайно способствовал возбуждению интереса к фамильным архивам и сохранению их документации и — что особенно нужно отметить — считал необходимым заниматься генеалогией не только дворянских семей, но и представителей иных социальных слоев общества, даже крепостного крестьянства.

---

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. Т. 1. С. 3.

[4] Подробнее об этом узнаем из статьи А. Д. Зайцева «Русский архив» и цензура» // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977.

Непревзойденный знаток архивных и печатных материалов по социально-политической и культурной истории России XVIII—XIX веков, Бартенев был консультантом писателей, создававших художественные произведения об этом времени. Он помогал Л. Н. Толстому, подбирая материал для эпопеи «Война и мир», Н. А. Некрасову в период работы над поэмой «Русские женщины», не говоря уже об очень популярном тогда историческом романисте Г. П. Данилевском и многих других.

Бартенев еще студентом Московского университета, где выделился сразу и способностями к научному творчеству, и знанием многих языков, сблизился с учеными и группы так называемых западников (прежде всего с Т. Н. Грановским), и группы славянофильского направления. И те и другие поощряли его первые шаги в науке, приобщили к составлению биографий для «Словаря питомцев Московского университета» (готовившегося к его столетию), а историк М. П. Погодин сразу же сказал о Бартеневе: «Это настоящий биограф». Его представили и престарелым уже тогда лицам пушкинского круга, даже рекомендовали в секретари В. А. Жуковскому. Бартенев был знаком едва ли не со всеми знаменитыми современниками — государственными и общественными деятелями, учеными и писателями, художниками, композиторами. Привлекали не только его безмерные знания, талант рассказчика, но и широта историко-культурных воззрений.

Обо всем этом автор попытался рассказать, и рассказать столь обстоятельно, по существу, впервые, ибо А. Д. Зайцев первым ознакомился с материалами всего огромнейшего архива Бартенева, сосредоточенного ныне в ЦГАЛИ СССР, а также с материалами более сотни других фондов из разных хранилищ. Многочисленные цитаты из документов этих архивов (особенно в сопоставлении с ранее опубликованными текстами) представляют большую ценность для науки (как и указания на архивные материалы в примечаниях).

А. Д. Зайцев написал книгу, имеющую первостепенное историографическое значение,— книгу, равно важную и для историков исторической науки, и для историков журналистики, и для историков литературы и культуры (в частности, культуры археографии и архивного дела) и общественного сознания. Это — серьезный научный труд, который, несомненно, займет видное место в собственно исторической научной литературе.

Всегда отрадно, если автор обладает способностью и живого восприятия, и живого, образного воспроизведения прошлого, умением проникать в психологию человека творческого труда. Книга к тому же составлена с большим тактом и вкусом, умело подобранные фрагменты из источников естественно входят в

ткань повествования — именно художественного повествования, а не только исторического исследования (с которым часто ассоциируется узкий круг читателей-специалистов) — и еще в большей мере позволяют как бы ощутить аромат той далекой эпохи, почему именно о Бартеневе говорили, что он «хранил московский быт и русский стиль»[5].

Автор разделил книгу на главы (по существу, очерки, каждый из которых имеет и самостоятельный интерес для специалистов разных профилей), дав им запоминающиеся заголовки, очень четко отражающие суть того, о чем идет речь. Это главы о жизни Бартенева, Бартеневе-историке, Бартеневе-пушкинисте, о «Русском архиве». Умело и ненавязчиво введен в изложение и оценочно-историографический элемент. И все время явления жизни Бартенева рассматриваются (и соответственно воспринимаются) во взаимосвязи с явлениями общественно-политической жизни, с жизнью и деятельностью других известных людей, с ходом развития исторической науки, архивоведения и археографии, литературоведения, журналистики, шире — развития научной культуры и общественной мысли. Что отнюдь не заслоняет присутствующей на всех страницах книги личности Бартенева, крепко запоминаемой, образно охарактеризованной (при этом без сокрытия слабостей и противоречий). Образ Бартенева — знатока истории (собирателя документов, редактора, комментатора, публикатора и исследователя) и человека — большая удача автора.

Книга написана так, что интересна и самому широкому кругу любителей истории и становится необходимой специалисту — историку России, литературоведу и историку журналистики, археографу и архивисту. И несомненно, что во многих исследовательских и популярных трудах будут использованы вводимые автором в научный оборот факты о современной Бартеневу эпохе и о времени, которое он изучал, ссылки на это издание в дальнейшей научной литературе обеспечены. Книга эта выходит вслед за книгой историка А. А. Формозова о Иване Егоровиче Забелине[6]. Формируется особый жанр научно-популярных биографий историков, когда свободная, доступная всем манера изложения естественно сочетается с наблюдениями и выводами исследовательского (даже историко-источниковедческого) характера и опирается на прочную базу первоисточников. Это важно не только для воспитания историей, но и для возбуждения интереса к самой си-

[5] Так назван и очерк А. Д. Зайцева о П. И. Бартеневе в историко-краеведческом альманахе «Куранты». М., 1987. Вып. 2. С. 192—199.

[6] См.: *Формозов А. А.* Историк Москвы И. Е. Забелин. М., 1984.

стеме работы историка, приобщает к занятиям историей наше юношество.

Выход из печати книги А. Д. Зайцева особенно уместен сейчас, когда так возрастает интерес к истории и к познанию биографий историков. И очень хорошо, что книга о выдающемся историке-москвиче выйдет именно в издательстве «Московский рабочий», так много делающем для распространения и исторических знаний.

Председатель
Археографической комиссии АН СССР
профессор *С. О. Шмидт*

Памяти В. Ф. Ивановой

«Лет десять тому назад,— писал в 1912 году В. Я. Брюсов,— я возвращался домой под утро, по московским улицам... Мой путь лежал мимо того дома на Ермолаевской Садовой, где последние лет двадцать помещалась редакция «Русского архива» и жил П. И. Бартенев».

...Москва, Садовая-Ермолаевская, 175 (бывш. Ермолаевский пер., ныне ул. Жолтовского, дом не сохранился),— по этому адресу находилась редакция знаменитого исторического журнала «Русский архив». Основателем, издателем и редактором его был, по выражению одного из современников, «просвещенный москвич» — Петр Иванович Бартенев.

Личность издателя и труд всей его жизни, любимое его детище — журнал «Русский архив» были настолько тесно связаны между собой, что стали для современников синонимами, а историки нашего времени даже ввели применительно к «Русскому архиву» понятие «моножурнал», подчеркивая тем самым исключительную роль Бартенева в его издании. Недаром один из крупнейших отечественных историков — Василий Осипович Ключевский в своих записях отмечал, что невозможны «музыкант без слуха, мыслитель без головы, Бартенев без «Русского архива».

И в наши дни имя Бартенева связывают в основном только с издававшимся им журналом. Учитывая продолжительный период издания «Русского архива» — с 1863 по 1917 год, огромный личный вклад «составителя и издателя книжек «Русского архива», как он сам себя называл, нельзя не удивиться значительности сделанного Бартеневым. А если при этом вспомнить многочисленные иные — помимо «Русского архива» — издательские и другие труды Петра Ивановича, а также и то, что он, по словам историка литературы Николая Кирьяковича Пиксанова, десятки лет был «центром круга любителей и труже-

ников исторического знания», то наше удивление возрастет еще более, и вся его неутомимая деятельность с полным на то основанием может быть определена как научный подвиг. Подвиг одного из «архивных рудокопов», очень часто малоизвестных не только современникам, но и потомкам и тем не менее благодаря трудам которых сохраняется для будущего История. Сохраняется и своим тысячелетним опытом входит в нашу жизнь как органическая часть сегодняшнего дня и драгоценный залог нашего будущего развития.

Посвящая книгу, как сказали бы в XIX веке, «жизни и трудам» этого замечательного человека, в первую очередь, конечно, историка-издателя, разыскавшего и опубликовавшего огромное множество исторических документов, любившего и ценившего больше всего в науке именно Документ, обладавший для него бесспорным качеством живого и непосредственного ответа на возникающие вопросы к прошлому,— думается, будет справедливо и правильно, если и здесь мы отдадим главное место и главное слово также — документам. Пусть они, быть может, немного старомодно, но языком, на котором говорил (и до сих пор продолжает говорить!) со своими читателями «Русский архив», воссоздадут облик и деятельность героя нашего повествования...

ГЛАВА I

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПЕТРА ИВАНОВИЧА БАРТЕНЕВА

Петр Иванович Бартенев родился 1 октября 1829 года в селе Королевщина Тамбовской губернии (ныне Грязинский район Липецкой области), в имении своей матери.

Дворянский род Бартеневых (в старину говорили — Бортеневых) шел из глубины русской истории и был известен еще в XIII веке. Кстати сказать, нам доводилось слышать эту фамилию с ударением в разных местах: Ба́ртенев, Бартенёв. Вероятно, решить этот вопрос позволит двустишие С. А. Соболевского, написанное им при получении известия о женитьбе Бартенева. Вот оно:

Цепь из матримониальных звеньев
Тебе понравилось, о мой Бартенев.

Представители этого рода никогда не занимали особенно высоких постов в государственной иерархии, но служили «по чести» и не щадили жизни своей, когда приходилось в боях с чужеземными завоевателями отстаивать независимость родины. Так, Петр I глубоко переживал гибель одного из Бартеневых в Полтавской битве.

Отец Петра — Иван Осипович Бартенев — профессиональный военный, участник всех войн Александра I, геройски отличившийся в Бородинском сражении, закончил службу в чине подполковника Арзамасского конно-егерского полка.

Мать, Апполинария Петровна, урожденная Бурцова,— родная сестра знаменитого гусара, «ёры, забия-

ки» А. П. Бурцова, так красочно воспетого Денисом Давыдовым.

Детство, проведенное в провинциальной дворянской семье, с ее неторопливым, патриархальным укладом, на всю жизнь осталось в памяти Бартенева, который спустя много лет, уже в начале нашего века, писал: «Моя мать и тетенька Нaдежда Петровна были исполнены святых, крепких, вековечных преданий бытовых и были склонны ко всему хорошему; но преданий исторических и литературных у них не было. Едва ли и читали они Державина, который живал в липецком доме, хотя тетенька и танцевала с ним. Обе, однако, любили чтение» [1].

Видимо, «державинские мотивы» были устойчивы в семейных разговорах, и Бартенев не раз возвращается к ним в своих воспоминаниях, отмечая в частности: «Державин, в восьмидесятых годах бывший губернатором тамбовским, останавливался в Липецке у моего дедушки. Тетка моя, Надежда Петровна, любила вспоминать про него и про его первую супругу, Екатерину Яковлевну (рожденную Бастидонову, дочь португальца Бастидона и кормилицы великого князя Павла Петровича). Тетка вспоминала также, как долго дожидались Гаврилу Романовича к обеду. Он не отпускал никого из приходивших к нему с жалобами и нуждою и, приходя к обеду, говорил: «Я помню, как с покойницею матушкою моею простаивали мы целые часы у казанского воеводы, дожидаясь его появления». Стихи Державина стали мне известны с самого младенчества. В гимназии я читал наизусть долговязую оду «Водопад».

Одним из наиболее ярких впечатлений детства — и, зная дальнейшую биографию Бартенева, можем сказать — знаменательным для него — стало дошедшее до провинциальной глуши известие о гибели Пушкина. Это событие тяжело переживалось в семье Бартеневых.

Кроме Петра в семье, многодетной по современным понятиям, но вполне обычной в этом смысле для того времени, были еще дети: сестры Апполинария (в замужестве Барсукова), Екатерина (Бланк) и Сарра, а также брат Михаил. Сын последнего Александр сумел даже попасть в историю (точнее — в «историю»), и имя его фигурирует в переписке многих писателей

и общественных деятелей конца XIX века. Дело в том, что это именно тот Бартенев, который убил по «романическим мотивам» в Варшаве артистку Висновскую и стал главным героем громкого судебного процесса и прототипом героя повести И. А. Бунина «Дело корнета Елагина». Петр Иванович, облачившись во все регалии, лично хлопотал за племянника перед императором. Ходатайство помогло: осужденный был всего лишь сослан на два года в Омск, а затем был даже уездным предводителем дворянства.

О детских годах Бартенева существует чрезвычайно интересный источник — его собственные воспоминания, написанные, а точнее, продиктованные им своей дочери уже в начале нашего века и доведенные до середины 1850-х годов. Неторопливый, тщательный в перечислении бытовых подробностей, «аксаковский» стиль сохранил для нас описание давно ушедшего быта, полного противоречивых и своеобразных деталей неведомого нам жизненного уклада. Перелистаем же некоторые из этих страниц.

«Королевщина лежит на речке Байгора, которая неподалеку впадает в довольно большую речку Матыру, а эта — в реку Воронеж, приток Дона. Байгора обильна рыбою. Бывало, маменька прикажет старику Прокофию после вечернего чая наловить рыбы, и он перед ужином приносит целое ведро ее; маменька при себе велит откинуть мелкую рыбу, а чудесные окуни, ерши, караси идут на ужин...

Любил я очень нашу Королевщину с ее огромными березами дедушкиной посадки у самого дома, а через грязный проезд был сад со всякою овощью и множеством яблок... Но мы живали в этой деревне только летом, остальное время года проводили в 25 верстах оттуда в г. Липецке на Дворянской улице с прекрасным видом на огромное озеро...

То-то была наша с сестрою Катенькою радость, когда мы перебирались в деревню, хотя там помещение было теснее городского и мне доставалось спать на сундуке с маменькиным платьем подле самой печки и рядом с фортепьяно, на котором игрывала сестра Сарра Ивановна мои любимые: «Польский» Огинского, «Кадриль» Гудовича, «Вальс» Пестеля. Сестру учил некто чей-то крепостной Артамон Иванович, но она сама много занималась и ее игра была не совсем

правильная, но всегда выразительная и задушевная. В этой довольно большой комнате с цветными кафелями узорчатой печи в переднем углу стоял простой деревянный крашеный стол, место моих занятий, которым я предавался с усердием, вызываемым, может быть, самою хромотою моею. Я охотник бывал и до женских рукоделий; бывало, я в одно и то же время читаю книгу и разматываю мотки пряжи... Мне шел 10-й год, когда всему нашему семейству пришлось на много месяцев переселиться в Королевщину: в мае 1839 года липецкий дом наш сгорел дотла...

Отец мой, Иван Осипович, уроженец Костромской губернии, где у него было небольшое имение на границе Буйского и Солигаличского уездов, скончался 21 июля 1834 года, и я немного его помню. Бывало, поутру посадит он меня к себе за пазуху в большом курпичковом халате и ходит со мною по нашему обширному двору, за которым была у нас целая роща, а налево большая сажалка с рыбою. Звал он меня Петруханом... Он был очень высокого роста и силы необыкновенной. Выбрали его судьею, и протоколисту он сказал наперед, что ежели начнутся взятки, то он его отколотит. Уличенный слуга Фемиды действительно был крепко избит и потом во все трехлетие службы не происходило никаких злоупотреблений. В городе его уважали...

По утрам ежедневно носили разожженный докрасна кирпич и поливали его уксусом или квасом, а лежавшая на нем мята или чебер разливали благоухание. Деревянный, некрашеный пол мыли чуть ли не по два раза в неделю; форточек не было; окна на ночь закрывались ставнями снаружи и во всех комнатах было тепло. Маменька вставала несколько позднее всех, и мы дожидались ее появления из спальни в узенькую комнату, где ждал ее самовар и две кастрюли со сливками, одна с пенками, а другая, для младших членов семьи,— пожиже... После чаю маменька читала одну главу из евангелия, которое потом я нес тетеньке в ее маленькую комнату: она читала по три главы, и я иногда прислушивался. После чаю же отдавались приказания по кухне, выдавалась мука или пшено из стоявшего в чайной комнате большого, с ящиками шкапа... Большую же девичью занимали две или три горничные кружевницы, мои приятельницы.

которым не воспрещалось петь песни. Милая Феклуша сидела на лавке у окна подле погреба, где хранились банки с вареньем, моченые и в банках запасаемые яблоки (которых иногда доставало до самого Петрова дня будущего года) и мед, разлитый в бутылки. Его давали нам изредка... В передней у нас Никита, точа сапоги или приготовляя сеть для ловли рыбы, распевал что-то, но и ему за какую-нибудь провинность доставались пощечины от моей матери, равно как и горничным, когда у них на плетевых подушках оказывалось мало сработано коклюшками. Помню, как горничные обедали: из большой чаши, одной и той же ложкой, и притом не иначе, как стоя, ели они приносимое им из кухни нашей...

Обедывали мы всегда в 12 часов; стол накрывал Прокофий, а за столом служили Иван Горячий, да у тетеньки ее Николай. В деревне еще кто-то обмахивал павлиньими перьями нашу трапезу. По субботам маменька обыкновенно осматривала всю нашу обширную усадьбу, начиная с кухни и людской, бани, большого погреба, ветчинной, кладовой, конюшни и сарая; в виде милости позволялось мне сопровождать ее. Каждый месяц служилась у нас всенощная и кропились святой водою все комнаты. В церковь же маменька езжала редко и всякий раз торжественно, в карете с форейтором, т. е. в четыре лошади».

В детстве с Бартеневым случилось несчастье: упав, он разбил ногу, оставшись на всю жизнь хромым и не расставаясь с костылем. По его собственным словам, это вынужденное ограничение в передвижении, особенно в ранние годы, способствовало усидчивости, занятиям книжным — «сиднем прожил я несколько лет сряду, охромевши еще до 1839 года».

«Состояние наше,— вспоминал Бартенев,— было избыточное и без всяких долгов, напротив, с возможностью помогать соседям, а в городе бедным людям». Тем не менее со временем «мы так обедняли, что иной раз не на что было купить чаю и сахару».

К детским же годам относятся и первые размышления (вернее, конечно, недоуменные вопросы самому себе) о социальном неравенстве, о несправедливости крепостного состояния. «Мальчиком за обеденным столом я уже подумывал,— писал позднее Бартенев,—

за что про что мы пресыщаемся, а наши дворовые нам служат».

Нельзя сказать, что первоначальное домашнее образование Бартенева было основательным. Скорее даже наоборот. Хотя сам домашний уклад, с его приверженностью старине, давним обычаям (процитированные воспоминания Бартенева живописно это демонстрируют), определенно сыграл свою роль в развитии душевной потребности не просто заглянуть в прошлое, а постараться понять его. Бартенев следующим образом писал об этом: «Мое воспитание было предоставлено всем случайностям. Я не смею назвать его дурным, потому что из дому, из нашего старинного быта, получил святейшие упования души; но оно было совершенно безалаберно с внешней стороны. Ни одного здравого понятия о долге гражданина не было вкоренено, воля вовсе не была упражняема. Не знаю, откуда я получил любознательность, которая во мне сильна с тех пор, как себя помню».

Определение в рязанскую гимназию, в которой Бартенев учился с 1841 по 1847 год, вырвало его из провинциального деревенского быта и положило начало становлению и развитию его взглядов, знакомству и общению со многими замечательными в истории России людьми.

За гимназической партой его младшим товарищем по учебе становится Дмитрий Иванович Иловайский, будущий историк, автор известных учебников по истории России, один из наиболее деятельных сотрудников «Русского архива».

Во многом монотонный, в полном смысле этого слова казенный гимназический быт также нашел свое место на страницах широко цитируемых нами воспоминаний Бартенева:

«Матушка написала письмо директору с уверенностью, что меня примут в 3-й класс; оказалось, что я не готов даже в 1-й. Меня приняли в приготовительный, и мне памятно, сколько слез пролил я над 3-м склонением латинского языка.

Там пробыл я до конца июня месяца 1847 года, уезжая на лето, а иногда и к Рождеству домой. В пансионе же решительно никто меня не навещал в эти годы моего школьничества.

Хотя кормили нас хорошо, но я был одним из на-

иболее бедных учеников, так как мне давали всего по 5 рублей ассигнациями на год. Бывало, пошлю старика сторожа купить мне так называемых рожков или мятных пряников, уйду в какую-нибудь из пустых классных комнат и благодушествую за книгою и этим лакомством, особливо когда удавалось достать какую-нибудь не учебную книгу: не только романы, но и сочинения лучших писателей не позволялось нам читать.

Мы вставали, кроме дней праздничных, всегда без четверти 5 часов; в четверть часа умывались из огромного умывальника, куда входило не одно ведро воды, и к 5 часам были уже в огромной комнате с хорами на молитве, которую читали поочередно. Было нас человек 100, и готовили мы уроки до 7 часов в соседней, тоже огромной комнате. В 7 часов вся наша ватага спускалась вниз в большую столовую к стакану чая с большой булкою. С 9 часов начинались классы, а к часу все выстраивались, и главный надзиратель Карл Иванович Босс осматривал нас; если у кого [были] запачканы руки, тот получал по ним удар и выгонялся мыть их. Обед из трех блюд был всегда сытный. Кушанья за все шесть лет были назначены по дням одни и те же, так что во всякий вторник, например, давали нам говядину с хреном, а во всякий четверг большие пирожки с луком, нами очень любимые до того, что охотники покушать выменивали их на листы казенной бумаги или карандаши, а надзиратели наказывали: «В четверг без пирожка». От 2-х до 4-х — опять классы, затем, после чаю, уже без хлеба, садились до 8 часов готовить уроки, в 8 — ужин, а в 9 часов все уже спало... Субботние всенощные были скучноваты, после них обыкновенно производилась экзекуция, т. е. попросту виноватых секли».

Директором гимназии был Н. Н. Семенов. «Это был человек добрый,— вспоминал о нем Бартенев,— но почти никогда не принимавший участия в управлении гимназией... Семенов вскоре перешел на службу в министерство внутренних дел и сделался вятским губернатором. Его описал в одном из своих «Губернских очерков» Щедрин-Салтыков».

Итак, гимназия позади. Бартенев перебирается в Москву, с которой отныне становится неразрывной его дальнейшая жизнь и деятельность, и, по словам современника, превращается в типичного москвича,

искренне преданного Москве «с ее широкой масленицей, с колокольным звоном сорока сороков, с молебнами у Иверской иконы, с тупиками и проездами, с калачными и обжорными рядами, со стаями ворон на колокольнях».

Москва... В воспоминаниях Бартенева мы находим детально описанные приезд его в Москву и первое время жизни в ней, поэтому обратимся вновь к этому документу.

«В середине августа 1847 года тот же Прокофий повез меня в Москву. Каменная дорога начиналась тогда только с Коломны, где мы наняли извощика довезти нас на долгих в нашей бричке до Москвы. Извощик уверил меня, что остановится недалеко от университета, но вместо того пристал где-то в Рогожской, и я на костылях добрался до Моховой, крайне изнеможенный. Не помню уже, как мы с Прокофием на другой день нашли себе комнату на третьем этаже в доме тогда князя Щетинина на Знаменке, насупротив самого подъезда к нынешнему Румянцевскому музею,— комнату без всякой мебели, где мы улеглись спать на полу и наелись остатками от дорожных снедей. В запасе у нас был еще целый окорок ветчины. На другой день кто-то из встретившихся рязанских товарищей указал мне номера на Большой Никитской, где жили студенты, но за шумом и гвалтом я не мог заниматься и пошел к попечителю и стал просить его, чтобы позволили мне поместиться с казенными студентами на третьем этаже старого университетского здания и взять с меня то, во что обходится казне содержание казенного студента, но не возлагая на меня обязанностей служить в течение 6 лет там, где прикажет университетское начальство. Граф Сергей Григорьевич Строганов благодетельно согласился на эту просьбу, и, таким образом, я, как в пансионе, уже не имел никакой заботы ни об столе, ни об освещении.

Мы жили человека по четыре в больших комнатах и имели общую большую спальную залу, а столовая помещалась в самом низу. У каждого была своя конторка, на лекции ходить было всего через улицу, в новый университетский, купленный у Пашкова, дом».

Выбор сферы приложения своих сил не являлся (как это нередко бывает у юношей, вступающих в большую жизнь) для Бартенева сложно и мучительно

решаемой проблемой. История... История Отечества — вот то общее направление, то главное дело, которому он решил посвятить свою жизнь. Надо сказать, что в этом выборе было что-то чрезвычайно характерное для той поры. Россия стремительно приближалась к существенным переменам в своем государственном и общественном бытии, и предощущение этих перемен, далеко не всегда и не для всех достаточно отчетливо осознаваемое, носилось в воздухе. И это грядущее — ожидаемое одними с надеждой и упованием на изменения к лучшему, другими с тревогой, переходящей в страх перед всякими изменениями вообще,— это неизбежно приближающееся будущее и у тех и у других одинаково порождало общий интерес к прошлому, к истокам грядущих перемен, стремление понять их, оправдать или опровергнуть с помощью аргументов исторического опыта. В целом же интерес к русской истории являлся одним из наиболее значимых проявлений роста национального самосознания, существенными вехами которого стали Отечественная война 1812 года и восстание декабристов. Лучшие умы того времени прекрасно понимали значение обращения к истории, выводя ее из узких официальных рамок оправдания и идеологического обоснования существующего строя на живое поле научной, общественной, революционной деятельности. Пожалуй, наиболее ярко эта мысль была выражена В. Г. Белинским, который писал: «Век наш — по преимуществу **исторический** век. **Историческое созерцание** могущественно и неотразимо проникло собою все сферы современного сознания. История сделалась теперь как бы общим основанием и единственным условием всякого живого знания».

Бартенев поступил на историко-филологический факультет Московского университета.

Среди читавших в это время студентам лекции назовем лишь тех, кто, по собственному признанию Бартенева, оставил в его памяти неизгладимый след, кто так или иначе оказал воздействие на развитие научных и общественных взглядов молодого студента. Спустя многие годы Бартенев в числе своих учителей (в широком понимании этого слова) называл Т. Н. Грановского, С. М. Соловьева, М. П. Погодина, С. П. Шевырева.

Первым по праву должен быть назван Тимофей Николаевич Грановский — один из замечательных русских ученых и общественных деятелей, добрую память о котором Бартенев сохранил на всю жизнь. Большое место в записях Бартенева занимают его воспоминания о Т. Н. Грановском. Прочитаем некоторые из них.

«Грановского слушал я уже на его закате, и лишь изредка чаровал он нас прелестью своего изложения; при этом он целый год был болен. Снисходительнее профессора не было. На одном из экзаменов достался мне билет об Иннокентии III. Я ни в зуб толкнуть. И что же? Узнаю, что мне поставлено пять. Потом я спросил Грановского: «Как же вы это, Тимофей Николаевич, не покарали моего невежества?» — «Ну, вздор, разве я не знаю, что вы много занимаетесь...»

Помню, был я у него, когда он жил в Хлебном переулке в доме Забелина. Он мне и другим студентам стал рассказывать, будто Филарет добивается, чтобы его сделали министром народного просвещения на место графа Уварова, с которым тогда сделался паралич и про которого он мне рассказывал потом, что тот называл свое министерское служение постоянным убеганием от лютого зверя, т. е. от Николая Павловича. Меня же лично Грановский оскорбил, назвавши Жуковского придворным льстецом; я же любил стихи Жуковского с первых классов гимназии и довольно дерзко возражал Грановскому, а ходить к нему перестал...

Грановский в последние годы своей жизни стал заниматься новою русскою историею. Он говорил мне: «Вот, бывало, мы смеялись над Бантышем-Каменским, а теперь я поневоле прибегаю к его словарю достопамятных людей русской земли». Грановский же дал мне прочитать отрывок из строго запрещенных в то время «Записок» Екатерины...

Забыл сказать, что, когда Грановский читал свои четыре публичные лекции (о Тамерлане, Александре Македонском, Бэконе и еще о ком-то, не помню), мне удалось записать за ним лекцию о Тамерлане, не пропустив ни одного слова. Переписав, я отнес ее к нему и узнал от него, что он никогда не писал своих лекций, а долго про себя обдумывал их. На слушателей действовал он не столько содержанием своего чтения,

как самим произношением и своею художественною личностью. Хомяков правду сказал про него, что у него одна судьба с гениальными актерами: действие минутное, но неизгладимое».

А вот другой историк — Михаил Петрович Погодин, этот, по словам Бартенева, «молчаливый, отрывистый пользы искатель: даже в дружеской беседе ему нужны только положительные сведения, польза насущная».

Еще университетский историк. «Русскую историю читал Сергей Михайлович Соловьев без всякого воодушевления и с возмутительною холодностью. Немудрено: у него было столько других должностей». (Здесь, вероятно, следует предупредить читателя, что многие суждения Бартенева о современниках несут на себе явственный отпечаток личных отношений, симпатий и антипатий непосредственного общения, передают его настроения той поры.)

Среди выделенных Бартеневым преподавателей Московского университета следует назвать и академика Степана Петровича Шевырева, читавшего курс всеобщей истории и теории поэзии, принявшего большое участие в первых шагах начинающего ученого. Несколько страниц в воспоминаниях Бартенева посвящены ему.

«С самого первого курса был я счастлив тем, что главным профессором был у нас Степан Петрович Шевырев, великий трудолюбец, идеалист, строго-православный и многостороннейше образованный. У него нельзя было перейти с курса на курс, не подав какого-нибудь доказательства о труде дельном...

Шевырев жил в собственном доме в Дегтярном переулке близ Тверской и от 6 до 7 часов вечера студенты могли приходить к нему для бесед, для советов, для забора книг из его библиотеки; кроме того, он завел в университете особую студенческую библиотеку. Младший мой товарищ Тихонравов (впоследствии академик и председатель Общества любителей российской словесности.— **А. З.**) злоупотреблял его добротою: забрал у него в разное время до 100 книг и не отдавал их...

К несчастью Шевырева, он вовлекся в литературную борьбу с так называемыми западниками, необузданно громил их на своих лекциях и терял наше ува-

жение... Зимою 1857 года в заседании Исторического общества у его председателя А. Д. Черткова Шевырев заспорил с графом Бобринским и был жестоко избит им, так что не одну неделю пролежал в постели и профессора-медики навещали его». Как видим, литературная борьба даже в среде академиков не всегда проходила в «академических» рамках.

Среди университетских преподавателей вспоминает Бартенев и М. Н. Каткова, приобретшего впоследствии громкую, но весьма одиозную известность в качестве редактора «Московских ведомостей»: «Катков читал редко психологию, логику и историю философии, все три предмета очень смутно и неудобопонятно, притом по целым месяцам он не являлся на кафедре по нездоровью. Это был сухой, бледный, чахоточный человек. Мы думали, что он долго не проживет».

Всего несколько слов в воспоминаниях отведено Федору Ивановичу Буслаеву, лекции которого Бартенев «усердно слушал. Он не отличался ни красноречием, ни талантливостью; его преподавание всегда было сухо, хотя и очень дельно».

Бартенев ходил и на лекции «к профессору зоологии Карлу Францевичу Рулье, который, бывало, вместо часа читает часа полтора, и слушатели не роняли ни одного его слова, так увлекательно говорил он о мышах, лягушках, о течке животных. Много позже, по поручению Сергея Тимофеевича Аксакова, я занимался вместе с Рулье вторым изданием «Записок ружейного охотника» с рисунками разных птиц».

Поскольку в дальнейшем научный авторитет Бартенева среди специалистов и любителей русской старины основывался в значительной степени на отличном знании им событий, лиц и архивов, связанных с русской историей нового времени — XVIII и XIX веков, то здесь надо отметить, что в годы обучения в университете научные интересы Бартенева были в большей мере обращены к ранним периодам русской истории, и студенческие работы его того времени назывались: «Словарь к памятникам русской письменности до XIII века», «Об языке и слоге Несторовой летописи» и т. д.

Общение молодого студента со своими именитыми преподавателями не ограничивалось рамками курса лекций и университетскими аудиториями, а было мно-

го шире, постепенно вылилось в дружеское сотрудничество со многими из них. Первые самостоятельные шаги Бартенева в науке были поддержаны именно ими. Так, Т. Н. Грановский, называя Бартенева «усердным работником», рекомендовал его в «Отечественные записки». С. П. Шевырев высоко оценил написанные Бартеневым биографические очерки для «Словаря питомцев Московского университета». «О! — восклицал он.— Да какой же вы будете славный биограф! Это ваше призвание». Шевыреву вторит М. П. Погодин, говоря о Бартеневе — «это настоящий биограф».

Круг общения Бартенева в студенческие годы не исчерпывался одними университетскими знакомствами. Особое место в жизни Бартенева в этот период занимает видный публицист и поэт, славянофил Алексей Степанович Хомяков. А. С. Хомяков сыграл значительную роль в становлении мировоззрения Бартенева, который за два года до смерти, в 1910 году, вспоминал: «Помню майское утро 1849 года, когда я впервые увидел Хомякова... Разговор с ним сразу решил всю мою дальнейшую судьбу: так беседа его была увлекательна и внушительна... Хомяков был провозвестником всемирно-исторического назначения России». Это, так сказать, тиражированная цитата Бартенева, им самим помещенная в «Русском архиве». Искренность ее подтверждает другая, из воспоминаний, совпадающая в главном — в отношении к А. С. Хомякову: «В мае 1849 года Коссович привез меня на Собачью площадку в маленький кабинет Алексея Степановича; он только что вышел из спальни в шелковом ватном халате с привешенными на шнурке ключами и с густыми, взъерошенными, черными, как смоль, волосами. Могу повторить за себя слова одного из поклонников Магомета: он схватил меня за сердце, как за волосы, и не отпускал больше прочь. Любовь и благоговение к его памяти и до сей минуты не покидают меня».

Забегая немного вперед, отметим, что и сама идея создания исторического журнала «Русский архив» принадлежит, по преданию, именно А. С. Хомякову (кстати, по делу о высылке из Москвы которого Бартенев вызывался на допрос к генерал-губернатору А. А. Закревскому в 1849 году). «В доме Хомякова

начал свою карьеру» Бартенев — однозначно указывала дочь Петра Ивановича Т. П. Вельяшева.

Здесь же, в доме А. С. Хомякова, вспоминал впоследствии Бартенев, «встречался я и с Гоголем, который производил не на меня одного неприятное впечатление: это был какой-то недотрога, довольно скудно одетый, но с великолепным бархатным жилетом с золотою цепью часов. Помню, как, возвратившись из университета с лекции Каткова о психологии, разговорился я с Гоголем о том, достигнут ли психологи до того, чтобы явственно представить, что должен был ощущать Одиссей, когда перед тем, как придти во дворец Антиноя, он после стольких испытанных бедствий молился Афине в предгорней роще. Гоголь капризничал: подавали ему чай, и он находил то слишком полным стакан, то не долито, то мало сахару, то слишком много. По большей части он уходил беседовать с Екатериною Михайловною (женой А. С. Хомякова.— **А. З.**), достоинства которой необыкновенно ценил. Ее кончина в январе 1852 года очень его поразила, и он заболел своей смертельной болезнью».

Знакомство Бартенева с Гоголем не ограничилось отвлеченными «психологическими» экскурсами в древность, а неожиданно проявилось и во вполне реальной материальной сфере: Бартенев оказался среди, так сказать, «гоголевских стипендиатов». Так, в 1849 году С. П. Шевырев передал Бартеневу «25 рублей, сказав, что эти деньги даны ему одним желающим остаться в неизвестности человеком для выдачи прилежным студентам (позднее мы узнали, что это был Гоголь)». Надо сказать, что это пособие было не лишним, так как Бартенев-студент с большим трудом сводил концы с концами, постоянно промышляя уроками и репетиторством. Пришлось даже продать золотую медаль, с которой он окончил рязанскую гимназию. По этой же столь прозаичной и столь обычной для многих студентов причине Бартенев брался за любую литературную работу. Так, для издания «Магазин землеведения и путешествий» он перевел «историю распространения кофе, верблюда, янтаря и еще что-то»...

Помимо воспоминаний Бартенева сохранился еще один интересный источник, чрезвычайно важный для понимания среды, обстановки, в которой вращался Бартенев в университетские годы, для понимания его

научных, литературных и общественно-политических взглядов, симпатий и антипатий. Это дневник, который вел студент Бартенев в 1849 году. Обратимся к страницам этого документа. Прежде всего — окружение, круг общения Бартенева.

«В 8 часов вечера (1 мая. — **А. З.**) я отправился к Хомякову по его приглашению. Сначала сидели в кабинете, толковали о том, чью сторону должна принять Россия в предстоящей войне: славянскую или антиславянскую. Хомяков утверждал, что непременно славянскую, потому что первым делом русских по вступлении в Галицию будет истребование, чтобы Галиция была сделана особым герцогством. К. С. Аксаков был на его стороне. Главным противником был Павлов. Во время разговора незаметно отворилась дверь и взошел, поклонившись только некоторым (видно было, что он был тут уже давно, шляпа его лежала в кабинете), **Гоголь**... Гоголь сел в угол дивана, далеко от света, так что я не мог порядочно рассмотреть лица его, и большею частью все молчал, переговариваясь только изредка голосом малороссийским, несколько странным, с сидевшим возле А. М. Языковым, братом покойного поэта. Я устремился на него весь. Человек он весьма низенький, с черными длинными волосами, такожде и усами, но без бакенбард, и все лицо от щек до шеи, на которую был намотан скудный галстук, как-то голо. На нем бархатный жилет, золотая цепь и род сюртука-кафтана, который носят московские армяне. Он часто позевывал, теребил пальцами по подушке; наконец спросил себе воды, выпил и, ни с кем не простившись, взял шляпу и тихонько вышел. Вот мои первые впечатления при виде Гоголя. В его манерах и особенно голосе мне, не знаю, основательно ли, припоминался О. М. Бодянский.

Вечер и ужин шли очень весело; ужинали на столиках; к сожалению, мне пришлось сидеть с дамами, и подле меня с одной стороны сидел **Чаадаев,** с другой **Чижов,** премилый человек, любящий Италию. Аксаков был просто душа, с каким чувством он читал стихи Хомякова «Клич!», Хомяков всех занимал и привлекал своею любезностью» [2].

Интересно, что за несколько дней до этой записи первого впечатления о Гоголе Бартенев в том же дневнике отметил следующее: «Если поэт вообще предпо-

лагает прекрасную душу, то такой поэт, какой является в произведениях Гоголя, который умел из ничтожного и грязного породить высокое и художественное, обладающий такою удивительною ваятельной силою, такой поэт должен иметь душу не только прекрасную, но и глубоко доброжелательную, а между тем все говорят про Гоголя, что он гордец». Вероятно, все-таки общее мнение, то, что «все говорят про Гоголя», сказалось и в записи о первой встрече с ним Бартенева.

О Хомякове постоянно упоминается в дневнике. С ним Бартенев-студент советуется, размышляет о событиях современных и давно минувших, записывает темы, которые предполагает обсудить с ним: «Поговорить с Алексеем Степановичем о «Маяке», об отличии его направления от направления «Москвитянина» и причинах его падения. С ним же о **кончине мира** и о прогрессе... Спросить Алексея Степановича о значении **войны** в нравственном ее смысле» и т. д.

В числе собеседников Бартенева, как уже упоминалось, был и Грановский, с которым также велись серьезные разговоры «о подлостях современной и особенно французской внутренней политики, о донашиваемой цивилизации» и о многом другом.

Итак, К. С. Аксаков, Т. Н. Грановский, Н. В. Гоголь, П. Я. Чаадаев, А. С. Хомяков... Какое созвездие мыслителей, окружающих молодого Бартенева, которому нельзя не позавидовать!

В дневнике студента традиционны записи о прочитанных книгах. В круге чтения Бартенева литература научная и художественная, отечественная и зарубежная. Записи о прочитанном, как правило, сопровождаются оценками, некоторые из них стоит привести: «Вчера, т. е. 3 июля (воскресенье) целый день читал роман Искандера **«Кто виноват?»**. Грустное и жалкое чувство осталось по прочтении. Несмотря на то что поднято много живых задушевных вопросов, что есть, над чем позадуматься, ясно видно, как неустроена, раздвоена, можно сказать даже, гадка душа автора; каких черных сцен он не вывел, особенно оскорбительна эта ошибка Круциферского, когда он Негрову променял за Любоньку. Вся повесть от начала до конца пахнет могилою. Живого, гармонического нет в ней, и, стало быть, она не выполняет своего назначения, не

усмиряет душу. А последняя сцена, где автор называет поэтическою группу из старухи, матери Бельтова, и Любоньки, напомнила мне Грановского, сочувствующего и называющего трагическим всякое истерическое горе. И что за язык у Искандера: во многих местах я просто не мог понять смысла. Шевырев прав. В разряде таких людей Грановский, видно, исключение».

Вот и первое отчетливо сформулированное (и не без постороннего влияния) осознание общественно-политической расстановки в России конца 1840-х годов и своего места в ней. Однако продолжим:

«Примусь за «Обыкновенную историю» Гончарова, тем более что С. (товарищ Бартенева по рязанской гимназии.— **А. З.**) когда-то постом третьего года советовал мне прочесть эту повесть, как будто намекая, что я там увижу портрет свой. Посмотрим...

Читал «Обыкновенную историю» и нахожу, что С. справедливо советовал ее прочесть: в ней много умного, прямо ко мне относящегося».

Молодого студента, решительно избравшего стезю научной деятельности, остро волнует вопрос о религии и науке, их взаимоотношении, их противоречивости. Размышления по этому поводу часто встречаются в дневнике: «Когда-нибудь соберу все факты, в которых, мне кажется, наука и поэзия идут против религии... Вот еще столкновение науки и религии. Религия уничтожает древние верования, а в истреблении древних поверьев, сказаний, мифологии отдельных племен сколько утрат для науки!»

Не случайно все-таки выбрал Бартенев занятия историей! В этом со всей очевидностью убеждаешься, прочитывая его дневник, в котором не раз встречаются восторженные (или негодующие, но всегда одинаково страстно выражаемые) мысли об истории России. Для Бартенева изучение прошлого не тема научной разработки, а живое прикосновение к славе и величию российской истории. Так, «стоит только прочесть описание Отечественной войны, чтоб не любящему России возлюбить ее, а любящему полюбить еще жарче, еще искреннее и благодарить бога, что такова Россия!»

(Кстати, поистине вызывает удивление, что до сих пор не написано оды Дневнику как бесценному исто-

рическому свидетельству! А ведь мы перелистали лишь некоторые страницы лишь одного из них.)

Ко времени окончания университета — к 1851 году — Бартенев становится известен в сравнительно широкой московской научно-литературной среде. Известен прежде всего своим исключительным трудолюбием, хорошим знанием истории, литературы и языков. Пожалуй, во многих работах о представителях научного и политического мира XIX столетия уже стало общим местом восхищаться знанием иностранных языков. Поэтому отметим только, что Бартенев хорошо знал французский, немецкий, английский, польский, латинский, греческий и свободно читал санскрит. Не случайно именно Бартенева рекомендовал в это время в секретари самому Василию Андреевичу Жуковскому (любимому, заметим, поэту Бартенева) всеведущий почт-директор А. Я. Булгаков.

После окончания университета Бартенев на короткое время становится учителем детей Л. Д. Шевич (урожденной Блудовой). Желание поехать за границу, познакомиться с представителями западноевропейского ученого мира послужило причиной такого решения Бартенева. Правда, поездка не состоялась, но зато Бартенев знакомится с одним из крупнейших сановников николаевской эпохи Дмитрием Николаевичем Блудовым (отцом Л. Д. Шевич), общение с которым, как впоследствии говорил сам Бартенев, оказало на него большое влияние.

Д. Н. Блудов, начавший свою служебную карьеру в 1800 году в Московском архиве коллегии иностранных дел, бывший членом литературного общества «Арзамас», непосредственно участвовавший в следствии по делу декабристов (после вступления на престол Александра II Бартенев считал, что именно Д. Н. Блудов «непременно должен просить за ссыльных 14 Декабря») и к концу николаевского царствования занимавший высокие государственные посты, своими рассказами о событиях и лицах первой половины XIX столетия, быть может сам того не подозревая, способствовал зарождению у Бартенева профессионального научного интереса к сравнительно недавней истории России, истории, которая была больше известна по слухам и анекдотам.

Свою первую поездку в Петербург (и первую по

железной дороге) Бартенев описывает в воспоминаниях, к которым мы вновь обращаемся, следующим образом:

«Я двинулся в путь 19 ноября 1851 года по открытой с 1 ноября того же года железной дороге. У многих путешественников было по множеству узлов, подушек и съестных припасов. Со мною ехал наш профессор политической экономии Вернадский, и он сказывал, что он уже едет второй раз и что в первые дни по открытии дороги в залу к едущим подходила какая-то старушка и каждого крестила.

В Петербурге я приехал прямо к Коссовичу (известному русскому востоковеду, санскритологу.— **А. З.)**, и он дня через два повел меня на Моховую в дом Плескова, во 2-м этаже которого жила вторая дочь графа Блудова, Лидия Дмитриевна Шевич, с тремя сыновьями, из которых мне надлежало обучать Ваню (ныне разбитого параличом члена Государственного совета) и покойного Митю (бывшего посланником в Японии, а потом послом в Мадриде)... Блудов приезжал к Лидии Дмитриевне только иногда к обеду, а раз приехал произвести экзамен своим внукам. Этот экзамен прошел блестяще. Как удивился старик, когда один из его внуков прочел ему стихи Огарева «Ночь тиха, на небе тучи...». Он никак не ожидал, что какой-то неизвестный ему Огарев пишет прекрасные стихи. А сам он был великий охотник до стихов и любил читать из Державина, Жуковского, Батюшкова и очень редко Пушкина, так как Пушкина он недолюбливал, потому что Пушкин звал его «тестом» в противоположность Дашкову, прозванному «бронзою».

Беседы с графом Блудовым и мои расспросы у него были для меня тем, что немцы зовут historische-Vorstudien *. В то время почти ничего не позволялось печатать об русской истории XVIII века... Блудов же был необыкновенно словоохотлив, и я внимал ему, аки губа напояема».

Несмотря на кратковременность пребывания в Петербурге, Бартенев использует его для расширения круга своих знакомств, и не без успеха. Позднее он вспоминал:

---

* Историко-подготовительные занятия.

«Погодин снабдил меня курьезной записочкой (дорожа бумагою, он имел обыкновение писать на клочках, оторванных от полученных им писем) к Соболевскому *. Тот жил на Выборгской стороне за церковью Самсония, на устроенной им Мальцевской прядильной фабрике. Это был холостяк, истинный друг книг и всякого просвещения, человек трезвого образа мыслей и по душе несравненно лучше, чем он казался. Подобно многим незаконнорожденным людям, он брал наглостью и всякого рода выходками. Любопытно, что в молодости своей писал он нежные идиллические стихи. В то время, когда я узнал его, он не сообщал мне своих метких эпиграмм; позднее, когда он переселился в Москву, я очень с ним сблизился и много от него наслушался. Думаю, что он любил меня и хотя был скупенек, но мне подарил на память, когда я женился, прекрасный цельного красного дерева круглый поставец. В моей памяти и в моих записях сбереглась большая часть его стихов, этих образцов эпиграмматической поэзии. Он был то же, что Марциал в римской литературе.

Противоположность ему я встретил в Петре Александровиче Плетневе, тогдашнем ректоре Петербургского университета. Я редко пропускал его субботы, на которые съезжались к нему любители словесности и тихой беседы... С Плетневым до конца его жизни я был в беспрестанной переписке. Мы сходились в общей любви не только к Пушкину, но в особенности к Жуковскому».

Первые научные шаги Бартенева, как и формирование его общественных взглядов, пришлись на «глухую, душную пору русской жизни» конца 1840-х — начала 1850-х годов, время, которое он позднее характеризовал в ироническом «штиле» XVIII столетия как «царствование преимущественно военное и отчасти неблагоприятное наукам».

Говоря о влияниях, оказанных в это время на молодого, только вступающего в жизнь человека и ученого, особо следует сказать о кружке московских славянофилов — «тесном приятельском кружке», как уже в 1855 году писал о нем сам Бартенев.

В начале 1850-х годов Бартенев близко сходится с

* С. А. Соболевский (1803—1870) — библиофил и библиограф, знакомый А. С. Пушкина.

братьями Киреевскими, семьями Елагиных, Аксаковых. Эти знакомства стали важнейшим фактором в формировании его историко-литературных и общественно-политических воззрений. Уважение и привязанность к вождям раннего славянофильства Бартенев сохранил на всю жизнь. Так, в 1899 году он отмечал: «Печатаю новое издание Хомякова сочинений и просто услаждаюсь и поучаюсь вновь».

По душе пришелся Бартенев семейству Аксаковых, а один из его представителей — Иван Сергеевич впоследствии стал, по выражению Бартенева, «усердным» сотрудником «Русского архива». Видный славянофил Ю. Ф. Самарин в начале 1860-х годов в числе «общих наших друзей» вместе с Бартеневым называет Аксакова и В. А. Черкасского.

Цепочка славянофильских симпатий постепенно связывала Бартенева все с новыми и новыми сторонниками этого общественного направления. Среди них и Александр Иванович Кошелев, этот, по словам Бартенева, «человек выдающихся способностей, широкой образованности и отменного трудолюбия... История оценит его заслуги русскому просвещению. Это был неутомимый борец за самобытность русской мысли, горячий друг и честный гражданин». Попутно в этой цитате о Кошелеве отметим одну характерную для Бартенева деталь: говоря о различных достоинствах Кошелева, одним из первых он называет «отменное трудолюбие». И это не формальная дань восхвалительному этикету. Для Бартенева, самого неутомимого труженика, проведшего свою жизнь в постоянных напряженных научных занятиях и считавшего матерью всех пороков праздность,— для Бартенева «отменное трудолюбие» уже само по себе служило мерилом высокого нравственного уровня человека. Вспомним в этой же связи сказанное Т. Н. Грановским о Бартеневе — «усердный работник».

Петр Васильевич Киреевский, по словам Бартенева, «был народолюбцем в истинном смысле слова: всю многостороннюю ученость свою применял он к делу родины, и про него можно было без преувеличения сказать, что общее дело России почитал он своим частным делом». Не только с П. В. Киреевским, но и со всем семейством Елагиных завязались у Бартенева самые дружеские отношения. «Знакомство с Елагины-

ми,— вспоминал Бартенев,— принадлежит к немногим вполне счастливым обстоятельствам моей жизни. Я полюбил их от всего сердца, и эта семья сделалась мне как родная».

Такое же искреннее чувство испытывал Бартенев и к К. С. Аксакову. В 1910 году Бартенев отмечал в «Русском архиве»: «Пишущий эти строки счастлив тем, что знал Константина Сергеевича. После разговора с ним всякий раз становилось как-то светлее и чище на душе».

Итак — славянофилы, о которых столько написано, но главная книга о которых еще, несомненно, впереди.

Сближение Бартенева со славянофилами было естественным и, пожалуй, неизбежным. Любовь к отечественной старине, стремление внести свой вклад в дело исторического просвещения, попытка понять и изучить «народный дух» российского общества в его прошлом и настоящем — все это для деятеля не слишком радикальных воззрений и устремлений очень часто означало в той или иной мере принятие основных (иногда не основных) славянофильских положений и постулатов. Так случилось и с Бартеневым.

Рассмотрим славянофильские сочувствия Бартенева. В 1853 году, во время поездки М. П. Погодина за границу, именно Бартеневу было поручено заведование журналом «Москвитянин», а в 1856 году он — полноправный член редакции «Русской беседы», входит в тесный кружок, собиравшийся у М. П. Погодина (А. С. Хомяков, А. И. Кошелев, П. А. Бессонов, И. Д. Беляев), и заведует изданием журнала во время отсутствия М. П. Погодина. В этом же году он принимает деятельное участие в хлопотах вокруг славянофильской газеты «Молва». Бартенев, явно в русле славянофильских настроений, переводит и издает в 1857 году книгу Л. Ранке «История Сербии по сербским источникам», в предисловии к которой придает большое значение возникновению Сербского княжества. Это событие, по его словам, «составляет эпоху в новой истории славянских народов». Издание было замечено Н. Г. Чернышевским, поместившим в № 3 «Современника» за 1857 год рецензию, где, в частности, говорилось: «Этот труд г. Бартенева заслуживает всякой признательности... Выбор сочинения для перевода сделан очень удачно».

Интересовался Бартенев болгарской историей и литературой. «К приезду славянских гостей на Московскую этнографическую выставку,— писал он в 1867 году,— возымел я намерение напечатать особою книжечкою... стихотворения наших поэтов, относящиеся до славянской взаимности и единения»[3]. Статьи Бартенева середины 1850-х годов носят отчетливый отпечаток славянофильской идеологии, а изданный им сборник «Письма царя Алексея Михайловича» с предисловием С. Т. Аксакова имел откровенно славянофильскую окраску, чем также привлек к себе внимание Н. Г. Чернышевского. Помимо этого, Бартенев охотно и часто помещал в «Русском архиве» материалы по истории славянских народов, что изначально было зафиксировано уже в самой программе издания журнала. По инициативе Бартенева Л. Н. Толстой в 1867 году соглашается на публичное прочтение отрывка из романа «Война и мир» — «в пользу славян». Сам Бартенев, выделяя славянское движение во всемирно-историческом процессе, подчеркивал, что «в общем ходу истории славянское движение, конечно, свято и чисто»[4], а собственно славянофильство — одно «из важных явлений русской умственной жизни в нынешнем столетии».

Говоря о славянофильской ориентации Бартенева, следует отметить своеобразие ее проявления в творчестве историка. Культ факта, культ документа, сложившийся у Бартенева уже в начале его научной деятельности, постепенно выработал в нем представление о том, что единственно полезное, научно (и общественно!) необходимое поле творчества — это разыскание и введение в оборот конкретных документов прошлого. В этом видел он свою задачу ученого и общественного деятеля. «Теоретизирование» не было для него основной точкой приложения сил. Поэтому и сочувствие свое славянофильским взглядам Бартенев проявлял прежде всего и главным образом в публикации соответствующих исторических материалов. Не случайно же современники отмечали, что «Бартенев, конечно, был славянофилом **в действии, в исполнении.** Он не теоретизировал, а делал славянофильство». Именно — «делал славянофильство», пробуждая, в частности, своими публикациями интерес и уважение к истории славян и собственной страны.

И все же Бартенев отличался более широким подходом к оценке прошедших и современных ему событий, чем это можно было бы предположить в соответствии с принятым еще до самого недавнего времени представлением о «коренных» славянофильских «началах». Так, не противопоставляя Россию Западу, он трезво полагал, что влияние западноевропейской цивилизации на Россию «благотворно в... существеннейших отношениях, что невозможно помышлять об его устранении»[5].

Своеобразие взглядов Бартенева сказалось и в оценке им деятельности Петра I — исторической фигуры, отношение к которой, как и к фигуре Ивана Грозного, долгое время являлось как бы лакмусовой бумажкой, определявшей принадлежность ученого, публициста или художника к тому или иному общественному течению. Ниже мы еще остановимся подробно на исторической оценке Петра I, сделанной Бартеневым, здесь же отметим лишь, что для него активная внутриполитическая и международная деятельность Петра I — этого, по его словам, «чудо-богатыря Русской земли» — способствовала сохранению и упрочению Российского государства перед «сокрушающим напором Западной Европы». А в известном культурно-историческом противопоставлении двух направлений: одного, связанного с именем Петра I, другого — с именем его сына Алексея — Бартенев занимал совсем не славянофильскую позицию и характеризовал последнего как «несчастного представителя косных начал земли нашей».

Наконец, широта его научных взглядов предполагала помещение на страницах его изданий материалов о представителях различных направлений русской общественной мысли второй половины XIX века, а отнюдь не только о славянофилах, за что, по собственным словам Бартенева, «и Западники и Восточники не считали меня вполне своим».

...Вернемся, однако, к внешней стороне жизнеописания Бартенева. В середине 1850-х годов, а именно с 1854 по 1858 год, он — единственный раз в своей жизни — находится на государственной службе: работает в Московском главном архиве министерства иностранных дел и достигает в служебной иерархии ступеньки столоначальника. Поскольку этот период успел по-

пасть в воспоминания Бартенева, вновь обратимся к их страницам.

«В 1853 году, когда я жил в игрушечном магазине Трухачева, навестил меня профессор С. М. Соловьев и предложил от имени князя Михаила Андреевича Оболенского поступить на службу в находившийся под его управлением Московский главный архив министерства иностранных дел — это хранилище важнейших исторических бумаг, какие знает русская историография. Архив помещался в огромном доме некогда дьяка Украинцева и состоял в ведении Посольского приказа. Только верх его отапливался, внизу же под сводами хранились бумаги, доставать которые приходилось не иначе, как укутавшись, а зимою в шубе и валенках... Архив и служба в нем были поставлены на строгий чиновничий лад. Когда приезжал начальник, все отвешивали ему поклоны и он с важностью уходил за стеклянные двери главной присутственной комнаты с зелеными занавесками, и туда никто не мог входить иначе, как по звонку князя Оболенского.

Главный делопроизводитель, Александр Николаевич Афанасьев, собиратель и издатель русских народных сказок, имел помещение во флигеле архива, который весь некогда занимали предшественники князя Оболенского — Алексей Федорович Малиновский и Николай Николаевич Бантыш-Каменский. Занятия чиновников состояли в разборе бумаг и в списывании их по указанию директора. Я успел списать около сотни писем графа Остермана, толковых и писаных отличным русским языком...

Про князя говорили, что он находится в тайной службе в секретном отделении государевой канцелярии. Позднее, когда он уже вышел в отставку и я уже не служил в архиве, статс-секретарь Гамбургер сказывал мне, что Оболенский прислал князю Горчакову письмо с жалобою на меня и на Сергея Михайловича Соловьева, что мы в наших трудах позволяем себе ссылаться на перлюстрации, хотя относящиеся к временам елизаветинским. К концу своего служения князь Оболенский сделался несносен. Так, Афанасьева уволил он от службы за то, что у него на казенной квартире переночевал эмигрант Кельсиев».

Безусловно, служба в архиве способствовала развитию у Бартенева навыков архивно-изыскательской

работы, вкуса к документам и исследовательского чутья в их поиске — счастливого и не слишком распространенного среди историков качества! Наконец, работа в архиве, постоянное общение на «ты» с документами (важная привилегия служебного положения) способствовали укоренению в Бартеневе того взгляда, что достаточно обнародовать документы, сделать их доступными исследователям, специалистам, любителям старины, как историческое прошлое станет для всех очевидно ясным. (Об этом еще будет подробнее сказано позже.) Эта мысль отчетливо выражена в дневниковой записи Бартенева от 10 января 1855 года: «Сегодня в архиве, к общей досаде нас, чиновников, очень долго сидел... Гильфердинг Федор Иванович, главный архивариус империи: ему вносили огромные ящики, расколачивали их, и он в них рылся. Это те ящики с разными историческими сокровищами, которые прошлою весною перевезены сюда из С.-Петербурга в одно время с золотом Монетного двора. Всех ящиков около 160; они все глухо запакованы; ни реестра, ни ключей здесь нет. Сам Гильфердинг забыл ключи в Петербурге и открывал с слесарем ящики наугад. Сколько слышал я от чиновников, Гильфердингу нужны были какие-то петровские и елизаветинские бумаги по морской части. Тут же при разборе чиновники видели небольшую связку писем царя Алексея Михайловича, множество писем Петра и Екатерины II: все это будущее достояние истории. И сколько трудов употребляют ученые для того, чтобы дойти до того, что, вероятно, объясняется при одном взгляде на эти бумаги. Оттого история своею неточностию становится досадна; надобен крепкий ум, чтобы следить в ней одно несомненное»[6]. Не этими ли взглядами Бартенева объясняется, в частности, его научная деятельность, отчетливо направленная на поиски и публикацию исторических документов в целях исправления досадной «неточности» исторической науки.

В начале 1858 года Бартенев оставляет службу в архиве. И к этому же году относится довольно загадочное событие в его жизни, вполне достаточное, чтобы предоставить сюжет для небольшого исторического детектива, столь модного в наши дни. Здесь, вероятно, следует сделать «историографическое» отступление.

В 1858 году Вольная русская типография в Лондоне издает «Записки» Екатерины II. В самое непродолжительное время они выходят в свет на некоторых других западноевропейских языках. Успех, которым пользуются эти мемуары, оглушителен. Читающий мир с удивлением и интересом узнает скрытые стороны жизни высшего русского общества, тайны правящей династии, тщательно скрывавшиеся на протяжении долгого времени. Царское правительство принимает энергичные меры, чтобы воспрепятствовать распространению этого документа, пытается узнать, каким образом и с чьей помощью «Записки» были получены А. И. Герценом; правительственные агенты скупают экземпляры книги по всей Европе. Но дело было сделано. В Россию книга проникала различными способами, успех ее у русских читателей был велик.

Естественным образом возник вопрос: кто тот человек, который передал А. И. Герцену «Записки» Екатерины II — документ большой политической силы?

В печати первое упоминание о лице, доставившем А. И. Герцену в Лондон «Записки» Екатерины II, появилось в 1890-х годах, когда на страницах журнала «Русская старина» печатались мемуары Н. А. Тучковой-Огаревой. Вот что пишет Н. А. Тучкова-Огарева об этом эпизоде:

«В это время (когда Герцен получил письма дворовых людей князя Ю. Н. Голицына) приехал к Александру Ивановичу один русский, NN. Он был небольшого роста и слегка прихрамывал. Герцен много с ним беседовал. Кажется, он был уже известен своими литературными трудами. Теперь, когда его уже нет на свете, я могу открыть тайну, которую знаю одна, могу рассказать о причине, которая привела его в Лондон. После его первого посещения Герцен сказал Огареву и мне: «Я очень рад приезду NN, он привез клад, только про это ни слова, пока он жив. Смотри, Огарев,— продолжал Герцен, передавая ему тетрадь,— это записки императрицы Екатерины II, писанные ею по-французски; вот и тогдашняя орфография — это верная копия»... Русские стремились только узнать, кто привез их из России, но это была тайна, которую кроме самого NN знали только три человека, обучившиеся молчанию при Николае I. Когда записки императрицы

были напечатаны, NN был уже в Германии, и никто не узнал о его поездке в Лондон. Из Германии он писал Герцену, что желал бы перевести записки эти на русский язык. Герцен с радостью выслал ему один экземпляр, а через месяц перевод был напечатан Чернецким».

Не вдаваясь в специальный источниковедческий анализ этого сообщения, отметим лишь то, что сразу как-то бросается в глаза своей нескладностью. «Теперь, когда его уже нет на свете»,— пишет Тучкова-Огарева. Таким образом, «теперь», то есть в 1890-е годы, NN нет в живых. Но если это так, то почему мемуаристка не называет фамилии этого человека (по словам Герцена, воспроизведенным ею, молчание было ограничено сроком жизни самого NN)? Закономерен вопрос: а помнит ли (знает ли) Тучкова-Огарева фамилию NN? К тому же и ее описание NN — «небольшого роста и слегка прихрамывал» — чисто внешнее и при этом предельно лаконичное. Далее. NN просит Герцена прислать ему один экземпляр «Записок» для перевода на русский язык. Это довольно странное обстоятельство: NN, сам обладатель рукописи, мог сделать перевод на русский язык и ранее, до передачи документа Герцену. Подобные «странности» в сообщении Тучковой-Огаревой можно было бы и продолжить. Отметим только, что первое публичное сообщение об обстоятельствах опубликования «Записок» Екатерины II путано и туманно.

Продолжим «расследование». В начале нашего века Академия наук издавала собрание сочинений Екатерины II. «Записки» венценосной мемуаристки, подготовленные к печати А. Н. Пыпиным, были опубликованы в 12-м томе и вышли в свет в 1907 году. И вот, комментируя обстоятельства обнародования «Записок», А. Н. Пыпин приводит выше цитированное нами место из воспоминаний Н. А. Тучковой-Огаревой и после слов последней, что «теперь, когда его уже нет на свете», делает сноску, состоящую всего лишь из трех слов: «Автор «Воспоминаний» ошибается». Это как бы вскользь брошенное замечание означает, что А. Н. Пыпину известны были обстоятельства издания «Записок» и то, что в начале нашего столетия человек, доставивший их А. И. Герцену, был еще жив.

Кто же был этим человеком, по мнению А. Н. Пы-

пина? Ответ содержится в письме историка М. К. Лемке, готовившего в начале века к изданию сочинения А. И. Герцена и писавшего 19 октября 1905 года: «Из рассказа покойного Пыпина мне известно, что «Записки» Екатерины II к Герцену привезены были Вами. Если это верно, то не позволите ли сказать об этом в печати?» Письмо было адресовано герою нашего повествования, который 22 октября, то есть сразу же по его получении, отвечал М. К. Лемке: «Прошу Вас не оглашать в печати, будто я привез Герцену записки Екатерины II. Это может мне повредить у некоторых лиц. К тому же оно (это мнение.— **А. З.**) вполне неверно. Покойный А. Н. Пыпин (как и князь А. Б. Лобанов) были введены в заблуждение записками Огаревой... Я занимался много записками Екатерины II, с которыми меня познакомил Т. Н. Грановский, по списку, полученному им от Раевских. В марте 1856 г. они ходили уже по рукам... И немудрено, что Огарева меня смешала, видев меня у Герцена в одно время с другим лицом, тоже ходившим на костылях».

Как видим, сам Бартенев отрицал свою причастность к обнародованию «Записок» Екатерины II А. И. Герценом. Хотя слух о роли Бартенева в этом деле был очень упорным. «Молва гласила,— вспоминал современник,— что именно ему невесть какими путями удалось списать копию с подлинных записок Екатерины II, хранившихся в государственном архиве за семью печатями, и препроводить их Герцену, который, как известно, издал их в Лондоне».

В 1929 году было осуществлено второе издание «Воспоминаний» Н. А. Тучковой-Огаревой под редакцией С. А. Переселенкова. На соответствующей странице, где мемуаристка говорит о приезде NN к А. И. Герцену, С. А. Переселенков делает сноску и поясняет, что он обращался к лицу, близко знавшему Бартенева, и тот ответил категорически отрицательно на вопрос, не Бартенев ли привез «Записки» А. И. Герцену.

И лишь сравнительно недавно, в 1980-е годы, историк Н. А. Рабкина установила, что перед отъездом Бартенева по его просьбе «Записки» Екатерины II переписывала А. П. Елагина. Копия, сделанная именно ее рукой, находилась у А. И. Герцена, и, таким образом, вопрос нашел свое окончательное разрешение.

Вернемся, однако, к 1858 году. Чем же была вызвана первая зарубежная поездка Бартенева? Ответ будет все же не так очевиден, как это могло бы показаться после приведенного выше историографического экскурса. Действительно, несмотря на таинственность лондонского эпизода в биографии Бартенева, было бы неточно рассматривать эту поездку Бартенева за границу как предпринятую исключительно с целью встречи с А. И. Герценом и тайной передачи ему обличительного материала — при всей внешней соблазнительности этой версии. Несомненно, этот мотив присутствовал. Бартенев планировал встречу с А. И. Герценом: об этом было известно в окружении Бартенева.

Но главной причиной поездки все же было иное: с одной стороны, характерное для многих русских того времени обращение к западноевропейским научным центрам для пополнения собственного образования и приобщения к достижениям европейской научной и политической мысли, с другой — и это связано с упоминавшимися выше интересом Бартенева к славянской истории и современности, а также его славянофильским окружением,— желание поближе, самому увидеть славянский быт, стремление к общению с видными представителями славянского ученого мира — В. Ганкой и П. И. Шафариком. В этом отношении любопытны и достаточно показательны вопрос и недоумение, прозвучавшее в письме неславянофила П. А. Плетнева Бартеневу от 21 июля 1858 года: «Зачем торопитесь вы в Прагу? Ужели рассмотрение чудес искусства и науки в Лондоне и Париже менее для вашей любознательности поучительно, как беседа с Ганкою и Шафариком?» [7] В одном из писем этого времени к князю П. А. Вяземскому тот же Плетнев, повествуя о заграничном вояже Бартенева, пишет о Праге как о «главной цели его путешествия». А сам Бартенев еще в январе 1857 года писал брату: «Заветное мое желание — хотя полгода побывать в славянских краях».

Итак, в эту свою первую заграничную поездку Бартенев посетил Бельгию, Германию, Францию, Англию, был в Праге; посещал университеты, в частности «слушал лекции Куно Фишера * и Дройзена **»,

* К. Фишер (1824—1907) — немецкий историк философии.
** И. Г. Дройзен (1808—1884) — немецкий историк.

«по целым страницам читал Маколея» *. В Брюсселе Бартенев многократно встречался с видным польским общественным деятелем И. Лелевелем, беседы с которым, считал Бартенев, «стоят многих лекций». Эти беседы надолго остались у него в памяти.

Вернемся к А. И. Герцену. За время путешествия Бартенев дважды был в Лондоне у вождя русской политической эмиграции: в конце августа и в начале ноября. Сейчас трудно восстановить во всех тонкостях и деталях отношение Бартенева к Герцену и его деятельности, но все же попытаемся на основе дошедших до нас свидетельств представить себе вероятное содержание и развитие этих взаимоотношений.

С изданиями Герцена Бартенев был знаком еще до поездки за границу. В 1857 году один из его корреспондентов — Н. Н. Луженовский писал Бартеневу: «Помните, в субботу, у Смирновых, вы говорили, что некто из знакомых вашего знакомца — Полторацкого нашел сверток с книгами Искандера и не знает, что с ними делать. Около месяца тому назад обронил один из моих знакомых — Петр Васильевич Псомос сверток, в котором были: I том «Полярной звезды», 3 книжки «Голосов из России» и I № «Колокола». В собственной библиотеке Бартенева имелись различные издания Вольной русской типографии; к ним не раз обращались многие знакомые Бартенева.

2 августа 1858 года (еще до встречи с А. И. Герценом) Бартенев писал П. А. Плетневу из Остенде: «Колокол» и другие лондонские издания, рассеянные здесь по всем ресторациям и кофейням, конечно, не представляют отрадного чтения и только раздражают и волнуют». На первый взгляд кажется, что автор подобного высказывания не мог везти «Записки» Екатерины II человеку, чьи издания столь нелестно им охарактеризованы. Но, во-первых, не была ли эта фраза написана сознательно для жандармских перлюстраторов? Вспомним, что, как историк и в особенности как архивист, Бартенев прекрасно был осведомлен о перлюстраторской деятельности, «плоды» которой служили историческим источником в его исследованиях. Во-вторых, нельзя ли понимать эту фразу

* Т. Б. Маколей (1800—1859) — английский историк, публицист и политический деятель.

в том смысле, что в путешествии у Бартенева не было художественной литературы для «отрадного чтения» и он вынужден был читать только злободневные, резко полемические издания русской эмиграции, которые «раздражают и волнуют». Именно — «волнуют».

...На память о встрече Герцен подарил Бартеневу редкую книгу, на которой тот сделал помету: «Сочинение Якова Рейтенфельса». Подарен мне в Лондоне в 1858 А. И. Г-ом, которому книгопродавец Трюбнер поднес эту книжку как большую редкость. П. Б.»[8]. Общение с Герценом оказало определенное влияние на Бартенева; уже после возвращения из поездки по Европе, 2 января 1859 года, он писал П. А. Плетневу: «Если хочешь любить Россию разумно, то это возможно только в прошедшем, как делают многие друзья мои, или в будущем, как Герцен». Нельзя не заметить определенного совпадения в оценках Герценом и Бартеневым настоящего России. Но Бартенев устремлен в прошлое, Герцен — в будущее.

Для того чтобы завершить сюжет «Герцен и Бартенев», забежим несколько вперед, в год 1870-й, когда «Русский архив», издаваемый Бартеневым, привлекал все большее внимание читателей, интересующихся историческими материалами. В этот год скончался Герцен, и Бартенев не мог не откликнуться на известие о его смерти. Насколько мы можем сейчас судить, Бартенев предложил некоторым своим знакомым написать о Герцене что-либо в роде воспоминаний. Уже в середине января А. О. Смирнова, писательница-мемуаристка, сообщала Бартеневу: «Весьма интересно и хорошо написала статью о Герцене, хотя я признаю, что он был безнравственный и злой человек, как всякий материалист». Бартенев отклонил публикацию этой статьи и обратился с просьбой о написании статьи к М. П. Погодину, у того работа шла медленно, что-то ему не давалось, и, имея это в виду, Ба́ртенев писал ему 22 января: «Если вам не пишется о Герцене, то не трудитесь: я ограничусь двумя словами от себя и перепечаткою одного отрывка из «Былое и думы». Если же не брошено намерение, то, разумеется, много одолжите». Уже в этом письме чувствуется определенное равнодушие владельца «Русского архива» к статье М. П. Погодина. Через несколько дней тот писал Бартеневу: «Статья о Гер-

цене вышла большая... Записка ваша сказала мне, что вам она и не очень нужна. Так я пошлю ее в «Зарю» *». Это сообщение вовсе не расстроило Бартенева, поскольку у него уже сложился другой план, и он ответил М. П. Погодину: «Что же делать, «Заря» переняла, а у меня будет напечатана статья Свербеева, написанная в Париже. Он виделся с Герценом перед его смертью. Примите мою душевную благодарность за написание статьи и обязательную готовность. Стало быть, я прочту ее в «Заре».

Что ж, познакомимся с позицией Д. Н. Свербеева, с его оценкой деятельности и личности Герцена, оценкой, которая — и это нам особенно важно — в данном случае соответствует отношению к Герцену и самого редактора журнала; не только изложенная выше история выбора автора статьи доказывает это.

Прежде всего, конечно же автор статьи никогда не разделял «теорий» Герцена. «Но, что бы ни говорили,— пишет Д. Н. Свербеев,— я не верю теперь тем тяжелым обвинениям, которые распространялись на его счет в нашем обществе и нашей печати. Я решительно отвергаю теперь, что добрый по сердцу Герцен способен был поощрять какие-либо темные личности или какие-нибудь массы на зажигательства и убийства». Отметим сразу же: А. О. Смирнова о Герцене — «безнравственный и злой»; Д. Н. Свербеев — «добрый по сердцу Герцен». И именно позицию последнего выбрал Бартенев для своего журнала. Более того, в одном из томов редакционного архива (той его части, что хранится в ОПИ ГИМ) содержится неопубликованная часть воспоминаний Д. Н. Свербеева, где говорится о том, что Герцен «ни в чем не успел и умер в отчаянии», описывается «предсмертное его безнадежное существование»; идет речь о том, что «всему этому бедственному состоянию и отца и детей причиной отсутствие всякого религиозного убеждения и крайний материализм». Все эти мрачные описания автор воспоминаний адресует «нашим будущим революционерам»[9]. Этого, повторим, нет в опубликованном тексте воспоминаний.

Таким образом, и выбор материала, и, главное,

* «Заря» — журнал, выходивший в Петербурге в 1869—1872 гг.

соответствующая подготовка его Бартеневым к печати свидетельствуют о его безусловно искреннем и глубоком уважении к личности Герцена. Не случайно так часто в записях Бартенева последующих лет упоминается имя Герцена, в библиографических обзорах «Русского архива» систематически встречаются издания Герцена и посвященные ему, выходившие за границей; в конце века, в своем ближайшем окружении, Бартенев защищал Герцена от нападок на него как на «панегириста Варфоломеевской ночи».

И пожалуй, еще одно замечание в связи с Герценом. В исторической литературе существует довольно веское предположение о том, что Бартенев привез в Лондон не одни «Записки» Екатерины II, а несколько исторических документов, и в частности «Разбор донесения тайной следственной комиссии», написанный М. С. Луниным и Н. М. Муравьевым. Поэтому напомним лишь о достаточно близком общении Бартенева с Д. Н. Блудовым, составителем «Донесения тайной следственной комиссии», которому, по убеждению Бартенева, следовало бы в первую очередь хлопотать о смягчении участи сосланных декабристов; а также укажем, что в архиве Бартенева сохранились два списка этого документа, опубликованного в пятой книге «Полярной звезды» в 1859 году.

Независимо от количества привезенных в Лондон Бартеневым исторических материалов возникает естественный вопрос — почему он это сделал? С какой целью? Вопрос сложен. Очевидно, вряд ли возможно ответить на него с исчерпывающей полнотой. Тем не менее одно соображение общего порядка, которое, быть может, способно в целом объяснить поступок Бартенева, хочется высказать. Дело в том (и к этому мы еще вернемся специально), что к середине XIX века русская история XVIII — первой половины XIX века была не просто меньше изучена, чем, скажем, древняя русская история,— она сохраняла множество белых пятен, и не только в исторических штудиях специалистов, но и в широком общественно-историческом сознании. Герцен одним из первых осознал необходимость преодоления такого положения вещей и приступил к широкой публикации исторических материалов сравнительно недавней русской истории, то есть именно того периода, которому в основном и был

посвящен позднее «Русский архив» Бартенева. В этом смысле передача Бартеневым Герцену для издания исторических материалов может рассматриваться как стремление Бартенева с помощью Герцена обнародовать важные документы, внести свою лепту в дело изучения новой русской истории, а также как этап в истории создания исторического журнала «Русский архив» (в непродолжительный период редактирования журнала «Русская беседа» в 1857 году Бартенев как раз и стремился придать историческое направление этому изданию), как этап в осознании Бартеневым необходимости создания подобного журнала для того, чтобы, как он сам позже скажет, «разумно любить Россию в прошлом», в противоположность герценовской любви к России будущей.

По всей вероятности, именно конец 1850-х годов был периодом наиболее критического отношения Бартенева к существующим в России порядкам. Не случайно, по мнению некоторых близких Бартеневу людей, именно в это время в круге его знакомств могли быть люди передовых и даже революционных взглядов. Так, П. А. Плетнев, раздумывая о журнально-издательском предприятии, писал Бартеневу 24 апреля 1859 года: «Разумеется, я буду искать (как они* и Краевский всегда делали) своего Чернышевского и Белинского. Нет ли у вас на примете такого человека?» [10] Со временем Бартенев все более и более будет переходить на умеренно-консервативные позиции, повторяя традиционный для многих либералов той поры путь «от фронды к охранительству». Понятно поэтому и его нежелание в начале нашего столетия публично признавать «грех молодости», связанный с доставлением Герцену важных исторических материалов.

После возвращения в Россию, в 1859 году, Бартенев становится заведующим Чертковской библиотекой — богатейшим книжным и рукописным собранием по истории, археологии, этнографии, которое принадлежало историку А. Д. Черткову, а затем его сыну. Любопытна забота Бартенева о, так сказать, «резерве на выдвижение», когда в 1863 году, находясь на посту заведующего библиотекой, Бартенев «на случай своего выхода, увольнения или кончины» реко-

* Имеются в виду Н. А. Некрасов и И. И. Панаев.

мендовал Г. А. Черткову на это место трех кандидатов: К. Н. Бестужева-Рюмина, А. Е. Викторова и Д. И. Иловайского, так как «имена их довольно известны в нашей исторической и археологической литературе»[11]. По словам историка и библиографа М. Н. Лонгинова, Бартенев «создал, устроил, усовершенствовал, увеличил, а что важнее всего — оживил» Чертковскую библиотеку, которая в 1873 году была подарена владельцем Москве и влилась в собрание библиотеки Румянцевского музея. В связи с этим Бартенев безуспешно хлопотал о месте начальника Московского архива министерства иностранных дел.

В 1859 году Бартенев женится на Софье Даниловне Шпигоцкой. Семья Бартенева с годами стала многочисленной. Сыновья: Иван, окончивший впоследствии морской корпус; Федор, занимавшийся больше управлением собственным имением, и притом не слишком успешно; Сергей — известный пианист, ученик С. И. Танеева, историк; Юрий, ставший цензором, к великому неудовольствию отца, всю жизнь боровшегося с цензурой. Дочери: Надежда, принимавшая участие в экспедициях по Уссурийскому краю и на Памир; Татьяна (в замужестве Вельяшева) — художница, ученица О. Родена.

Основным источником дохода для Бартенева являлись его литературно-издательские работы, в том числе наиболее крупная из них — издание «Архива князя Воронцова», за каждый из 40 томов которого он получал по условию 5 тысяч рублей, а также работа в Чертковской библиотеке. В начале 1860-х годов Бартенев много репетиторствует в богатых купеческих домах. Финансовое положение Бартенева и его многочисленной семьи не всегда было достаточно устойчивым и требовало постоянного внимания со стороны Бартенева. Тем не менее можно определенно сказать, что со временем материальное положение семьи все более укреплялось. В 1868 году было куплено имение в Саратовской губернии — Лысые горы, приносившее небольшой доход. Содержание семьи обходилось Бартеневу примерно в 3 тысячи рублей в год. В 1900 году министерством внутренних дел было выдано Бартеневу «из негласных сумм» 1200 рублей, а с 1909 года Николай II выдавал ему по 1500 рублей ежегодно, помимо получения им такой же суммы от ми-

нистерства народного просвещения; в 1912 году Бартеневу была предоставлена сумма в 5 тысяч рублей «на расплату с долгами». Помимо этого, Бартенев, «приноравливаясь к новым условиям», охотно участвовал в акционерных обществах русских предпринимателей, будучи особенно близок к крупному предпринимателю и откупщику В. А. Кокореву, по словам Бартенева,— «человеку зоркого ума и гениального сердца», и одно время даже намеревался занять место в правлении одного из кокоревских предприятий.

Научный «послужной список» Бартенева выглядит следующим образом: в 1859 году он — член Общества любителей российской словесности, в 1867-м — Русского исторического общества, с 1871-го — член-корреспондент, а с 1873-го — действительный член Московского археологического общества, с 1888-го — член Общества любителей древней письменности, в 1890-е годы Бартенев — член комиссии по устройству народных читален и библиотек, с 1901 года он — почетный член Московского общества истории и древностей российских, в 1911 году Бартенев избран почетным членом Тамбовской губернской ученой архивной комиссии...

В 1863 году Бартенев приступил к изданию своего знаменитого исторического журнала «Русский архив», которому будет посвящена отдельная глава. Помимо этого издания в 1868—1869 годах Бартенев подготовил к печати и выпустил четыре книги сборника «Осмнадцатый век», а в 1872-м — две книги «Девятнадцатого века», рассматривавшихся им как своеобразное дополнение к журналу. С 1870 по 1895 год Бартенев осуществил документальную серию в 40 томов под названием «Архив князя Воронцова». Без преувеличения можно сказать, что эти издания, впервые вводившие в научный и литературно-общественный оборот множество источников — особенно по новой истории России, составили эпоху в широком освоении русского прошлого XVIII—XIX веков.

К середине 1860-х годов относится его знакомство с Л. Н. Толстым, занимавшимся русской историей в Чертковской библиотеке. Хорошее знание Бартеневым истории России XVIII—XIX веков, исторических источников и литературы послужило причиной того, что именно ему Толстой предложил быть редактором и

историческим консультантом в работе над романом «Война и мир». 31 марта 1867 года Толстой обращался к Бартеневу: «Напишите мне, ежели это не составит для вас большого труда, материалы для истории Павла-императора. Не стесняйтесь тем, что вы всего не знаете. Я ничего не знаю, кроме того, что есть в «Русском архиве». Но то, что есть в «Архиве», привело меня в восторг. Я нашел своего героя». Как видим, роль журнала в истории создания романа значительна. В письме от 18 декабря 1867 года П. А. Вяземскому Бартенев определял степень своего участия в издании романа: «Мое участие тут только печатание (отнюдь не денежная часть), так как сочинителя нет в Москве, и надзор, чтобы не было слишком явных исторических неверностей. Это опять больше психологический роман». Тем не менее слухи значительно преувеличивали роль Бартенева в создании романа, и 7 января 1868 года он более подробно писал своему племяннику историку Н. П. Барсукову: «Откуда эти россказни, будто я купил роман Толстого? Скажи Муханову, что это сущий вздор. Толстой только поручил мне печатание в том расчете, что я не пропущу исторических несообразностей; равно Чертков позволил ему сложить книгу у себя в библиотеке. Что же я получу за свой труд, это бог весть; тем более что автор, вопреки всем моим уговорам, живя у себя в Тульской деревне и вследствие этого горячась воображением, назначил сумасшедшую цену. Я попробую выпросить себе несколько экземпляров. И тогда пришлю тебе». В связи с романом возникали вопросы о реальных прототипах его героев, и здесь Бартенев охотно давал исчерпывающую информацию: «В «Войне и мире» действительные лица только старый князь Волконский (сосланный Павлом в Архангельск) — дед автора, княжна Мария — мать автора, молодой граф Ростов — его отец и старик Ростов — его дед; Денисов — Денис Давыдов и Долохов; все остальное вымысел, по словам графа Толстого, который говорит, что ему не хотелось выдумывать разных Пронских и Звонских, а лучше захотелось взять общеизвестные, но прикрытые фамилии».

Из многочисленных упоминаний о Толстом в переписке Бартенева приведем еще лишь два, характеризующих не только Толстого, но также и Бартенева.

2 мая 1872 года он писал П. А. Вяземскому: «Война и мир» посылается. Автор на днях встретился мне на улице, и мы прошлись с ним: он печатает какую-то большую книгу для детского чтения. Удивительный человек! Ругает Крылова, находя, что народность у него напускная и для детей вредная». И наконец, 11 февраля 1875 года тому же Вяземскому Бартенев писал: «Анна Каренина» отправилась к вашему сиятельству третьего дня. По началу судить еще нельзя, но оно почти все читается живо, а некоторые сцены, например, обед с татарскою прислугою или неловкое положение провинившегося мужа, отменно мне понравились. Можно ли при свидании передать автору ваш отзыв об его таланте? Вы знаете, что в новом издании «Войны и мира» он выбросил всю свою философию и с отличающим его практицизмом сказал мне, что он это сделал, чтобы сократить издержки печатания».

Бартенев высоко ценил художественные произведения Толстого и писал по этому поводу: «Историческое значение сочинений графа Л. Н. Толстого так велико, что они уже теперь входят в область «Русского архива» и его библиографии».

Среди внимательных читателей документальных изданий Бартенева — И. С. Тургенев, неоднократно приглашавший его к себе в Спасское. 8 октября 1869 года Тургенев писал Бартеневу: «Получил я от вас 2-ую часть «Осмнадцатого века»... которую я прочел уже почти всю с великим интересом. Особенно любопытны документы о Екатерине I-й, о Мировиче, статья о Ваньке-Каине. Ваши издания для меня настоящий клад». Большой интерес вызывал у Тургенева и «Русский архив», для которого он написал воспоминания о П. А. Плетневе. «Это решительно одно из интереснейших изданий в нашей литературе,— писал Тургенев о «Русском архиве»,— и я читаю каждую книжку с особенным вниманием». Довольно своеобразными были суждения Бартенева о литературном творчестве Тургенева. Так, в письме П. А. Вяземскому от 12 марта 1872 года он изложил свой «взгляд на русскую литературу» современной ему эпохи: «В защиту Тургенева (с которым я прошлый год виделся здесь у Милютиных) скажу, что все-таки он из всех новейших литераторов самый образованный и начитанный. Что ж делать, что уж такая бескостная натура. Если мож-

но так выразиться, он только и довольствуется тем, что у музы подол подымает, а к самому акту бессилен. В Писемском гораздо больше мужественного творчества; зато он совсем невежа. В графе Толстом нельзя не признать, что с музою он плодотворно сожительствует, но и обращается с нею по-мужицки» [12].

К изданиям Бартенева обращался Н. А. Некрасов — при работе над поэмой «Русские женщины», о чем писал М. С. Волконскому: «Многое, что вошло в мою поэму, находится в материалах в статье Бартенева». Бартенев следил за творчеством Н. А. Некрасова, некоторые его стихотворения знал наизусть, не раз одалживал у него крупные суммы, но все это тем не менее как-то «не помешало ему не подать руки самому Некрасову в присутствии нескольких других литераторов» [13].

Всегда был в курсе издаваемых Бартеневым документальных материалов исторический романист Г. П. Данилевский. Высылая Бартеневу свои последние издания, он писал в августе 1874 года: «Все это я вам послал в знак моего многолетнего и глубочайшего к вам почтения, за вашу неоценимую деятельность на пользу русской истории и литературы. Тому только может быть ясна эта польза и приносимое вами не одному поколению писателей добро, кто вздумает, подобно мне, начать исследования в документах исторических для историко-литературного труда. Вот уже несколько лет я готовлюсь к написанию исторического романа «Иван VI Антонович» (заглавие будет другое)... Но вы поймете, что читать одно печатное — еще мало (я ездил в Шлиссельбург, проник в казематы его, расспрашивал старожилов)... Дорого еще поговорить, обменяться устною беседой с таким знатоком истории XVIII века, как вы».

Благодаря своей энергичной собирательской деятельности и широко поставленной деятельности издательской, Бартенев явился в XIX столетии своеобразным «центром» по изучению русской культуры. Удивителен своей многочисленностью и разнообразием и круг его знакомств. Достаточно сказать, что в настоящее время только в фонде Бартенева, хранящемся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР, содержатся письма к нему от более чем двух тысяч корреспондентов. Здесь и государст-

венные деятели разных рангов, и представители науки, искусства и литературы, и журналисты, и общественно-политические деятели различных направлений — все, так или иначе заинтересованные в обнародовании историко-литературных материалов. И. С. Тургенев и Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и В. Я. Брюсов, Ф. И. Тютчев и Н. А. Некрасов, Н. Г. Рубинштейн и С. П. Дягилев, Н. Ф. Федоров и К. П. Победоносцев, И. П. Пожалостин и А. С. Голубкина — все они в той или иной степени соприкасались с Бартеневым.

В середине 1870-х годов Бартенев сближается с кружком петербургских историков и литераторов, государственных и общественных деятелей, собиравшихся в доме Н. П. Барсукова, который, как отмечал Бартенев, «не только мой племянник, но и мой выученик и родня мне по всему». Среди них К. Н. Бестужев-Рюмин, А. Ф. Бычков, Л. Н. и А. Н. Майковы, П. П. Вяземский, Н. Я. Данилевский, Н. П. Семенов, Д. Ф. Кобеко, П. И. Савваитов, В. Г. Васильевский, Е. Е. Замысловский, Ф. Н. Берг, Д. В. Аверкиев, П. А. Гильдебрандт и некоторые другие.

Среди корреспондентов Бартенева А. Ф. Писемский и П. И. Мельников-Печерский, о которых Бартенев писал 31 января 1875 года П. А. Вяземскому: «У нас, т. е. в Обществе любителей, справлялись юбилеи Мельникова и Писемского. Много было забавного, но оба публичные заседания переполнялись посетителями и были живы. Писемский с теплотою и признательностью вспоминает о вас; рассказывал мне, как он читал вам свою «Горькую судьбину». И, через несколько дней, Вяземскому же: «Писемского «Просвещенное время» есть груда общественного навозу, преподносимая публике. И ничего, нюхают! Второй акт в особенности жадно смотрится на сцене. Писемский превосходно прочитал этот акт в Обществе любителей словесности. Не прислать ли вам два томика драм Писемского? Помню, что вы охотно читаете всякие процессы: а у него зачастую уголовщина. Его приятели рассказывают, что когда он служил и имел дело с колодниками, то простирал свою страсть к психологическим разведываниям до того, что ночевал со своими арестантами».

Еще раз обратимся к вопросу об общественно-по-

литических взглядах Бартенева начиная со второй половины 1850-х годов.

Московский журнал «Русская беседа», выходивший в 1856—1860 годах и являвшийся органом славянофилов, как известно, выступал за освобождение крестьян с землей за выкуп и с сохранением крестьянской общины. Зная активное сотрудничество Бартенева в этом журнале, можно говорить, что его взгляды по этому вопросу совпадали с позицией журнала. В дневнике Бартенева от 12 декабря 1857 года есть запись о мерах правительства по отмене крепостного права: «Никто так не радуется этому, как славянофилы и бывшие декабристы». Отмена крепостного права была восторженно встречена Бартеневым. В крепостном праве было много «самодурства и развращения». Но со временем, видя неудачу «великого переворота», Бартенев вину за это возложил на бюрократический характер проведения реформы. Вообще говоря, именно в бюрократии, в «бесчисленных чиновниках» и «усложнении законов» видел Бартенев причину социальных потрясений в России второй половины XIX века и, по-своему выражая протест, публиковал материалы о злоупотреблениях бюрократии в XVIII веке, называя ее отжившей.

В целом отрицательно относясь к польскому восстанию 1863 года, Бартенев попытался связать его с волнениями, в первую очередь крестьянскими, происходившими в это время в России. Он писал: «В отдаленном будущем времени... историк непременно задумается на удивительном совпадении варшавских волнений с тем, что происходило тогда в остальной России: волнения эти начались немедленно вслед за провозглашением отмены крепостного права». Бартенев ясно видел, что дворянство как класс сходит со сцены общественной жизни, на смену ему приходят новые социальные силы. «Дворянство гибнет,— писал он в 1897 году,— не желая приноровиться к новым условиям жизни и не умея по одежке протягивать ножки»[14]. Столь трезвая констатация факта не исключала, естественно, у Бартенева при подходе к рассмотрению «дворянского вопроса» в целом ностальгических ноток в отношении исторического прошлого дворянства. «Так называемый дворянский вопрос,— замечал он,— важен безмерно и затрагивает всю русскую жизнь,

даже все отношения наших вековечных просветительных начал к западным, тут не только политика, но и всемирная психология»[15].

В конце 1860-х годов Бартенев выступает в печати с протекционистских позиций, т. е. с позиций укрепления национального капитала, предпринимательства. Он ратует за укрепление отечественного железнодорожного дела, развитие которого, по его мению, обезопасит Россию от «внешних и внутренних врагов». Главным явлением пореформенной России Бартенев считал развитие и углубление «народного самосознания», а задачу «Русского архива» и всей своей издательской деятельности видел в содействии этому процессу.

Эволюция взглядов Бартенева отразилась и на его отношении к М. Н. Каткову. Так, в 1860-е годы Бартенев не без пафоса (явно доставлявшего ему немалое внутреннее удовлетворение) вопрошал: «Кто же из серьезных людей может верить Каткову?» — и демонстративно не участвовал в обедах, устраиваемых в его честь. В 1870-е годы раздражение вызывали у Бартенева и доносительские приемы «Московских ведомостей», по поводу чего он писал П. А. Вяземскому 25 марта 1874 года: «Прием Булгарина для нанесения вреда своим литературным противникам сделался в наши дни обыкновенным, и, например, редакция «Московских ведомостей» почти открыто им пользуется». Позднее, в 1880-е годы, отношение к М. Н. Каткову и его деятельности станет куда более снисходительным. Любопытен такой факт. В 1880 году, во время подготовки Пушкинских праздников, в Обществе любителей российской словесности решался вопрос о посылке пригласительного билета на торжества М. Н. Каткову. Подавляющее большинство было против. В числе троих, голосовавших за, был Бартенев.

В 1887 году, после смерти М. Н. Каткова, возникло соперничество в борьбе за приобретение «Московских ведомостей». Один из упорно ходивших слухов в качестве реального претендента на пост редактора газеты называл Бартенева. Причем речь шла о «каких-то генерал-адъютантах, которые... хотят взять газету, чтоб издавать ее под редакцией если не Бартенева, то Иловайского»[16].

Сборник трудов историка Н. М. Павлова «Наше

переходное время», изданный Бартеневым в 1888 году, состоял из статей, направленных против Н. А. Добролюбова, М. А. Антоновича, В. А. Зайцева, «Современника» и утверждал основную мысль автора о том, что в России нет розни социальной и национальной, она едина, а «краеугольный камень государственного спокойствия зиждется на спокойствии сельской глуши». Это издание в значительной мере отражало и взгляды Бартенева, который в предисловии назвал сборник «передовой статьей ко всем двадцати пяти годам «Русского архива».

К концу века общественные взгляды Бартенева получают законченную монархическую окраску, приобретенную не без влияния все более тесного общения с «сильными мира сего», в том числе с Александром III (на приемах и заседаниях Русского исторического общества), давшим Бартеневу чин действительного статского советника и «высочайше сообщавшим» для публикации в «Русском архиве» некоторые исторические документы. Заслуги Бартенева как государственного «летописца» были в своеобразной форме признаны в 1883 году, когда чиновник особых поручений при министре двора И. П. Ваганов сообщал Бартеневу: «Вы допущены как летописец, оказавший значительные услуги по разработке отечественной истории, быть свидетелем торжеств священного коронования их величеств». В 1897 году и германский император «пожаловал» Бартеневу за его издательскую деятельность бриллиантовую булавку.

В 1903 году, перед лицом нарастания широкого революционного движения в России, в качестве одной из мер, предпринятых для обеспечения «государственного спокойствия», Бартенев предлагал изъятие из актовых залов учебных заведений копий с картины С. А. Коровина, изображающей крушение императорского поезда 17 октября 1888 года при станции Борки, «как возбуждающих в учениках не всегда желательное впечатление».

Революцию 1905 года Бартенев встретил враждебно, отрицательно относясь к конституции и революционному движению, находясь в полном расхождении с действительностью. К. П. Победоносцев, чья фигура стала олицетворением самой крайней реакции, писал в июне 1906 года Бартеневу — одному из немногих,

кто не отвернулся от него: «Вы не можете себе представить, какая злоба и ненависть поднялась на меня отовсюду — сверху донизу, за то самое, что вы к чести моей относите»[17].

Своего рода духовное одиночество, вызванное непониманием исторического хода событий, неспособностью объяснить и понять настоящее с помощью так любимого им прошлого, нашло свое отражение и в укладе жизни Бартенева, его демонстративном отрешении от дня сегодняшнего, полном погружении в минувшее, многочисленные вещественные атрибуты которого превращали дом Бартенева в своеобразный оазис былого посреди непонятной ему пустыни настоящего.

Литератор А. К. Воронский, посетивший в начале века Бартенева, вспоминал: «В доме стояла тишина, необычайная для Москвы. Все, что было кругом, напоминало стародворянский уклад. На стенах из сосновых бревен, без обоев, но чистых, висели именитые портреты. Казалось, они надменно и сурово охраняли незыблемость и своего прошлого, и этого уклада в настоящем. На столе лежали альбомы — родословные знатнейших дворянских фамилий — книги в крепких сафьяновых переплетах. Кожаная темная мебель покоилась парадно и холодно. Пахло соломой, приятной затхлостью. На всем лежал отпечаток былого...»

В целом можно сказать, что общественно-политические воззрения Бартенева прошли путь от умеренно-либеральных в середине XIX века до консервативно-монархических в начале нашего столетия. Хотя, конечно, нельзя резко и схематично противопоставлять при рассмотрении эволюции общественных симпатий и антипатий Бартенева 1850—1860-е годы, с одной стороны, и 1880-е и позднейшие годы — с другой. На протяжении всей его жизни, и даже в молодые годы, убеждениям Бартенева был свойствен отчетливый консервативный оттенок, который со временем стал определяющим и главным в его воззрениях. Будучи, безусловно, носителем консервативных, монархических убеждений, Бартенев все же никогда не смыкался с лагерем откровенной реакции в области внутренней и внешней политики и достаточно критически относился к конкретным проявлениям самодержавного бытия, выступая со своими документальными издания-

ми в роли «внутреннего», монархически настроенного обличителя (в кругу явных реакционеров его называли более откровенно — «наглецом разгласителем», а у многих представителей монархического лагеря вызывало недоумение то, что «романовское сердце» Бартенева часто пропускало в печать «горькие истины» самодержавия).

...В начале XX века в кругу знакомств Бартенева были уже и люди совсем другого, нежели он, поколения, других взглядов. Это и В. Я. Брюсов, о котором, как секретаре журнала «Русский архив», речь впереди, и С. П. Дягилев — знаменитый организатор и пропагандист русского искусства за рубежом, человек тонкого художнического чутья и такта. Он также был связан с «Русским архивом», опубликовав во второй книге журнала за 1902 год материалы к биографии художника В. А. Боровиковского. Бартенев и о нем успел составить мнение, и, надо сказать, несмотря на краткость общения, достаточно верное («Что это за Дягилев, издающий снимки с портретов Левицкого? Сидел у меня и показался по этой части знающим»).

И все-таки, конечно, для XX века с его новыми, непонятными во многом для Бартенева устремлениями он казался старомодным, «обломком старых поколений». Очень точно подметил это В. Я. Брюсов, когда писал в своих воспоминаниях: «В нашу эпоху Бартенев пришел как бы из другого мира... Многое из того, что волновало и мучило нас, для него прошло совершенно незамеченным, мимо. Конечно, он никогда не читал Ницше; Вагнера он знал только по исполнениям на рояле своего сына, прекрасного пианиста С. П. Бартенева, и любил, говоря о музыке Вагнера, употреблять выражения самые резкие. Русская литература остановилась для Бартенева на Тургеневе (которого, кстати сказать, он терпеть не мог). Чехова Бартенев, кажется, не читал вовсе. Горького попытался было читать, но тщетно старался себя уверить, что ему что-то в Горьком нравится».

Тот же Брюсов свел с Бартеневым еще одного из «новых людей» — поэта Бориса Александровича Садовского, ставшего сотрудником «Русского архива». Интересная деталь: при всей обширности круга знакомых Бартенева воспоминания о нем написаны людьми значительно моложе его, людьми не девятнадца-

того, а двадцатого века: В. Я. Брюсовым, Б. А. Садовским, А. К. Воронским, М. К. Соколовским и другими. Вероятно, в этом есть свое объяснение — именно для них Бартенев был своего рода живым преданием, остатком «старины далекой», вызывавшим естественный, «историко-этнографический» интерес и желание записать свои впечатления и воспоминания о встречах и беседах с ним. Немаловажны в этом отношении воспоминания поэта Бориса Садовского, рисующие колоритную фигуру Бартенева в начале нынешнего столетия. Перелистаем некоторые страницы этих воспоминаний.

«Еще весной 1906 г. Брюсов дал мне письмо к престарелому издателю «Русского архива» Петру Ивановичу Бартеневу. Меня встретил высохший, с желтым черепом, маленький обязьяноподобный старичок на костыле. Мы поговорили. Он взял для журнала мою статью о Тургеневе, и все последние шесть лет я навещал старика.

Бартенев совсем уже не выходил из дому и мало общался с внешним миром.

— Как здоровье, Петр Иванович?

— Да вот, восемьдесят лет.

Он говорил сиплым, точно простуженным, голосом с барскими оттенками, ввертывая иногда площадные словечки; тоже остаток барства, когда крепкое словцо было в ходу и у бар, и у мужиков. Дома Петр Иванович держался патриархально: секретарь его по условию не имел права ходить с подъезда, а должен был подниматься по черной лестнице.

Как все старики, Бартенев повторялся. Каждый раз он подробно расспрашивал меня о моих родителях, замужем ли мои сестры и за кем и дворяне ли зятья, а потом все снова забывал. Узнав, что дедушка И. И. Голов участвовал в Бородинской битве, Петр Иванович воскликнул:

— О, как мы с вами счастливы! Отец мой тоже был под Бородином!

Кого он только не знал и с кем не встречался! Митрополит Филарет, Гоголь, Ермолов, Закревский, Вяземский, Чаадаев, Погодин, Шевырев, Хомяков, Аксаковы, Киреевские, Тургенев, Достоевский, Толстой, Тютчев, Фет, Катков — словом, все государственные люди, писатели и ученые за последние шестьдесят

лет были для П. И. Бартенева близкие живые современники. Жуковский приглашал его в воспитатели к своим детям; при нем Гоголь крестил «Колю Хомякова», председателя третьей думы. Странно было видеть человека, обедавшего у Чаадаева, говорившего с Гоголем об «Одиссее».

Бартенев обожал Пушкина... О себе Петр Иванович говорил: я не льстец, я льстивец.

— У меня знакомых теперь больше под землей, чем на земле. Когда мне дали станиславскую ленту, Делянов (министр народного просвящения.— **А. З.**) меня спросил, доволен ли я наградой.— Очень: я наделал из вашей ленты много отличных закладок для моих книг.

Один гость при мне рассыпался в любезностях перед Бартеневым. Тот возразил:

— Вы меня просто облагоухали.

Бартенев жил в новом флигеле на дворе своего старого дома. Кабинет не был обит, и на деревянных стенах висели, меж книжных полок, большие портреты Екатерины II, с оригинала Эриксена, Жуковского (масляными красками, из дома А. П. Елагиной), Хомякова (гравюра Пожалостина с портретом-заметкой самого П. И.); фотографии с дружескими надписями Погодина, Победоносцева, родных, друзей и знакомых. В передней бородатый слуга в русском платье. Последний славянофил, Бартенев избегал иностранных слов и западноевропейского покроя.

Мой рассказ в стиле XVIII века, напечатанный в «Весах», очень понравился П. И. Долго не хотел он верить, что это сочинено.

— Какой подлог: в Англии вам бы за это руки не подали.

Насилу я убедил его. Старик захромал к шифоньерке, достал автограф Пушкина (вариант к «Русалке»), отрезал огромными ножницами последние два с половиной стиха и подарил мне.

— Вот вам за вашу прекрасную прозу.

За статью о Тургеневе П. И. назначил мне сто рублей, но я предпочел получить половину этой суммы; в счет другой половины Бартенев уступил мне четыре письма Гоголя к цензору Сербиновичу.

П. И. был скуповат и любил безобидно попользоваться чрезмерною простотою ближнего.

— Вот, разоряюсь: курю сигары за гривенник...

Богач вельможа пригласил Бартенева к себе в подмосковную и показал ему рукопись семейных воспоминаний. П. И. попросил их на ночь почитать, дав честное слово, что не выпишет из манускрипта ни строки. Рано утром хозяин вышел в парк и видит: окна Бартенева светятся. Видно, старик забыл погасить свечу. Осторожно входит, и что же? П. И. за столом переписывает последний листик. Молча хозяин забрал рукопись вместе с копией и молча ушел. Утром гостя встретили за чаем радушно, как ни в чем не бывало...

Несколько раз я обедал у П. И. с его женою и дочерью. Старик не соблюдал никакой диеты. Щи, жирный гусь, песочные пирожные. После обеда мы грызли фисташки. Бартенев неистощим был в разговорах.

— Л. Н. Толстой всегда меня сравнивает с самоваром, у которого забыли завернуть кран» [18].

Садовскому же принадлежит и единственный поэтический портрет Бартенева. Это стихотворение было написано в 1912 году, после смерти Бартенева.

П. И. БАРТЕНЕВУ

Халат, очки, под мышкою костыль,
Остывший чай, потухшая сигара.
А разговор живого полон жара,
Свевает с прошлого столетий пыль.

От детства возлюбя родную быль,
Чуждался ты житейского базара
И в наши дни безумства и угара
Хранил московский быт и русский стиль.

В стране теней и ты теперь далече,
Но помнятся мне старческие речи,
Лукавый взор и благодушный смех.
Твой памятник — путь «Русского архива»,
Где наши внуки будут терпеливо
Бродить среди столбов твоих и вех [19].

Вот такое стихотворение. Оставим анализ его художественных достоинств специалистам, а сами отметим только явно обозначенный в стихотворении образ отрешенного от мирской суеты летописца, образ, который для современников начала XX столетия прочно ассоциировался с Бартеневым.

В приведенном несколько ранее отрывке из воспоминаний Брюсова подмечены некоторые художественные симпатии и антипатии Бартенева. Для воссоздания более или менее целостной картины эстетических вкусов Бартенева дополним ее другими свидетельствами. На формировании художественно-литературных интересов Бартенева сильно сказались его постоянные занятия историей, постоянная погруженность в прошлое, вследствие чего многое из современного культурного процесса представлялось ему не отвечающим классическим образцам художественных достижений прошлого, а потому и не заслуживающим специального внимания. Державин, Жуковский, Пушкин, Тютчев, Баратынский — вот главный литературный ряд высокопочитаемых Бартеневым русских поэтов. Воспоминания его дочери Т. П. Вельяшевой и внучки С. С. Сидоровой-Бартеневой позволяют дополнить и, так сказать, персонифицировать художественные симпатии и антипатии Бартенева. Музыка Глинки, Моцарта, Баха не оставляла его равнодушным. Интересно, что часто и собственно «музыкальные» оценки давались Бартеневым сквозь призму его научных интересов. Так, Чайковского он терпеть не мог, всегда говорил о нем морщась и не мог ему простить того, что он «испортил Пушкина» в своих операх «Евгений Онегин» и «Пиковая дама». Высоко ставил «Аскольдову могилу» Верстовского. В живописи Бартеневу больше всего нравились произведения Рафаэля. Очень любил Шекспира, хотя к театру относился неодобрительно, «а актеров сильно недолюбливал»...

...Петр Иванович Бартенев скончался 22 октября 1912 года на восемьдесят четвертом году жизни, полностью подготовив к печати очередной номер своего «Русского архива», и в предсмертном бреду говорил о Екатерине II и Пушкине...

ГЛАВА II

«ИСТОРИЯ — НАСТАВНИЦА»

Задачу исторической науки Бартенев видел в объяснении современности. По его словам, «истинная историческая наука должна вести к пониманию настоящего», которое «по большей части неуловимо»; «знать

прошедшее не только любопытно, но и поучительно»; «история — наставница». По воспоминаниям современников, Бартенев «не мог допустить, чтоб старина не дала исчерпывающие ответы на все вопросы государственной и общественной жизни».

Прямые суждения Бартенева о современности чрезвычайно редки. Как он сам говорил: «Зарекаюсь судить о современности и не стану забывать Карамзинского слова — «история не любит живых»[1]. В этой фразе даже само употребление формы — «Карамзинского слова», а не во множественном числе — «слов» носит смысл — завета, наставления. В тех случаях, когда Бартенев давал оценку современным политическим событиям, он, как правило, делал это посредством проведения аналогий с событиями прошлого, ибо «только то и прочно, что связано со стариной». Так, например, в 1906 году он писал А. С. Суворину, имея в виду Государственную думу: «Пожалуй, и у нас кончится Кабинетом министров, как при Анне. А ведь верховники до того воровали, что не пощадили даже икон в Благовещенском соборе».

Целесообразность издания многих документов Бартенев рассматривал сквозь призму их соотношения с современной ему действительностью, часто отмечая это в предисловиях или комментариях. Иногда уже в самом заглавии указывалась нацеленность, тесная связь публикуемого материала со злободневными вопросами настоящего. В 1898 году сын Бартенева Ф. П. Бартенев по инициативе отца подготовил статью под заглавием «К дворянскому вопросу. Манифест Екатерины II о сокращении роскоши», в предисловии к которой писал: «В настоящее время, когда дворянский вопрос привлекает к себе всеобщее внимание, кажется уместным вспомнить один любопытный и для наших дней знаменательный манифест, писанный почти 125 лет тому назад императрицею Екатериной II-й».

«Русский архив» нередко оказывался чуть ли не единственным печатным органом, откликавшимся в дни юбилеев на те или иные события прошлого. Так было, например, в 1886 году, году двадцатипятилетия отмены крепостного права, когда в журнале удалось опубликовать материалы, связанные с историей падения крепостного права, несмотря на то, что упо-

минать об этой дате в периодических изданиях категорически запрещалось.

Прекрасно понимала актуальность многих публикаций Бартеневым исторических документов и цензура. Начальник главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов строго указывал ему в этой связи: «Я замечаю, что не только Семевский (Михаил Иванович Семевский — историк, редактор журнала «Русская старина».— **А. З.**), но и вы все более и более проникаете в эту область: и Р. Архив и Р. Старина видимо превращаются в какую-то современную хронику. Правительство не в состоянии этого допустить в тех случаях, когда разоблачения становятся положительно неудобными»[2]. Цензура одергивала издателя, указывая ему на расхождения публикуемых материалов «с программой «Русского архива», ибо обсуждение того, что составляет интерес дня, не принадлежит к числу его задач»[3]. Поистине, ничто так не современно, как история!

Более того, самим фактом обращения к истории России XVIII и XIX веков и публикацией множества документов этого периода Бартенев уже активно вторгался в общественную жизнь, так как для русского общества второй половины XIX века «осмнадцатое столетие» было, как говорил М. А. Антонович, «азбукой, элементарным учебником мышления жизни XIX века», потому что, полагал он, «XVIII век требует особенного и преимущественного нашего внимания, как дело непосредственно касающееся современной жизни».

Надо сказать, что и читатели «Русского архива» хорошо понимали связь публикаций исторических материалов с современными им событиями, и в частности Ф. И. Тютчев очень определенно высказался по этому поводу. «По-моему,— писал он в 1868 году Бартеневу,— ни одна из наших современных газет не способствует столько уразумению и правильной оценке настоящего, сколько ваше издание, по преимуществу посвященное прошедшему».

История давала положительные и отрицательные примеры, которые, по мнению Бартенева, должны были учитываться в политической практике настоящего.

Соотношение опубликованных в изданиях Бартенева документов и статей, которое постоянно было ре-

шительно в пользу документов, говорит о том большом значении, какое имел для Бартенева документ, факт. Теоретическую же разработку фактов прошлого, их обобщение, построение цельной картины исторического развития Бартенев считал делом будущего. «Я совершенно не способен к критической оценке,— писал он в 1862 году литератору М. Ф. Де-Пуле,— а требую только осязательного факта». Подобное отношение к значению фактов все более укреплялось в Бартеневе, и в 1873 году он писал П. А. Вяземскому: «Мы слишком богаты общими выводами и теоретическими разглагольствованиями, в исторических сочинениях наших нам нужно больше фактических рассказов, которые, конечно, тем ценнее, чем осмысленнее». В переговорах с авторами Бартенев настаивал, чтобы статьи для его журнала имели характер «не столько теоретический, как биографо-исторический». Этим объясняется и то, что большинство работ самого Бартенева носило биографический характер (вспомним восторженные оценки М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым его как биографа), а сам он считался лучшим знатоком родословных. Бартенев постоянно подчеркивал, что для любых теоретических построений, любых выводов необходимы «прямые указания» источников. В этом же духе Бартенев упрекал своего бывшего университетского учителя — С. М. Соловьева, говоря, что он, «этот враг казачества, сам зачастую действует, как казак, выхватывая из архивов отдельные отрывки и пробавляясь общими взглядами». Эта оценка научного метода одного из крупнейших отечественных ученых очевидно упрощена. Впрочем, и С. М. Соловьев не соглашается с Бартеневым, которому якобы «требуется один только простой перечень голых фактов без всякого участия субъективной мысли» [4].

Культ факта, сложившийся в сознании Бартенева, с одной стороны, и характерное для позитивистски настроенных историков нигилистическое отношение к теоретическому мышлению — с другой, видимо, дают основания характеризовать его взгляды как близкие к позитивистским. Отчасти, вероятно, именно этим можно объяснить и то, что его интерес к истории России ограничивался XVIII—XIX столетиями — временем, от которого сохранилось множество «положи-

тельных фактов», так как «что за охота пускаться в область готов, гетов и т. д.?.. Все только **кажется**». Не в последнюю очередь этим обстоятельством объясняется то, что издания Бартенева, плотно насыщенные документами, не только не потеряли своего значения для специалистов и любителей старины сегодняшнего дня, но и приобрели существенно новое качество в силу утраты многих документов, опубликованных в свое время Бартеневым.

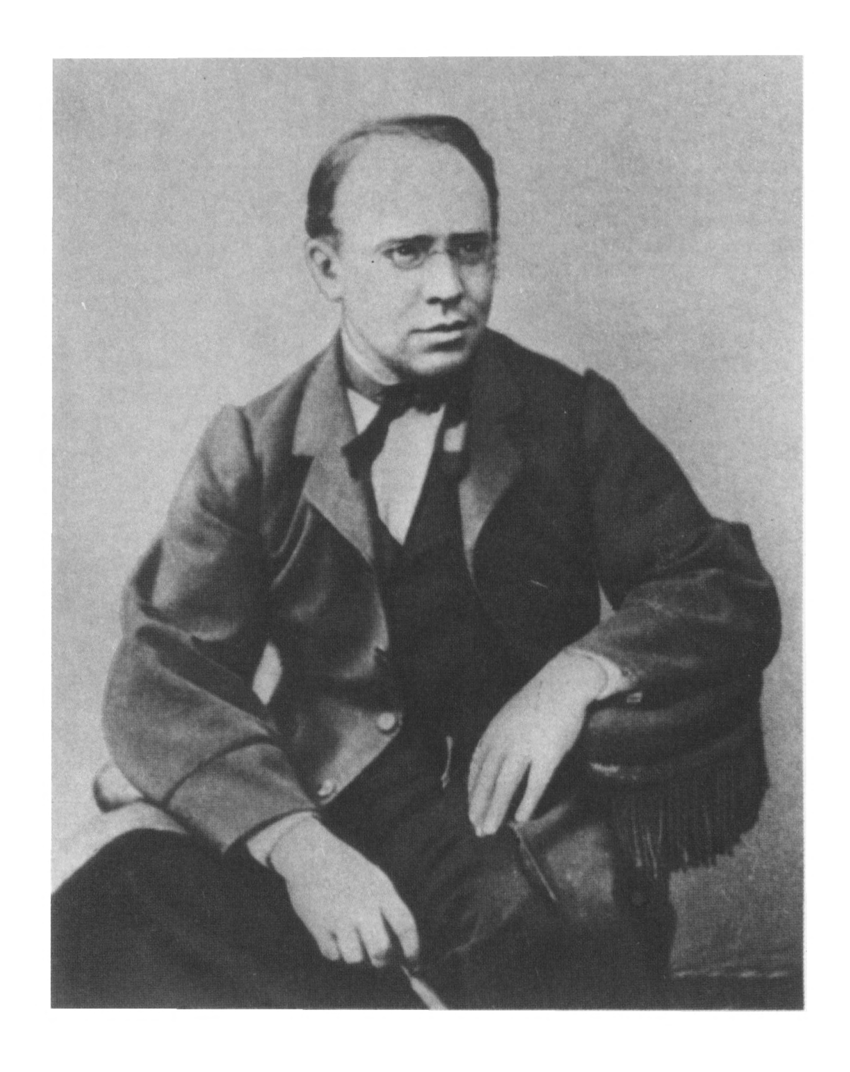
Для Бартенева было характерно персонифицированное отношение к истории, нашедшее отражение и в том, что подавляющее большинство его работ носило биографический характер, и в том, что в библиографических обзорах, в рецензиях на выходящие в свет книги по истории основное и главное внимание всегда обращалось на работы биографического характера. За событиями прошлого Бартенев всегда видел прежде всего конкретных людей, публикуя материалы, предназначал их в первую очередь для «русских жизнеописаний». «Величие исторического лица,— писал Бартенев,— измеряется долговечностью памяти о нем». Значение личности в русской истории, по мнению Бартенева, было особенно велико в XVIII столетии: «...наша история в XVIII веке носит по преимуществу характер биографический, все в этом веке зависело главнейше от личностей. И действительно, никогда судьбы отдельных лиц не имели такого важного влияния на общий ход государственной жизни и не подвергались таким разнообразным превратностям». Для Бартенева-издателя документ был тем ценнее, чем ближе его автор находился к средоточию власти, и в этом отношении его с полным правом можно отнести к представителям авторитарного направления русской историографии XIX века.

Все же было бы недостаточно ограничиться сказанным и представлять понимание Бартеневым хода истории только как процесса, всецело и исключительно зависящего от деятельности царственных особ и их приближенных. Бартенев признавал большое значение народных масс в истории, неоднократно призывал к изучению народного быта, ценил и уважал народное творчество; постоянно публиковал в своих изданиях множество материалов о представителях самых различных сословий и социальных групп. Причем, не-

«Человек ума оригинального,
великий любитель и знаток
русской истории XVIII и XIX веков,
ревностный генеалог, неутомимый
библиограф, Нестор русской
исторической журналистики,
один из основоположников
пушкиноведения и последний хранитель
устной традиции о Пушкине,
деятельный помощник Л. Толстого
в работе над его «Войной и миром»,
Бартенев трудом своим создал эпоху
в русской историографии» —
так кратко сформулировал основные
направления деятельности Петра
Ивановича Бартенева (1829—1912)
видный советский ученый,
пушкинист М. А. Цявловский.

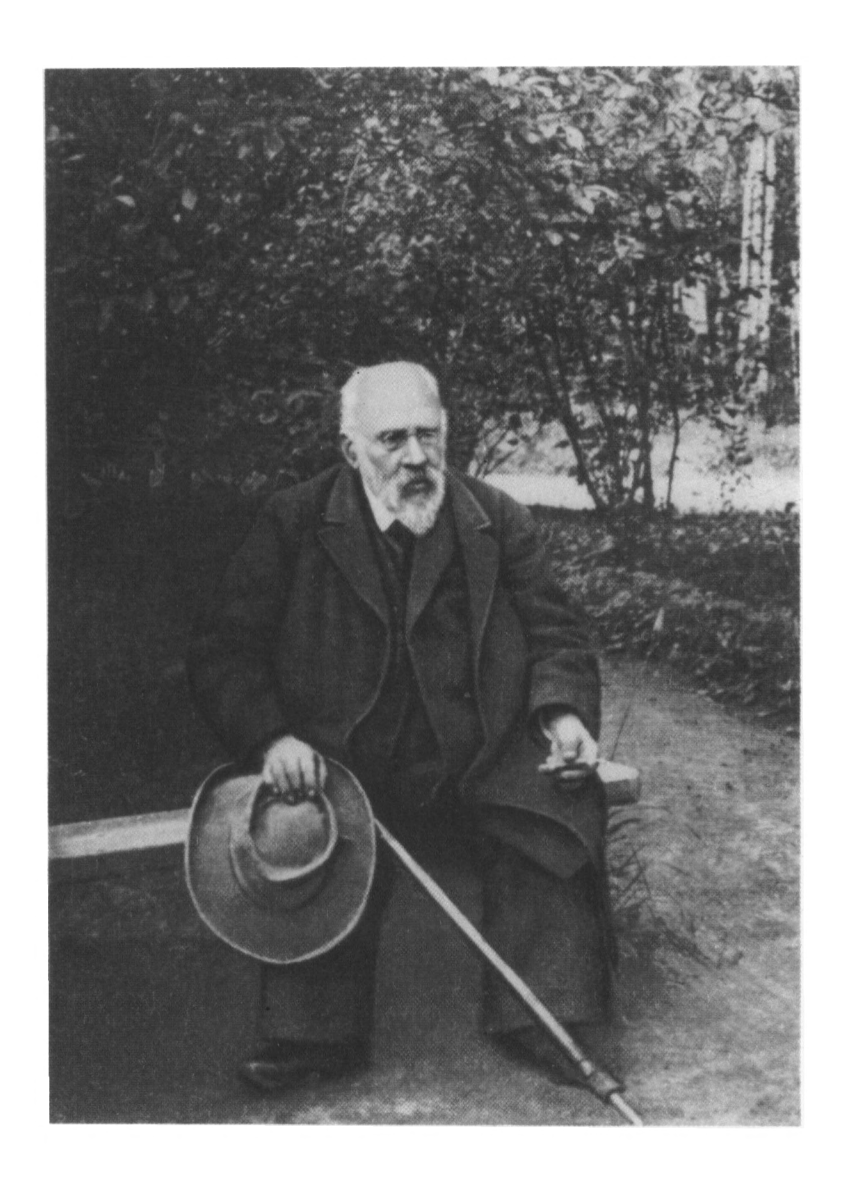
П И. Бартенев *1860-е гг*

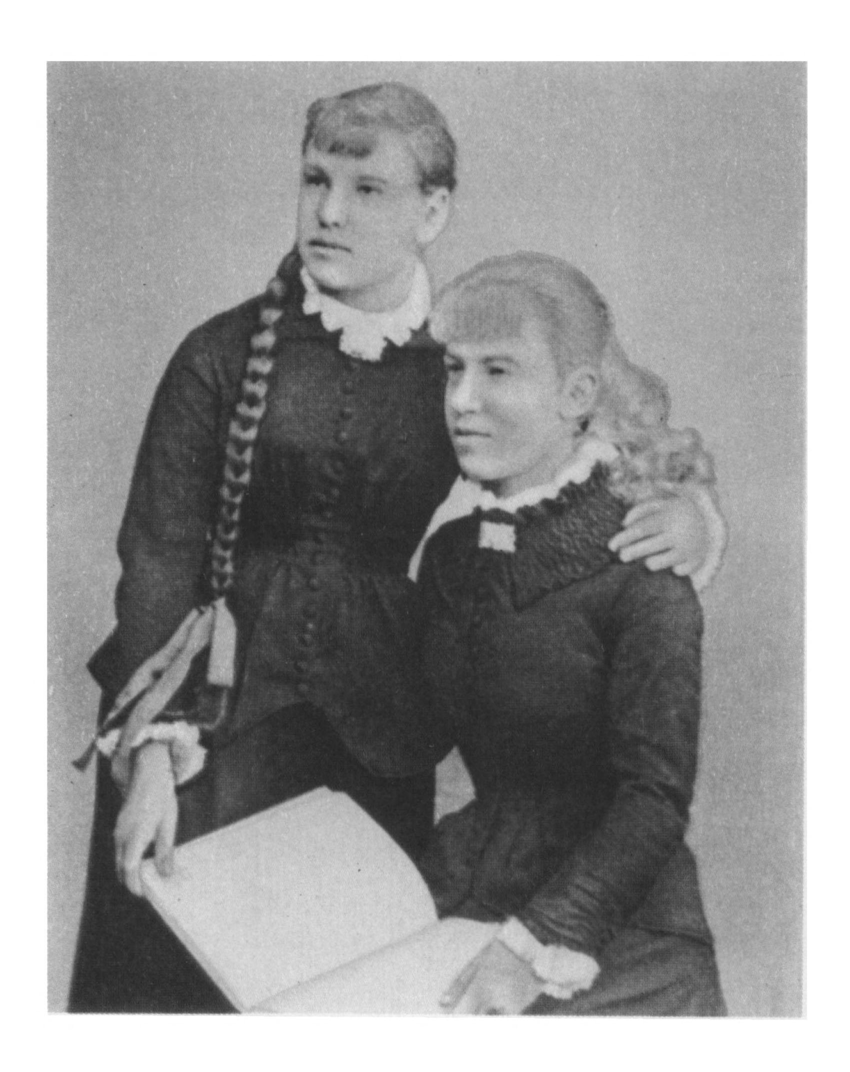
С. Д. Бартенева. *1871 г.*

П. И. Бартенев *1890-е гг.*

Дочери П. И. Бартенева
Надежда и Татьяна

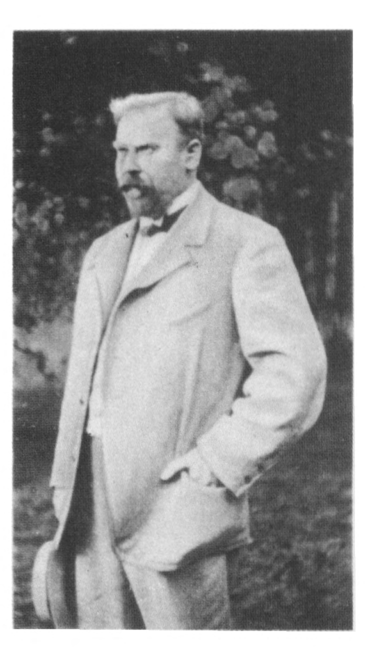

И. П. Бартенев. *1880-е гг.*

С. П. Бартенев. *1910-е гг.*→

Правнуки П. И. Бартенева Владимир, Николай и Петр, погибшие на фронте в годы Великой Отечественной войны→

Титульный лист
«Русского архива»
№ 10 за 1864 г.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

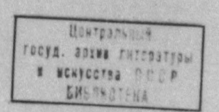
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО

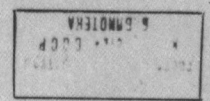
ИЗУЧЕНІЮ РОССІИ

ВЪ XVIII и XIX СТОЛѢТІЯХЪ.

ИЗДАНЪ ПРИ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

МОСКВА.
Въ типографіи В. Грачева и К°.
҂аѡѯд.

Объявление о подписке
на «Русский архив»
на 1911 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1911 года.

(49-й годъ изданія)

«Русскій Архивъ» останется и въ 1911 году въ тѣхъ же рукахъ, которыми онъ основанъ почти полвѣка тому назадъ. Повторяемъ заявленіе, сдѣланное нами при открытіи подписки на 1901-й годъ.

Вступающему въ **сорокъ девятый годъ** своего изданія „Русскому Архиву“ не подобаетъ „хвалиться“ предъ читателями „ревностью и постоянствомъ“: онъ можетъ и долженъ выражать лишь удовольствіе о томъ, что мысль и дѣло, для которыхъ онъ начатъ въ 1863 году (въ то время, когда, вслѣдъ за внутреннимъ обновленіемъ Россіи, стали дѣйствовать враждебныя ей силы на окраинахъ), мысль и дѣло нашего народнаго самосознанія плодотворно двинулись впередъ и находятъ себѣ выраженіе въ повременныхъ изданіяхъ, разсчитанныхъ на многочисленныхъ читателей, и въ цѣломъ рядѣ превосходныхъ работъ по исторіи Русскаго государства и Русскаго просвѣщенія.

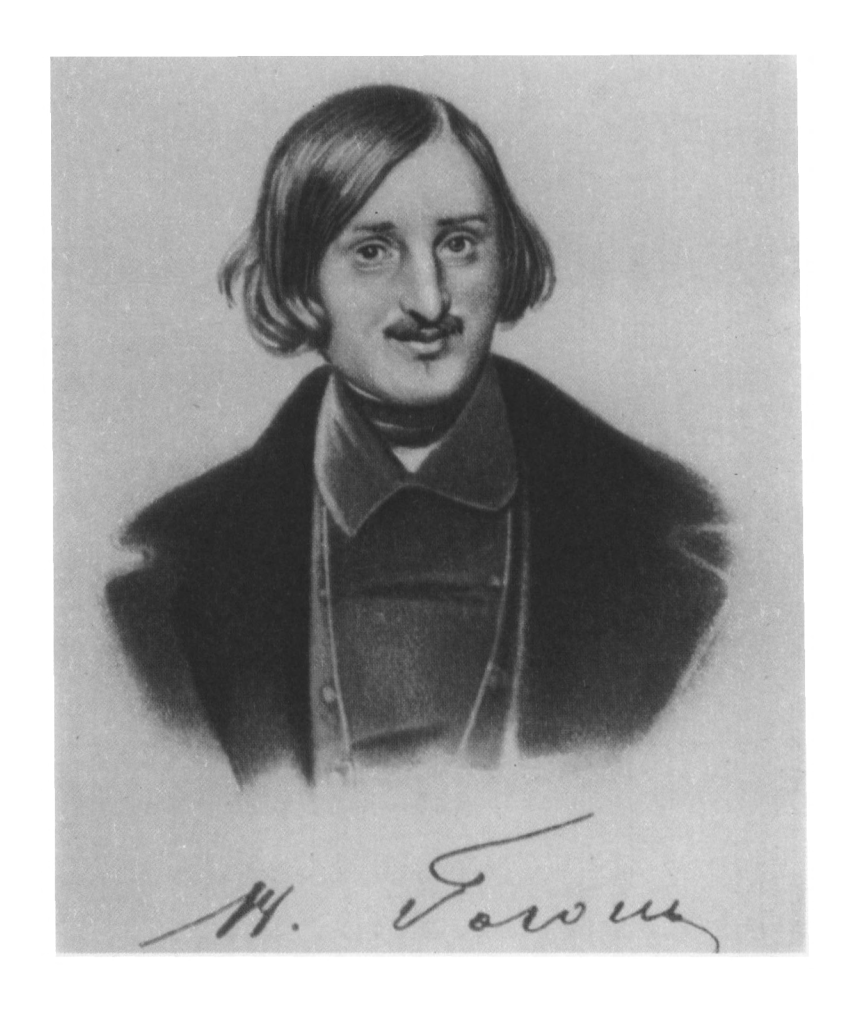
«Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П И Бартеневым» Обложка книги

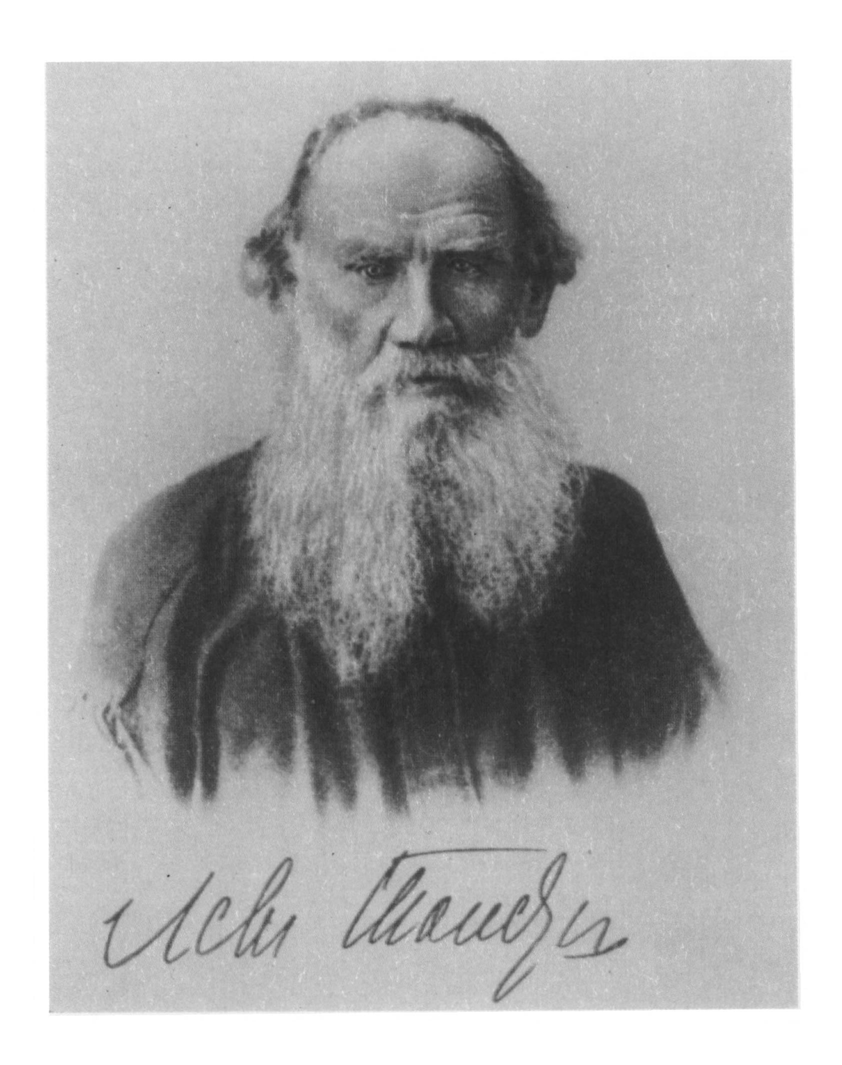
А. С Пушкин

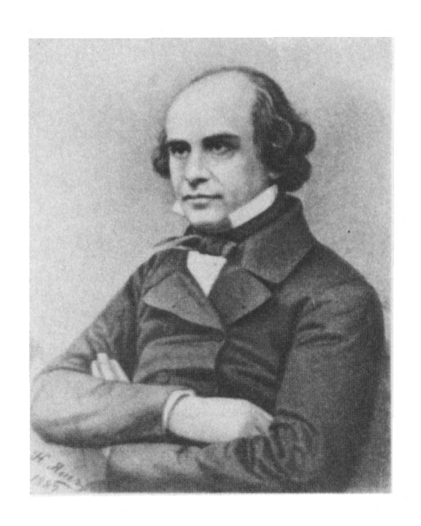
Н. В. Гоголь

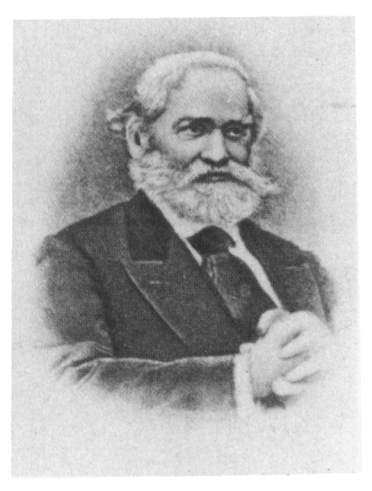
Л. Н. Толстой

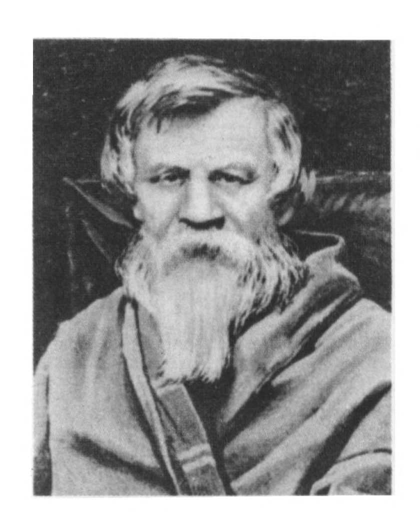
Т. Н. Грановский

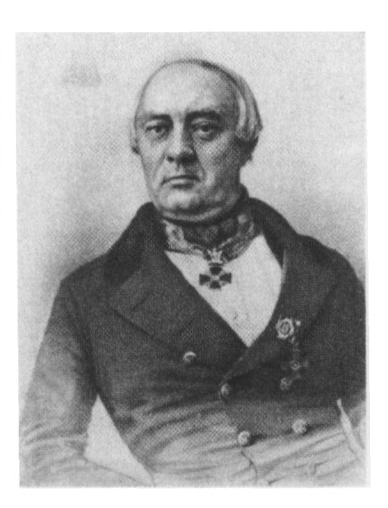
С М. Соловьев

М. П Погодин

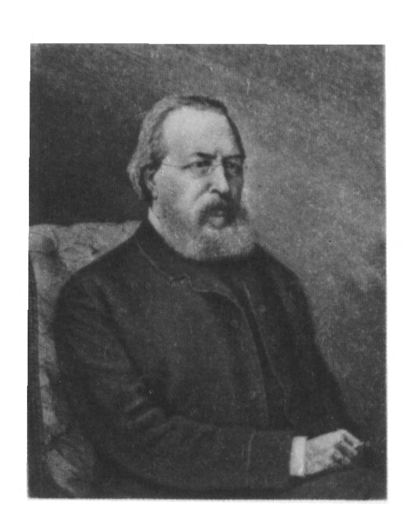
С П Шевырев

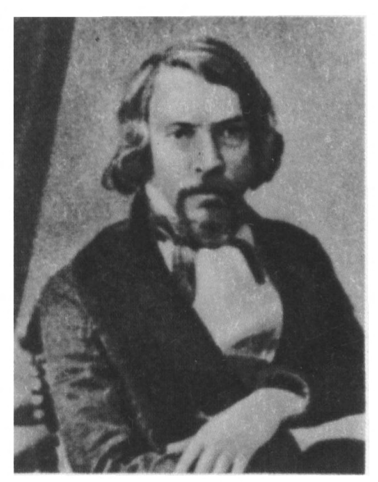

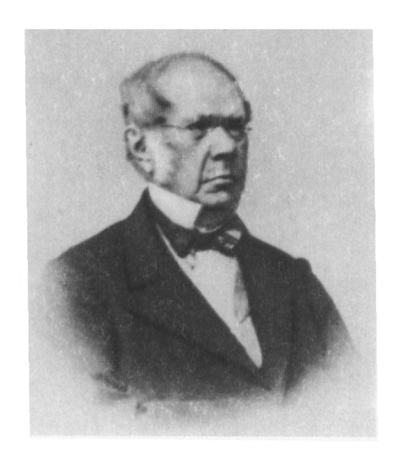
И. С. Аксаков

А. С. Хомяков

П. А. Вяземский

смотря на общее поправение своих убеждений к концу века, взгляд на важность и необходимость изучения деятельности в истории не только дворянства, но и купечества (к которому он проявлял особый интерес), духовенства, крестьянства сохранился у Бартенева до конца жизни. В этом отношении характерно примечание Бартенева, сделанное им к опубликованному в «Русском архиве» в 1898 году заявлению историка-генеалога Л. М. Савелова об открытии Русского генеалогического общества. Савелов, объявляя план деятельности общества, предлагает сосредоточить силы на изучении дворянских родов, говоря, что «боярство — это лучшие силы народа», «история русского дворянства — история России». В примечании (этом наиболее характерном для Бартенева «жанре» выражения его исторических суждений) к этому объявлению Бартенев предлагает более широкую программу деятельности генеалогического общества, обращает его внимание и на другие слои российского общества. «Русскому генеалогическому обществу,— убежденно заявляет Бартенев,— предлежит заниматься не дворянами только, но и родословными других сословий... духовенства, крепостного крестьянства!» Да, да — и крепостного крестьянства! Пожалуй, это был первый в науке отчетливо сформулированный призыв к генеалогическому изучению крестьянства, призыв, реальное осуществление которого приходится уже на советское время, причем не столь уж и давние годы. Более того, такие личности, как Пугачев, читаем мы в «Русском архиве», «конечно, заслуживают изучения», так как «они остаются яркими пятнами на исторической картине нашего бытописания, и не обращать на них внимания невозможно». (Кстати, один из сотрудников Бартенева вел поиски материалов о Пугачеве в пензенских архивах.) По этой же причине, считал Бартенев, должен внимательно изучаться и Степан Разин. В своем журнале Бартенев несколько раз помещал объявление-вопрос такого содержания: «...бунтом С. Разина... много занимался известный генерал Н. Н. Раевский (младший)... Сохранилась ли эта рукопись?»

Широта взглядов Бартенева, при которой он допускал в свой журнал материалы представителей различных убеждений, сказалась и в том, что он считал

необходимым освещение прошлого с возможно более разных точек зрения, не исключая и критической. В 1885 году он писал, что «деятели прошлого царствования достаточно уже восхвалены и надо выслушать их противников». Отсюда такой широкий диапазон лиц, представленных в его изданиях,— и человек прославленный, и современник его, затерянный в пучине истории.

Для Бартенева характерно отношение к русской истории не только как к предмету бесстрастного научного исследования,— его отношение к истории России носило эмоциональный характер, было проникнуто чувством глубокой любви к прошлому, было для него «возвратом на милую родину», вызывало «прилив живых сил». По словам Бартенева, «там нет истины, где нет любви». Как вспоминал В. Я. Брюсов: «Бартенев был вполне русский человек, любил Россию, русский народ, верил в его судьбу... Постоянное общение с русской историей невольно связывало его со всем укладом русской жизни, особенно XVIII и начала XIX века, и внушило ему непобедимое пристрастие ко всему, в чем «русский дух». Не в этом ли кроется и причина отрицательной оценки Бартеневым лекторской манеры С. М. Соловьева, который, напомним, «без всякого воодушевления и с возмутительною холодностью» читал русскую историю. Без воодушевления и с холодностью!

Бартенев придерживался традиционной для дворянской историографии периодизации русской истории по царствованиям. Этот взгляд нашел свое отражение в предметных росписях содержания «Русского архива», где выделены следующие периоды русской истории: 1. Допетровское время. 2. Петр Великий и Екатерина. 3. Петр II, Анна Иоанновна и Иоанн Антонович. 4. Елизавета Петровна. 5. Петр III. 6. Екатерина II. 7. Павел I. 8. Александр I. 9. 1812 год.

При этом, повторим, главным объектом научных интересов Бартенева была русская история XVIII—XIX веков — «моя археология не простирается далее Петра Великого», и именно «известным знатоком нашей новейшей истории» признавали Бартенева современники.

Поэтому сведения об отношении Бартенева к русской истории более ранних периодов крайне скудны и

отрывочны. В целом для Бартенева очевиден высокий социально-экономический и культурный уровень Древней Руси: «Первые века бытия своего Россия процветала и превосходила просвещением Западную Европу». Говоря об ордынском иге, Бартенев подчеркивал своекорыстную, антипатриотическую роль духовенства; в 1910 году историк удивлялся, «как до сих пор никто не займется собранием в одну книгу сочинений Ивана Грозного».

Смутное время Бартенев считал «центральной эпохой, плодом всей предшествовавшей и корнем всей последующей жизни». «Вовлекаясь» графом Сергеем Дмитриевичем Шереметевым, председателем Археографической комиссии, в историю XVII века, Бартенев считал необходимым более широко, чем это делалось в современной ему дворянской исторической науке, рассматривать внутреннюю политику и отношения между различными социальными слоями России, уделять больше внимания изучению народного быта этого времени. 7 марта 1893 года он писал С. Д. Шереметеву: «Мне кажется, для большего уяснения тогдашнего хода дел важно было бы определить поточнее, какова была скорость сообщений... Вообще бытовая сторона Смутного времени должна выступить ярче. Каковы были отношения ростриги к тяглецам и черносошным людям? Купеческие сношения В. Шуйского?» Как видим, под термином «бытовая сторона» Бартенев подразумевал и социальные отношения. Полностью соответствовала дворянской историографии оценка Бартеневым борьбы русского народа против польской интервенции в начале XVII столетия. Неизменно высоко оценивался Бартеневым «Пожарский — знаменитый освободитель отечества».

Петровское время было, по мнению Бартенева, «тревожной эпохой бунтов, казней и коренных переворотов». В противоположность славянофильскому представлению в его традиционном понимании Бартенев чрезвычайно высоко оценивал личность Петра I, говоря, что «Петр ярко выступает с чертами истинного гения и вполне русского человека», а также период преобразований, связанных с его деятельностью. По его мнению, петровское время является одной из крупнейших вех в русской истории — «тут корень и объяснение всему, что происходило в знамени-

том XVIII веке и чем по большей части Россия живет и до сих пор». Неоднократны сетования Бартенева на отсутствие «полной, обстоятельной и беспристрастной» биографии Петра I. Как бы полемизируя с теми, кто предъявлял Петру различного рода обвинения (в том числе и со славянофилами!), Бартенев в июне 1872 года писал П. А. Вяземскому: «Но вот что замечательно и составляет истинный признак гения: какие обвинения на него ни возводи, как ни думай о нем, его величавый образ неотразимо предстоит перед вами, овладевает вами». При этом, отмечая «мерзости Петровых времен», Бартенев считал необходимым, в целях выяснения исторической правды, их огласку и изучение. Послепетровское время, «злая эпоха бироновщины», было, по мнению Бартенева, отступлением от заветов и начинаний Петра I — «не так думал и действовал Петр Великий».

Говоря о времени правления Елизаветы — «талантливой цесаревны», Бартенев выделял Семилетнюю войну, которая «надолго определила положение России в среде европейских государств и имела значительное влияние на внутреннюю русскую историю».

Время, связанное со вступлением Екатерины II на престол и ее правлением, находило самый горячий отклик в сердце историка и занимало, пожалуй, главное место в его научных интересах. Уже в дневнике Бартенева за 1854 год встречаем характерную в этом отношении запись: «Вечер 18 ноября у И. В. Киреевского... Разумеется, мы не могли не поговорить об Екатерине». Не случайно поэтому публикация документов по русской истории второй половины XVIII века занимает одно из первых мест в издательской деятельности Бартенева. Знание Бартеневым лиц и событий второй половины XVIII столетия было феноменальным: однажды в Английском клубе, членом которого являлся Бартенев, он на пари, по выбору присутствующих, называл события, происходившие в России этого времени, по дням и выиграл дюжину шампанского. День за днем, и ни разу не сбился и не ошибся!

По воспоминаниям внучки историка С. С. Сидоровой-Бартеневой, «у деда были две страсти: Пушкин и «матушка Екатерина». По словам А. О. Смирновой-Россет, Бартенев был «влюблен в Екатерину». Из-за

этой привязанности Бартенева даже называли «посмертным фаворитом» Екатерины II.

Воцарение Екатерины II Бартенев называет «центральным событием новой нашей истории». В его представлении, «век Екатерины» отличали «ясность, толковость и твердость быта», а Россия развивалась по пути «самобытного преуспеяния». Сам Бартенев называл Екатерину II «гениальной монархиней». Что, впрочем, не мешало ему, как историку, критически относиться к отдельным ее поступкам и высказываниям. Так, приведя мнение Екатерины II об опале канцлера А. П. Бестужева, Бартенев счел нужным, в целях исторической истины, сделать следующее характерное примечание: «Показание это надо принимать с осторожностью, так как Екатерина в деле Бестужева не есть свидетельница беспристрастная; да и по своему тогдашнему положению она могла многих обстоятельств не знать». Бартенев отводил большую роль Екатерине II в историографии, отмечая, что ей принадлежит «первый широкий почин в великой работе нашего исторического самосознания». Среди государственных деятелей второй половины XVIII века Бартенев особенно выделял Г. А. Потемкина, человека «великого политического ума», державшего в своих руках «главнейшие нити всемирных событий».

Но не только «царственные особы» второй половины XVIII столетия привлекают внимание Бартенева. Выше уже шла речь о Пугачеве. Высоко оценивал Бартенев научно-издательскую деятельность Н. И. Новикова. Ставя его «в великом деле народного образования» в один ряд с М. В. Ломоносовым, Бартенев считал, что «славный типографщик» погубил себя увлечением масонством (к которому Бартенев отрицательно относился, называя его попыткой «попасть к богу с заднего крыльца») и изданием масонских «непонятностей». Сводя проблему к бытовому уровню, Бартенев рассматривал отношения Н. И. Новикова к Н. М. Карамзину в 1810-е годы как стремление первого «воспользоваться значением Карамзина при особе государя для улучшения своих дел». Подобный взгляд Бартенева встретил, пожалуй, даже чересчур резкую критику со стороны Н. С. Тихонравова, который в этой связи писал А. Н. Пыпину в 1891 году:

«Новикова... теперь топчет в грязь издатель «Русского архива».

Обличительная деятельность А. Н. Радищева, которую Бартенев не принимал и осуждал, была вызвана, по его мнению, «житейскими неудачами и желчным мировоззрением, образовавшимся вследствие заблуждений и страстей молодости». Сам Радищев, по убеждению Бартенева, был «человек, несомненно, талантливый, умевший иногда проникать в самую сущность важнейших вопросов», «отменно развитой по уму, но слабый волею». В изданиях Бартенева впервые были опубликованы многие документальные материалы Радищева и о нем. Укажем лишь на наиболее крупные публикации. В 1872 году в пятой книге «Архива князя Воронцова» Бартенев опубликовал 50 писем Радищева к А. Р. Воронцову, переписку о нем, «Записку о торговле с Китаем» Радищева, а также «Разбор сочинения Радищева «Путешествие из Санкт-Петербурга в Москву», написанный императрицею Екатериной II» и «Вопросные пункты коллежскому советнику и кавалеру Радищеву и ответы его», сделанные ему на допросе в тайной канцелярии. В 1877 году в 12-й книге того же издания Бартенев опубликовал еще 25 писем А. Н. Радищева к А. Р. Воронцову. Вероятно, у Бартенева было намерение попытаться издать и само «Путешествие из Санкт-Петербурга в Москву». Так, 2 мая 1872 года он писал П. А. Вяземскому: «Радищева «Путешествие» я перечел снова: там есть тирады, невозможные и в наши дни. Пушкин, однако, верно о нем сказал, что он преступник с духом необыкновенным». Бартенев интересовался судьбой архива Радищева, и по его инициативе сотрудники журнала наводили справки и вели поиски рукописного наследия писателя.

Говоря о русской истории конца XVIII столетия, Бартенев рисовал «картину произвола во внутренних делах», который и вызвал «решительные и безоглядные преобразования в начале XIX в.». Внешнюю политику Александра I, приведшую к «Тильзитскому стыду», Бартенев считал оторвавшейся «от русских преданий XVII и XVIII веков». Перенося свою неприязнь и резко отрицательное отношение к бюрократии и бюрократическим «усложнениям законов» на прошлое, Бартенев крайне скептически относился к проектам и

реформам М. М. Сперанского, который, по его словам, обладал искусством «насиловать жизнь законодательными измышлениями».

Выделяя 1812 год, «значение которого останется в веках», не только в русской, но и во всемирной истории, Бартенев писал: «Есть события... к которым непрестанно обращается взор историка, потому что в них сосредоточена жизнь многих поколений, а их влияние простирается на многие века. Таков в нашей и во всемирной истории вечнопамятный двенадцатый год». По мнению Бартенева, труды по истории Отечественной войны 1812 года А. И. Михайловского-Данилевского, А. И. Богдановича и А. Н. Попова «далеко не исчерпывают собою всего содержания тогдашней жизни», а книга М. А. Корфа о М. М. Сперанском «должна подвергнуться полной переработке». Документы по истории Отечественной войны 1812 года занимают большое место в изданиях Бартенева, отражая тем самым взгляд редактора-издателя на роль и значение этой эпохи в русской истории XIX века. Отмечая время наполеоновских войн как веху в развитии русской общественной мысли, Бартенев писал: «Время борьбы с Наполеоном было вместе и временем первого освобождения нашего от иноземных влияний, началом новой, внутренней самостоятельности», с одной стороны, а с другой — временем «окончательного, тесного сближения с Европой». По образному выражению Бартенева, «Пушкин, Тютчев, Хомяков, Глинка — это искры божьи, выбитые из груди России грозою 1812 года». Неоднократно подчеркивал Бартенев важность изучения этой эпохи, чему немало способствовал и сам, публикуя новые и новые исторические источники этого периода русской истории.

Недовольство политикой Александра I в последние годы его царствования, потерю им популярности среди передового русского общества того времени Бартенев справедливо, но несколько односторонне объяснял его отказом во внешней политике «поддержать греческую этерию* в ее борьбе с турками» в то время, как внутри страны «тиранства Аракчеева... превосходили всякую меру».

* Этерия — общее название греческого национально-освободительного восстания 1821—1829 гг.

История движения декабристов постоянно привлекала к себе внимание Бартенева. Он был одним из первых, кто приступил в России к широкой публикации документов по истории декабристов, в связи с чем был назван Александром II «Плутархом декабристов». Эта сторона деятельности Бартенева привлекает особое внимание советских исследователей; ей, в частности, посвящены кандидатская диссертация и ряд статей М. П. Мироненко.

Отмечая необходимость изучения истории декабристов и в этой связи важность издания документов по их истории, Бартенев считал в 1880-е годы, что «наступила пора беспристрастной и всесторонней оценки как действий императора Александра Павловича, так и вызванного им движения». В этом отчетливо видится отличие взглядов Бартенева на исторический процесс и на необходимость его изучения во всей полноте от взглядов даже таких близких ему во многом, и прежде всего в общих идейно-политических посылках, историков, как Д. И. Иловайский, С. Д. Шереметев, Н. П. Барсуков, говоривших о необоснованности того большого интереса, который уделялся в то время русскими публицистами изучению антиправительственных выступлений, в том числе и декабристов.

По мнению же Бартенева, декабристы «определили или, если угодно, омрачили собой тридцать лет русской истории». Эта фраза из письма к П. А. Вяземскому, и именно к нему относится «если угодно, омрачили», так как, по убеждению самого Бартенева, декабристы все-таки **определили** «собой тридцать лет русской истории»!

В оценке Бартеневым декабристов можно выделить два уровня: один — это их личные качества и «благородное побуждение, которое ими руководило», что неизменно высоко оценивалось Бартеневым; и второй — их политическая деятельность, вызывавшая с его стороны осуждение. Бартенев писал: «Высокие сердечные достоинства Рылеева не подлежат сомнению... Но в жизненном деле России следовать пылу негодования и подчиняться горячке воображения, но обольстить солдат и явиться с ними на Сенатскую площадь — было, конечно, преступлением государственным». Бартенев утверждал, что выступление де-

кабристов было трагической ошибкой, называл его «несчастным событием 14 декабря».

Любопытно посмотреть, как Бартенев в качестве пушкиниста и безоговорочного поклонника творчества поэта объяснял неоспоримые свидетельства тесной близости Пушкина к декабристам. Не отрицая самого этого факта в жизни поэта, Бартенев считал, однако, что связь его с декабристами «не имела в себе ничего политического и ограничивалась литературною перепискою». В другом месте, более обстоятельно поясняя эту ситуацию, Бартенев утверждал: «Как известно, Пушкин отнюдь не сочувствовал делу декабристов и осуждал их замыслы; но ко многим из них лично сохранял он неизменную привязанность. Как поэт, как человек минуты, он не отличался полною определительностью убеждений». Оставим на совести Бартенева это его вольное или невольное стремление рассматривать Пушкина в узких рамках исключительно «изящной словесности».

Хочется обратить внимание на особенность Бартенева как издателя при публикации им материалов о декабристах — материалов (подробнее об этом будет сказано ниже), которые всегда обращали на себя пристальные взоры цензуры. Вследствие этого помимо уже хорошо известного нам и достаточно изученного в литературе «эзопова языка» Бартеневым в издательской практике применялись и другие уловки. Так, когда надо было пояснить читателю малоизвестную фамилию или событие, глухо упоминаемое в документе, если они хоть как-то были связаны с декабристами, Бартенев отмечал этот факт в примечании (которое при этом непременно разрасталось) или в специальной заметке. В качестве примера приведем одно из характерных в этом отношении примечаний Бартенева: «Елагин... был человек благороднейших правил и живой любознательности. Достаточно сказать, что в царствование Николая Павловича он поддерживал дружбу с сослуживцем и приятелем своим декабристом Батеньковым». В данном пояснении можно было бы вообще не упоминать о декабристе — это, так сказать, «сверхинформация»; главное же, что, в представлении Бартенева, знакомство с декабристом является достаточным свидетельством «благороднейших правил и живой любознательности».

Обратимся к суждениям Бартенева о своих коллегах по служению музе истории Клио, предшественниках и современниках.

Одним из самых уважаемых и почитаемых историков России для Бартенева был Николай Михайлович Карамзин. Еще в студенческие годы познакомившись с творчеством Карамзина, Бартенев восхищался его «ясными и благородными мыслями», считая, что тот, «кто не признает достоинств Карамзина, заставляет сомневаться в собственном достоинстве». По мнению Бартенева, на формирование взглядов Карамзина определенное воздействие оказало восстание Е. И. Пугачева, а также влияние «славного типографщика и мартиниста» Н. И. Новикова. Появление знаменитой «Истории государства Российского» Бартенев ставил в тесную связь с пробуждением национального самосознания — «народного чувства» и связывал с эпохой «великих войн 1805—1815 годов». В течение всей жизни Бартенев не изменил своих взглядов в оценке Карамзина-историка, недолюбливая «антикарамзинские измышления», в частности А. Н. Пыпина, публиковал на страницах своего журнала большое количество документальных материалов Карамзина и о нем, предпринял в 1870 году попытку напечатать его «Записку о древней и новой России в ее историческом и гражданском отношении».

Публикация «Записки» вызвала серьезные цензурные осложнения и вышла в свет со значительными купюрами. Сам император отметил красным карандашом те места в «Записке», которые, по его «августейшему» мнению, следовало выбросить. Они касались нелестных эпитетов, которыми Карамзин награждал многих царственных особ, и в частности Екатерину II. Эпитеты эти были такого рода: «праздная, сластолюбивая», «любострастная»; к Екатерине II относилось и такое замечание: «Как люди ни развратны, но внутренне не могут уважать развратных» и т. д. В предисловии Бартенев указывал: «Печатая «Записку» Карамзина о древней и новой России, издатель «Русского архива» выполняет долг, налагаемый на него... важным значением этого сочинения для русской истории и для жизнеописания бессмертного историографа».

Главное значение своего университетского учителя

Сергея Михайловича Соловьева, этого «великого трудолюбца», Бартенев видел в том, что благодаря ему «осмнадцатый век русской истории раскрылся для русских людей», отмечая в то же время недостаточность внимания историка к внутренней русской жизни — «это просто выписки из Полного собрания законов». Бартенев высоко оценивал главный труд Соловьева, его «Историю России с древнейших времен», и настоятельно советовал внимательно изучить «Историю России» своему сыну Юрию Петровичу — соредактору «Русского архива» в конце XIX века. В самом же журнале при публикации отдельных документов читатель часто отсылался к обобщающим трудам по русской истории — и в этих случаях «История России» Соловьева постоянно рекомендовалась для «желающих ознакомиться ближе с положением России в то время». В этих же «рекомендательных библиографиях» читателю предлагалась «превосходная статья С. М. Соловьева «1767 год», «превосходная книга С. М. Соловьева о падении Польши» и другие «превосходные» работы историка.

Среди историков второй половины XIX века Бартенев выделял Дмитрия Ивановича Иловайского и Ивана Егоровича Забелина. Иловайский — товарищ Бартенева еще по рязанской гимназии — наиболее часто из русских историков этого времени публиковался на страницах «Русского архива», несмотря на то, что в 1874 году аноним угрожал редактору журнала: «Не могу не предостеречь редакцию, что, открывая свои столбцы для статей г. Иловайского, она лишиться может многих подписчиков». Недовольство многих читателей вызывала ярко выраженная консервативно-монархическая направленность исторических воззрений Д. И. Иловайского.

Отношения с автором знаменитого труда «Домашний быт русского народа» Иваном Егоровичем Забелиным поначалу складывались у Бартенева далеко не самым лучшим образом. В 1850-х годах Бартенев входя в круг «Русской беседы», вел полемику с И. Е. Забелиным и отвечал на его «крики, брань против «Р. Беседы» и русского направления» —то есть против славянофильства. Но со временем, после реформ 1860-х годов, которые развеяли казавшиеся принципиальными разногласия как между этими историками, так и меж-

ду направлениями, к которым они принадлежали, происходит сближение Бартенева и Забелина, и последний не только предоставляет материалы для публикации в «Русском архиве» (называя его при этом «великой громадой... историографических сказаний, достославно осветивших столько важнейших сторон Русской истории и Русской жизни»[5]), но и выступает в качестве идеолога журнала с дискуссионными статьями. Определяя близкие черты в творчестве Забелина, Бартенев писал ему в 1876 году: «Вы живой человек. Дух партий и предвзятая идея не одолевают вас. Свежесть и самостоятельность мысли тотчас находят себе и соответствующее выражение». Выход в свет исследований Забелина постоянно отмечался в библиографических обзорах журнала (труды других историков освещались не столь регулярно).

Из зарубежных историков, писавших о России, Бартенев выделял Альфреда Рамбо, с которым состоял в переписке и с которым его познакомил в 1872 году К. Д. Кавелин. В трудах Рамбо, печатавшихся и на страницах «Русского архива», Бартенева привлекало то, что он «с живым сочувствием относится к проявлениям умственной жизни в других странах», что «в сочинениях своих никогда не покидает трезвой высоты исторического беспристрастия», что «его не обуяла гордыня западного просвещения в обсуждении русской исторической жизни».

Исторические взгляды Бартенева развивались в русле дворянской исторической науки второй половины XIX столетия (материалы по политической истории России занимали первое место среди его изданий). Нельзя согласиться с позднейшей самооценкой Бартенева, претендовавшего на абсолютную беспристрастность и утверждавшего, что «так называемой тенденциозности в выборе для печати не позволяю я себе никогда». Эта тенденциозность проявлялась у Бартенева на каждом этапе подготовки рукописей к изданию. В публикациях Бартенева в полной мере отразились его общественно-политические и исторические воззрения. Да и сам историк в первые десятилетия своей издательской деятельности прекрасно понимал это и совершенно определенно указывал, что исторические взгляды «сказываются даже при самом простом подборе материалов, и от того, как смотрит

издатель на свою работу, зависит часто само содержание его книжек». Но при этом Бартенева все же отличал более широкий, чем в традиционной дворянской историографии, подход к событиям прошлого, понимание необходимости более полного изучения русской истории, попытка привлечь научные силы к малоизученным сторонам истории России путем публикации документов. В этом видится своеобразие позиции Бартенева-историка, который, как отмечал В. Д. Бонч-Бруевич (сам историк, архивист и издатель), выступал главным образом в качестве собирателя и публикатора исторических документов.

ГЛАВА III

«СТАРЕЙШИЙ ИЗ РУССКИХ ПУШКИНОВЕДОВ»

«Человек ума оригинального, великий любитель и знаток русской истории XVIII и XIX веков, ревностный генеалог, неутомимый библиограф, Нестор русской исторической журналистики, один из основоположников пушкиноведения и последний хранитель устной традиции о Пушкине, деятельный помощник Л. Толстого в работе над его «Войной и миром», Бартенев трудом своим создал эпоху в русской историографии».

Этот краткий «формулярный список» Бартенева принадлежит перу видного советского ученого, замечательного пушкиниста Мстислава Александровича Цявловского.

Итак, Бартенев — «один из основоположников пушкиноведения и последний хранитель устной традиции о Пушкине».

Остановимся подробнее на этой стороне деятельности Петра Ивановича, отметив попутно, что практически нет такой работы о Пушкине, в которой бы не было ссылок на труды Бартенева или на его многочисленные издания исторических документов.

Как мы помним, первое впечатление Бартенева, связанное с Пушкиным, относится к детским годам, когда известие о гибели поэта дошло до живущей в провинции семьи Бартеневых и глубоко переживалось ее членами.

К специальному, целенаправленному изучению творчества и биографии Пушкина Бартенев приступил во время обучения в Московском университете, не без влияния, оказанного на него в этом направлении С. П. Шевыревым. В одной из своих студенческих работ, написанных им на третьем курсе и называвшейся «Художественное сознание русских поэтов», Бартенев большое внимание уделяет рассмотрению творчества Пушкина. Процитируем:

«Для узнавания художественного сознания Пушкина мы уже не имеем отдельных статей, как у Жуковского, который систематически излагал сам свои мысли об искусстве, так что нам оставалось только делать извлечения из этих статей или приводить прямо его мысли. Пушкин не занимался подобными трудами, за исключением небольших заметок и отрывочных мыслей, встречаемых в его записках (и принадлежащих, заметим, к последним годам его жизни). Но зато ни один из поэтов русских в своих стихотворениях так много не говорил о себе, своих чувствах, мыслях, как Пушкин...

...Припомним также загадочное стихотворение «Отрывок», которое Гоголь в статье о лиризме наших поэтов назвал таинственным побегом из города. По словам Гоголя, которые удалось узнать мне частным образом, Пушкин за год до смерти действительно хотел бежать из Петербурга в деревню; но жена не пустила...

Отношения Пушкина к родине уже ясно обозначатся, если мы скажем, что он есть поэт по преимуществу народный, а сего последнего положения, конечно, нечего доказывать. Его любовь к России выражается в горячем сочувствии к славе ее...» [1]

Отметим некоторые основные моменты, проявившиеся вполне уже в этой студенческой работе, которые со временем станут определяющими в научной деятельности Бартенева в целом. Что касается оценки творчества Пушкина, истоков его величия, то об этом сказано предельно ясно — «он есть поэт по преимуществу народный». Со временем эта мысль получит у Бартенева более пространное объяснение и аргументацию. Сейчас же, в представлении студента, — «сего положения, конечно, нечего доказывать».

Вполне определенно в этом сочинении проявилось

характерное для Бартенева уважительное отношение к источникам, к их поиску и характеристике, а также (что было не совсем обычно для современной ему науки) запись устных высказываний и введение их в качестве полноценных исторических источников в ткань исследования наравне с другими, традиционными источниками: «По словам Гоголя, которые удалось узнать мне частным образом...»

Отмеченные обстоятельства играют важную роль в изучении дальнейшей пушкиноведческой деятельности Бартенева и служат нам мостиком для перехода к следующему ее этапу. Этапу, который связан со значительным расширением круга знакомых Бартенева, с его направленным поиском новых знакомств с близкими Пушкину людьми.

Вначале 1850-х годов, жадно расспрашивая людей, знавших Пушкина, и записывая их рассказы о нем, Бартенев знакомится со многими современниками поэта: П. В. Нащокиным, С. А. Соболевским, П. А. Вяземским, А. О. Смирновой-Россет, В. Ф. Одоевским, П. Я. Чаадаевым, Е. К. Воронцовой, А. Н. Раевским и многими, многими другими. Скудость известных к этому времени документальных источников о жизни и деятельности Пушкина, неопределенность судьбы других, находившихся в руках различных людей, зачастую не уделявших особого внимания их хранению и сбережению,— вот та общая безотрадная картина состояния изучения Пушкина, когда бурную деятельность по собиранию материалов, связанных с его жизнью и творчеством, начал Бартенев. Он стоял у истоков становления и выделения в специальную научную отрасль отечественного пушкиноведения.

Поистине уникальным источником для изучения жизни и творчества Пушкина служили и служат рассказы друзей поэта, записанные в разное время Бартеневым и изданные в 1925 году М. А. Цявловским. Восторженный почитатель поэта Бартенев с каким-то неистовым упоением и настойчивостью по крупицам, по отдельным черточкам и эпизодам собирал рассказы о Пушкине, тщательно записывал их, а затем, осуществляя своеобразную сравнительно-историческую проверку, давал записанное на просмотр другим людям, знавшим Пушкина, которые, в свою очередь, дополняли, уточняли, опровергали имеющиеся сведения. И в

итоге этой коллективной работы по сохранению сведений о Пушкине создавался беспрецедентный исторический источник — бартеневские тетради с записями о поэте. Приведем некоторые из них, характеризующие также и собирательский пыл Бартенева, его увлеченность и целеустремленность в этом деле. Вот запись, относящаяся к октябрю 1855 года. Несколько дней назад умер Т. Н. Грановский.

«Жаль, что я не записал вовремя двух-трех рассказов, переданных мне покойником (Грановским.— **А. З.**) о Пушкине. Я помню их, но уже не так живо. Будучи студентом *СПб.* университета, Грановский посещал Плетнева. У него он познакомился с Пушкиным в Царском Селе. После первой встречи они возвращались вместе домой, и кажется, шли полем. Тут Пушкин между прочим говорил, что он не понимает, отчего так пренебрегают Булгариным, что, конечно, на большой улице немного совестно идти с ним рядом и разговаривать, но в переулке он готов с ним беседовать. Раз как-то у Плетнева, при Грановском, Пушкин смеялся над излишнею заботливостью Жуковского о славе друзей своих и людей, им почитаемых. Он со смехом рассказывал, как Жуковский поправлял даже какие-то стихи Ломоносова, именно из-за этой заботливости» [2].

А вот другая запись, относящаяся к 1850 году:

«Сегодня, 1 октября, в день моего рождения, вместо обедни — да простит меня бог — я отправился к Павлу Воиновичу Нащокину, чтоб застать его дома. Это известный друг Пушкина. Я давно уже желал с ним познакомиться. У меня было письмо к нему от старого его поверенного, Дмитрия Васильевича Короткого, свидетеля прошедшей бурной его жизни... Вчера я был у Чаадаева, с тою же целью собирать предания о незабвенном поэте; он мне и сказал адрес Нащокина...

Я встретил самый радушный прием, какого и ждал, судя по отзывам других об этом человеке, хотя и предубежден был несколько не в пользу его нравственного характера. Но это было для меня постороннее. Я сам не вижу в нем ничего дурного покамест. Но та цель, с которой я к нему поехал, была удовлетворена даже выше моих ожиданий. Он был со мною совершенно откровенен, и я провел с ним более 3 часов в беспрерыв-

ной беседе о Пушкине. Ни от кого еще я не слыхал стольких подробностей, и немудрено: он был ближайший человек к Пушкину. Кроме разговора мы читали письма, которые к нему писал Пушкин, и он же делал мне на них пояснения. Их я записал при самых письмах. Все же узнанное мною в разговоре и что еще узнаю, намерен записывать здесь в возможном порядке»[3].

Спустя много лет в своих воспоминаниях Бартенев более подробно опишет «механизм» получения некоторых автографов Пушкина: «Забыл о Нащокине. Это был лучший друг Пушкина, и я, уже в то время занимавшийся Пушкиным, вошел с ним в близкое знакомство. Он жил у Неопалимой Купины близ Девичьего поля и, проведя довольно безобразную жизнь, промогавши большое состояние, вел богомольную жизнь, и к нему приходили разного рода старцы и калики перехожие, что не мешало ему заниматься и столоверчением. Неоднократно получал он крупные наследства, и тогда гостеприимству его не было пределов, а потом вдруг не на что было купить дров, и он топил камины старою мебелью. Молодая супруга его, Вера Александровна, не унывала... Она очень искусно умела выпрашивать себе милостыню, и такова была любовь многих к покойному ее мужу, что ей давали помногу, в том числе граф Виельгорский и в особенности князь П. А. Вяземский. Перед прибытием двора в Москву он обыкновенно напишет ей несколько рекомендательных писем; она оденется очень прилично и с письмом от князя Вяземского не получает отказа в щедром пособии, на которое преимущественно немедленно поведет кратковременную широкую жизнь. Ведь муж ее был друг Пушкина: этого было достаточно, чтобы развязывать кошельки и выдавать ей не десятки, а сотни рублей... С меня она взимала не более 10 рублей за один раз. Доход приносили ей и предъявляемые ею письма Пушкина к ее мужу, случайно сохранившиеся. Павел Воинович говорил мне, что особенно жалел он об утрате некоторых писем. Так, в одном из них, уже за несколько месяцев до смерти, Пушкин просил у него достать 5000 рублей, чтобы уплатить мелкие долги петербургской жизни и уехать на постоянное житье в Михайловское, на что и Наталья Николаевна соглашалась. Но у Нащокина на этот раз денег не было. Так

иногда судьба в зависимости от мелкого обстоятельства»[4].

С помощью С. П. Шевырева знакомится Бартенев на «пушкинской почве» с П. Я. Чаадаевым. 17 октября 1854 года Шевырев писал ему: «Я убежден, что Бартенев обрадуется случаю услышать от вас все подробности общения вашего с Пушкиным»[5]. Бартенев внимает рассказам Чаадаева, но при этом с неумолимой, научной точностью фиксирует не только их, но и мнение о рассказчике, бытующее среди знакомых Бартенева,— мнение, способное служить своеобразным «коэффициентом корреляции» для тех, кто захочет использовать эти рассказы. Поэтому и появляется следующая, например, запись: «Замечу при сем, что показаниям Чаадаева мне не советуют вполне доверять и улыбаются вообще при его имени»[6].

Отношение Бартенева к Чаадаеву следует рассматривать на общем фоне оценки славянофильским кружком общественно-исторических взлядов автора «Философических писем». Для славянофилов были неприемлемы высказывания Чаадаева об убожестве русского прошлого и настоящего, о величии Европы. Так, П. В. Киреевский писал 17 июля 1833 года поэту Н. М. Языкову: «Эта проклятая чаадаевщина, которая в своем бессмысленном самопоклонении ругается над могилами отцов... так меня бесит».

Рассмотренные в предыдущей главе исторические взгляды Бартенева, его искренняя увлеченность в изучении русской истории конечно же приводили к принципиальному мировоззренческому несоответствию Чаадаева и Бартенева. Петр Иванович, вне всякого сомнения, разделял позицию Пушкина, изложенную поэтом в его знаменитом октябрьском письме 1836 года к Чаадаеву: «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться... Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человека с предрассудками — я оскорблен,— но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков...»

Это отношение к Чаадаеву сказалось и в первом исследовании Бартенева о Пушкине. По воспоминаниям Бартенева, Петр Яковлевич считал, что он недоста-

точно оценил и выяснил «его, Чаадаева, влияние на Пушкина». В суждениях Бартенева о Чаадаеве, даже в самой манере записей о нем — иронически-враждебной, отчетливо прослеживается не только личная неприязнь, но и отношение определенного общественного слоя, к которому принадлежал и Бартенев. Много лет спустя, в 1884 году, Бартенев с той же пунктуальной точностью, что и в 1850-е годы, занесет в свою записную книжку:

«Барон Дельвиг почти что огорчен был моей статьей о Чаадаеве в 4-й книжке Р. Архива. Сознаюсь, что я говорил резко и мало пощадливо; но во мне сказалось оскорбление русского человека, это пусть мне послужит извинением. Барон Дельвиг, женатый на Эмилии Николаевне Левашовой (дочь хозяйки того дома на Басманной, где Чаадаев жил), знал Чаадаева очень близко. Последнее их свидание было в Москве, на рауте у графа Закревского, данном по случаю первого приезда Александра Николаевича в Москву государем. Чаадаев ходил по залам очевидно больной и расстроенный. Встретив Дельвига, он тут же отдал ему небольшие деньги, которые был ему должен. Дельвиг сказал: «Да зачем же здесь? Видите, мне и положить некуда: надо расстегиваться».— «Нет, нет, возьмите; а то, может быть, больше не увидимся». В мрачном настроении он говорил, что дни его сочтены, что он чувствует приближение смерти. Его сокрушал плачевный исход Крымской войны, и от нового царства не ждал он добра. «Взгляните на него,— говорил он тут же, указывая на государя.— Просто страшно за Россию. Это тупое выражение, эти оловянные глаза!»

Дела Чаадаева были расстроены. Он никогда ими не занимался и позволял себя обворовывать. Тогда же в Москве говорили, граф Закревский ссудил его значительною суммою. Чаадаев боялся, что ему нельзя будет покупать перчатки дюжинами. В Английском клубе, куда он ежедневно ездил с далекой Басманной, держал он себя с уморительною величавостью, садясь всегда на то же место и торжественно воздымая действительно прекрасную голову. Однажды ищет он в кармане какую-то щеточку для ногтей или зубочистку. Не находя ее, он нарочно посылает за нею к себе домой, т. е. верст за 10 туда и назад. Мне кажется, он то же, что Кублицкий, только в несравненно большем

размере и изящнейшем виде. Что-то вроде павлина с чужими перьями, распускающего длинный хвост, в котором торчат разноцветные перья, одно Шеллингово, другое Местрово, третье взято у Гизо, у Тьера и т. д.

Года два по его кончине, был я у его двоюродной сестры, добрейшей княжны Елизаветы Дмитриевны Щербатовой, которая очень его любила, но и ценила по достоинству. У нее был большой масляными красками его портрет. Уходя, остановился я перед этим портретом. «Это вы с Лонгиновым произвели его в герои, а был он вовсе не умный человек»,— заметила мне княжна. Я неповинен в этом производстве, потому что никогда Чаадаевым не пленялся, чего, конечно, не сказал княжне» [7].

Вернемся вновь к 1850-м годам. Итогом первых пушкиноведческих собирательских усилий Бартенева явились его работы «Род и детство Пушкина», опубликованная в «Отечественных записках» (№ 11 за 1853 год), и «А. С. Пушкин. Материалы для его биографии», помещенная в нескольких номерах «Московских ведомостей» 1854 года. Построенные на большом фактическом материале, они касались по преимуществу отдельных сторон жизни поэта. Современное советское пушкиноведение справедливо связывает традицию биографического метода изучения творчества Пушкина именно с работами в этой области Бартенева.

Любопытно, что и первое столкновение с цензурой Бартенева (впоследствии неоднократно вступавшего с ней в конфликт) произошло на той же «пушкинской почве» и связано было с тем, что он в одной из своих ранних работ использовал «20 строк» из неопубликованных воспоминаний О. С. Павлищевой — сестры поэта и сделал это до выхода в свет издания сочинений Пушкина, которое готовил Павел Васильевич Анненков. Позднее, в 1862 году, в письме С. А. Соболевскому Бартенев следующим образом излагал свою версию этого инцидента: «20 строк из них (из воспоминаний О. С. Павлищевой.— **А. З.**) были помещены мною в моей первой статье о Пушкине в «Московских ведомостях» 1854 г., еще до выхода издания г. Анненкова, который огорчился до такой степени, что исходатайствовал в цензурном управлении запрещение мне печатать что-либо о Пушкине до появления его изданий» [8]. До-

бавим, что с рукописью воспоминаний О. С. Павлищевой Бартенев познакомился у С. А. Соболевского, который, судя по их переписке, не ограничил молодого исследователя творчества Пушкина в «формах использования» этого документа. Бартенев включил небольшую часть воспоминаний в свою статью, чем вызвал справедливое недовольство О. С. Павлищевой,— отсюда и возник инцидент.

Вынужденное, таким образом, «пушкиноведческое молчание» Бартенева продолжалось до 1862 года, когда вышла в свет его работа «Пушкин в Южной России. Материалы для биографии».

Осложнения, связанные с использованием воспоминаний О. С. Павлищевой, не ограничились для Бартенева только временной задержкой с выходом в свет его работ, основанных на привлечении значительного числа свежих материалов о Пушкине.

Для него закрылся доступ в «Московские ведомости», «хозяин» которых, М. Н. Катков, писал 8 ноября 1854 года П. В. Анненкову: «Я никак не предвидел, какое неудовольствие должна была причинить вам статья Бартенева. Ничего не знал я об отношениях его к вам. Зная о вашем предприятии, подумал даже, что статья Бартенева, как материалы для биографии Пушкина, могли быть некоторыми частностями небесполезны для вас. Теперь, после вашего письма, я вижу дело в ином свете. Зачем только вы не написали мне ничего после появления первой статьи Бартенева в «Московских ведомостях»? Будьте уверены, что я буду теперь осторожнее и «Московские ведомости» не подадут вам ни малейшего повода к неудовольствию в этом отношении».

Но особенно остро переживал Бартенев возникшее по этой же причине охлаждение к нему Т. Н. Грановского, принадлежавшего к кругу друзей П. В. Анненкова, который, как нередко бывает в подобных случаях, слишком горячо и явно недостаточно вникнув в суть дела, принял сторону близкого ему человека. 16 декабря 1854 года в дневнике Бартенева появляется такая запись: «Заезжал по дороге на службу в университет и имел с Грановским крупный разговор об Анненкове. Грановский мне сказал: «Такие подозрения не могут равнодушно слышать друзья Анненкова, **к числу которых я имею честь принадлежать**» [9].

Следует сказать, что у Бартенева с Анненковым, у этих первых пушкинистов, были довольно сложные личные отношения, основанные на известной конкуренции между двумя собирателями и издателями пушкинского рукописного наследия. Бартеневская версия этих отношений, зафиксированная им в дневниковой записи 5 декабря 1854 года, звучит так: «Анненков поступил со мною по праву сильного и неблагодарно. В конце 1851 года, когда Погодин прислал его ко мне, он выпрашивал у меня мои бумаги, ласкался ко мне. Тогда он знал о Пушкине почти столько же, сколько я теперь знаю, например, о Батюшкове. Он брал сначала в Москве, потом в Петербурге несколько раз бумаги мои к себе на дом, пользовался ими (и за то давал мне читать только запрещенную статью о Радищеве да каталог библиотеки Пушкина). Исчерпав все, что я знаю, он сделался со мною скрытен. Теперь, по выходе первых двух брошюр моих (я начал писать единственно потому, что отчаялся в выходе его труда), он стал писать сюда письма, как неприятны ему мои статьи, как боится он за успех своего издания, для которого будто бы заложил имение, грозил мне через Грановского, говоря, что дети Пушкина запретят мне обнародовать неизданные стихи Пушкина (у меня 3 отрывка — право, которое дозволяли себе Сушков, Погодин, Тихонравов, Краевский и др.)» [10].

Как бы то ни было, но и в дальнейшем Бартенев ревниво следил за анненковскими изданиями пушкинских материалов, достаточно пристрастно оценивая их, например в письме П. А. Вяземскому от 20 января 1874 года: «Посылаю вашему сиятельству две вырезки из «Русского мира», на которые любопытно будет вам взглянуть. Анненков имел доступ к бумагам, оставшимся после Пушкина; они были ему отданы в 1854 году, когда он издавал сочинения Пушкина. Удержав их у себя, теперь, вместо того, чтобы просто их напечатать, он разбавляет их своими рассуждениями и коверкается перед ними... Любое письмо Пушкина, по вашей милости украшающее «Русский архив» сего года, важнее и лучше целой статьи Анненкова» [11].

Это письмо, с другой стороны, в полной мере характеризует и понимание задач издателя пушкинских материалов Бартеневым: публикация текстов с сопровождением самых необходимых комментариев, стрем-

ление избегать широких обобщений — «коверкания» перед документом.

Для Бартенева главным было разыскание и обнародование пушкинских документов — в этом прежде всего он видел свою задачу как биограф Пушкина. В этом отчетливо проявилось, напомним, и отношение Бартенева к роли документа в процессе исторического познания. Анненков же с самого начала своего изучения пушкинских материалов стремился к **концепции**, пытался осмыслить **систему** документов о поэте, находившихся у него в руках.

Так, уже на ранней стадии изучения Пушкина явственно обозначились два подхода, связанных с именами П. В. Анненкова и П. И. Бартенева. Назовем их условно: «концептуальный» и «эмпирический». Общая неразработанность источниковой базы Пушкинианы определила на какое-то время особую значимость бартеневского подхода, но по мере все более полного выявления и учета пушкинского наследия на первый план выходил «концептуальный» метод Анненкова.

Было бы неточно думать, что обращение к друзьям и знакомым Пушкина с расспросами о поэте было связано лишь с начальным этапом пушкиноведческой деятельности Бартенева. Как пушкинская тема устойчиво проходит через всю жизнь Бартенева, является одной из самых заветных в его научных интересах, так и стремление побольше узнать о Пушкине от современников, успеть услышать и записать и в итоге сохранить устную традицию — постоянно проявляется в деятельности Бартенева.

27 марта 1866 года известный приятель Пушкина Иван Петрович Липранди писал А. Ф. Вельтману: «Петр Иванович прислал мне брошюру «Пушкин в Южной России»... и заключил, что я могу сообщить ему еще больше... Я поспешил исправить то, что я знал положительно, что помнил и что попадало в мой дневник» [12].

Обращался Бартенев и к М. П. Погодину, которого в 1873 году дотошно расспрашивал: «Скажите, значит, вы виделись с Пушкиным часто в первые месяцы его женитьбы? Напишите, каков он был тогда» [13]. У Погодина регулярно происходили своеобразные литературные поминовения Пушкина, на которых стремился присутствовать Бартенев в надежде узнать,

«подслушать» что-либо новое о поэте. Об одной из таких встреч он напишет П. А. Вяземскому 31 января 1875 года: «Мы часто и много вспоминали вас третьего дня у Погодина. (Утром у него всесемейно служили по нем * панихиду.) Был тут и ваятель Антокольский, который готовится лепить памятник Пушкину. Читали мы много Пушкина. Погодин передавал свои личные воспоминания» [14].

И конечно же особенно много услышал Бартенев о Пушкине от самого Петра Андреевича Вяземского и его жены — Веры Федоровны, которым в 1876 году писал: «Мне все кажется, что я недовольно наговорился с вами и княгинею о Пушкине, хоть и боюсь, что надоел вам своею ненасытностью» [15].

«Ненасытность» Бартенева в разыскании материалов Пушкина, естественно, должна была направить его к родственникам поэта, и, скажем сразу, не со всеми из них отношения складывались столь неудачно, как с упомянутой несколько ранее О. С. Павлищевой. Так, через Александра Александровича Пушкина, сына поэта, Бартеневу удалось получить большое число автографов Пушкина. Хотя к самому А. А. Пушкину — гусарскому офицеру — Бартенев относился не без доли иронии и 10 июля 1873 года писал жене: «Пушкины встретили меня дружелюбно и удержали обедать. Я очутился в военном обществе... Все интересы этих людей — в здоровьи лошадей, в утреннем ученьи, в производстве чинами... Пушкин — командир какого-то (не помню названия) гусарского полка — постарел, погрубел после того, как мы с тобою видели его у Кошелевой, но бодр и откровенен в своей нечитательности... Обещали мне, по приезде в Москву, доставить бумаги отца своего» [16].

С дочерью Пушкина Натальей Александровной Меренберг у Бартенева отношения также складывались удачно. В 1873 году он писал жене из Висбадена: «Сюда я приехал вечером, а ныне с 10 до 4-го часу просидел у дочери Пушкина и читал большое собрание его писем к покойной его жене. Я долго не опомнюсь от этого чтения: для его биографии они первой важности. Почти страшна эта возможность заглядывать в самые тайники чужой души. Его отношения с тещею

* По А. С. Пушкину.

были очень долго дурные. Он не допустил ее жить у себя»[17]. Свои впечатления об этих письмах и возникающие при их чтении размышления Бартенев излагает в письме П. А. Вяземскому 25 июля 1873 года: «Письма Пушкина очень важны для его биографии. Надеюсь найти на них покупщика, и, если они будут изданы (с некоторыми опущениями), возьмусь составить к ним объяснительные примечания. Они оставили во мне впечатление грустное и напомнили часто повторявшийся отзыв покойной княгини Долгоруковой (Малиновской): «Какой он был несчастный человек!» Это Отелло и Дездемона. Видел ли он на сцене эту пьесу? Он любил жену и находил в ней свое счастие, но все-таки она была не по нем. Видно, и дар поэзии, и дар красоты — дары опасные»[18].

Понимая, что со смертью ближайших родственников Пушкина, хранящих рукописи поэта, был бы осложнен и ограничен доступ к этим бумагам, Бартенев спешил и сам, и через третьих лиц снять копии с драгоценных документов. Так, почтительно, но настойчиво он писал П. В. Нащокину 23 ноября 1851 года: «Теперь моя покорнейшая и усерднейшая просьба. Лев Сергеевич чуть было ведь не умер, и с ним погибло бы многое для нашего дела, много сведений о брате, а главное, затруднился бы доступ к письмам и бумагам покойника, которые у него должны находиться. Слава богу, пока Лев Сергеевич жив! Не медлите же, почтеннейший Павел Войнович, написать к нему и попросить выслать на известный срок письма Александра Сергеевича или что ему заблагорассудится. Уверьте его, что все, что он пришлет, с благоговением будет сбережено, списано и к нему возвращено»[19].

Беспредельная любовь к творчеству Пушкина, уважение к его памяти, постоянные поиски новых и новых его автографов, а также материалов о нем — все это наложило ощутимый отпечаток и на самого Бартенева, который, встречаясь с современниками поэта, его знакомыми, друзьями, смотрел на них и оценивал сквозь призму причастности их к Пушкину. Поэтому-то так часто в его переписке встречаются оценки людей, данные как бы «через Пушкина». Вот несколько характерных примеров. Александр Михайлович Горчаков — «Я шел к нему с мыслию увидать бывшего лицеиста, товарища Пушкина; встретил ядовитые наме-

ки и выговоры о неприличии разглашать историческую тайну»[20]. Модест Андреевич Корф — «Но Корфу трудно верить: он Пушкина не любит»; «Хотя я уверен, что Корф искренен, но также знаю и то, что он смотрит на Пушкина не совсем верно: он мало знал его по выходе из Лицея, да и натуры совсем разные»[21]. Готовя к изданию «Архив князя Воронцова», Бартенев часто встречался с представителями этой фамилии. В том числе и с Елизаветой Ксаверьевной, с которой вел беседы на различные исторические темы, но «о Пушкине у меня не хватило смелости ее расспрашивать. Доктор ее утверждает, что она охотно слушает чтение стихов Пушкина»[22].

Многочисленные публикации материалов Пушкина и о нем в «Русском архиве» неизменно вызывали оживленные отклики читателей. Эти отклики рисуют картину горячей общественной заинтересованности не только судьбой творческого наследия поэта, но и воссозданием самого образа Пушкина, как по его собственным произведениям, так и по публикуемым в журнале воспоминаниям. Приведем несколько цитат из писем, направленных Бартеневу в связи с публикацией им пушкинских материалов и в известной мере отражающих феномен Пушкина в общественном сознании российского читателя второй половины XIX столетия.

3 сентября 1874 года сын декабриста Евгений Иванович Якушкин взволнованно писал Бартеневу:

«Пользуюсь случаем, чтобы от всей души поблагодарить вас за помещение в 9 книге «Архива» стихотворения Пушкина, которое без вас, вероятно, долго бы не появилось в русской печати. Ни одному поэту в мире не выпадало такой горькой судьбы, как Пушкину. Его стихотворения и прозу переделывали, искажали издатели, вычеркивала цензура, Академия не позаботилась собрать материалы для будущего его полного издания; бумаги его, и в особенности письма, многие уже утратились, и собрать их с каждым годом становится все труднее и труднее... Следовало бы позаботиться об этом всем образованным людям, пока еще есть время. Апатия в этом деле — есть высшая апатия общества: она показывает равнодушие не только к искусству — но и к народной славе.

Ежели бы я жил в Москве, я повел бы горячую проповедь в этом смысле. У вас обширный круг знакомых, вы издаете журнал, читаемый всеми образованными

русскими людьми,— вам всего удобнее сделать почин в этом деле. Едва ли громко выраженное заявление осталось бы без всякого действия; но ежели бы оно и не имело никаких последствий — вы исполнили бы свой долг, сняли бы с себя тяжелую ответственность, которая еще более лежит на писателях, чем на обществе»[23].

Как мы знаем, к этому времени Бартенев уже «сделал почин в этом деле» и до последних дней своих занимался разысканием и изданием пушкинских материалов.

А вот из письма Н. П. Барсукова: «Не слишком много солгу, если скажу, что одно время у нас вместо приветствия спрашивали друг друга: читали вы новую главу «Капитанской дочки»?! Всех оживило это чудное загробное слово Пушкина. Переправа через Волгу решительно не выходит из головы. Счастливы вы, что связали имя свое с таким блестящим делом, как эта находка»[24].

Но не только такие отклики вызывались публикациями пушкинских материалов. Были (и исторически и психологически они, быть может, даже более интересны) и другие.

Академик Яков Карлович Грот (один из трех общепризнанных основоположников пушкиноведения) 1 августа 1872 года писал Бартеневу в связи с изданной им в сборнике «Девятнадцатый век» «Запиской о народном воспитании» Пушкина: «Успел я еще прочесть Записку Пушкина... и пожалел за Пушкина, что она напечатана. Она бросает на него какой-то неблагоприятный свет; тут видно, что во многих понятиях он стоял не выше своего времени. Впрочем, издание этого документа совершенно в духе нашего анатомического времени, и я в этом случае говорю не как историк, а как почитатель поэта»[25].

Не в столь корректной, «академической» манере, как Я. К. Грот, выражает свои мысли один из читателей по поводу помещенной в десятом номере «Русского архива» за 1876 год публикации Н. В. Гербеля «Для будущего полного собрания сочинений А. С. Пушкина», включавшей в себя кроме знаменитых «Послания в Сибирь», «К портрету П. Я. Чаадаева» и такие стихотворения, как «Иной имел мою Аглаю...», эпиграммы на Ф. В. Булгарина, а также, к сожалению, и экс-

промты, вовсе не принадлежавшие Пушкину: «С вами собирался я сильно браниться за напечатание похабщины пушкинской. Неужели она необходима для славы его, чтобы его сочинения нельзя было давать в руки не только девушкам и мальчикам, но даже молодой женщине? Как Гербелю не стыдно, да и вам, греховоднику!»[26]

Сам князь П. А. Вяземский и тот в одном из писем пенял Бартеневу в связи с той же публикацией: «Разумеется, худо сделали вы, что многое пушкинское напечатали. Это оскорбление памяти поэта. Он, без сомнения, протестовал бы против этого»[27]. Не будем спорить с князем, как того не стал делать и Бартенев, вседа чутко улавливающий границы возможного при публикации материалов личного происхождения и не выходящий из этических рамок в отношении публикуемых в «Русском архиве» документов.

Возмущенная читательница журнала, С. Н. Энгельгардт, резко выговаривала Бартеневу: «Я не могу вам не сказать, Петр Иванович, моего мнения о стихотворениях Пушкина, напечатанных в «Архиве». Я их прочла с отчаянием, спрашивая себя, с какой целью хотели доказать всему миру, что Пушкин умел писать грязные и плохие стихи. Нам дорога каждая его строчка, но тогда, когда она достойна его гения,— а вещи, написанные с полупьяна, брошенные им же в помойную яму, **грешно** вытаскивать из этой ямы, чтобы забавлять дураков и лакейскую. Я не понимаю, как вы, ценитель Пушкина, как **вы** покусились на такое оскорбление его памяти»[28].

Вспомним, к моменту этой публикации прошло со времени смерти поэта не так много лет. Были живы люди, знавшие его, да и сам Пушкин не успел еще «застыть в бронзе». Поэтому психологически понятна и по-своему обоснованна реакция тех, кто в широко публиковавшихся пушкинских материалах нередко усматривал покушение на авторитет поэта и выступал в его «защиту».

«Оскорбление памяти» Пушкина — это сказано, конечно, чрезвычайно сильно и явно несправедливо по отношению к Петру Ивановичу, вся долгая жизнь которого представляла собой, можно сказать, ревностное служение памяти поэта. Более того, это трепетное отношение к Пушкину, которое испытывал Бартенев, он

сумел передать и членам своей семьи, создав в доме особенную атмосферу почитания Пушкина, даже его культа. Внучка Петра Ивановича Софья Сергеевна Сидорова-Бартенева в своих воспоминаниях писала:

«Пушкина дед знал наизусть почти всего, читал его вдохновенно, любовно, восторженно! Он всегда говорил, что поэзия Пушкина бодрая, ясная, светлая, примиряющая, и как на характерный пример всегда указывал на стихотворение «Туча»... Когда читал Пушкина, то весь преображался: глаза блестели, как-то весь молодел и, размахивая рукою в такт стиха, почти пел его. Но все это было у него не наигранным, а шло из нутра и потому было просто и правдиво, не звучало фальшиво и деланно. Пушкина дед читал и цитировал наизусть неустанно; он был влюблен в его поэзию и в него самого, я не знаю никого, кто бы так его любил, так знал его, так часто говорил о нем, так бережно и благоговейно чтил его память...

Дед ужасно жалел, что ему не довелось видеть Пушкина, так как в год смерти Пушкина деду было только 8 лет и жил он в деревне; зато большинство друзей великого поэта дед знал лично. Сына поэта — Александра Александровича Пушкина я часто встречала у деда. Дед говаривал мне: «Обрати внимание на ладони рук Александра Александровича — ведь желтые. Это следы его африканского происхождения»...

Любовь деда к великому поэту и постоянные разговоры о нем как о невыразимо близком и дорогом человеке сделали то, что и у нас к нему было совершенно особое чувство близости и исключительной любви. Дед не любил, когда о Пушкине говорили с осуждением, указывая на его отрицательные свойства и поступки в жизни. За его гениальность, светлый ум, глубину мысли, человечность, высоту и красоту поэтических образов, чудный язык, кипучую жизненную натуру, за все то, что делало Пушкина величайшим и непревзойденным поэтом земли русской, дед прощал ему все его слабости, становясь скупым на ответы, говоря: «Не надо останавливаться на этом, ведь и на солнце есть пятна».

О Наталье Николаевне, жене поэта, дед говорить не любил, а если начинали осуждать ее и обвинять в

том, что именно она, ее глупое поведение и бессердечное кокетство явились причиной нестерпимых страданий и гибели великого поэта, дед прекращал разговор, говоря, что, осуждая Наталью Николаевну, мы огорчаем поэта и высказываем неуважение к его последней воле, так как он боялся и не хотел, чтобы молва осудила ее, но предчувствовал, что это будет.

О матери Натальи Николаевны дед выражался просто: «Какая это была дрянная женщина!»...

В зале у деда висела акварельная копия с известного портрета Натальи Николаевны, где она изображена с обнаженными плечами и пером в волосах. Я часто любовалась этим прекрасным лицом, а дед, увидя меня однажды за этим, сказал мне: «Она была так же прекрасна, как и твоя мать, но не имела прекрасных душевных качеств твоей матери. Это две самых красивых женщины, которых я знаю».

Бартенев часто нанимал, продолжает свой рассказ С. С. Сидорова-Бартенева, «стоявший пустым дом в имении Малинники барона Вревского, прежде принадлежавшем Вульфу, а в последние годы дом в именьице купчихи Петровой Нестерово, в трех верстах от села Берново Тверской губернии Старицкого уезда. Дом в Малинниках был тот самый, в котором А. С. Пушкин написал несколько глав «Евгения Онегина», и мы с братьями, проживая там с родителями, занимались уроками в той самой комнате, которую, по рассказам, отводили всегда Пушкину во время его посещений. Это была небольшая комната в два окна налево от входа. Моя тетка Татьяна Петровна Вельяшева запечатлела на холсте красками этот дом со стороны парадного крыльца, рядом с которым видны и эти два окна, в которые некогда смотрел великий поэт на дорогу, поле и лес, создавая свое величайшее произведение»[29].

Мы привели лишь некоторые из «пушкинских страниц» в воспоминаниях С. С. Сидоровой-Бартеневой. В той или иной форме, по тому или другому поводу она еще неоднократно возвращается к Пушкину, рассказывая о своем деде. Можно сказать, что пушкинская тема является основной в ее воспоминаниях о Бартеневе, еще раз подтверждая ее значение и в жизни самого Петра Ивановича, и его ближайшего окружения.

С большим желанием и готовностью принимал Бартенев участие в различных пушкинских юбилеях, тор-

жествах, выставках. Все, что служило увековечению памяти великого поэта, находило горячий отклик у Бартенева. Участвовал он и в выборе места для установки памятника Пушкину в Москве. В этой связи Я. К. Грот писал в 1871 году: «Много благодарю вас, любезный Петр Иванович, за обстоятельное указание мест, пригодных, по вашему мнению, для памятника Пушкину. Непременно доложу их на обсуждение комитета. Спасибо вам также за готовность принимать подписку; в скором времени доставят вам книжку для внесения имен жертвователей. Мысль ваша о проекте памятника чрезвычайно важна; я совершенно того же мнения и буду его отстаивать»[30]. Принимал Бартенев участие и в Пушкинских торжествах 1880 года. 8 июня в Обществе любителей российской словесности после выступлений Ф. М. Достоевского, А. Н. Плещеева, И. С. Аксакова, П. В. Анненкова и Н. В. Калачова выступил Бартенев и, по свидетельству современницы, «говорил об отношении Пушкина к императору Николаю Павловичу», «говорил мало, очень приятным голосом...». В 1880 году Пушкинские торжества впервые приобрели широкий, общенациональный размах. Конечно, немалая заслуга в этом принадлежит и Бартеневу. 4 августа В. П. Гаевский от имени Литературного фонда писал ему: «В начале октября открывается в Петербурге, по примеру Москвы, Пушкинская выставка в пользу Литературного фонда для увеличения учрежденного при нем Пушкинского капитала, проценты от которого назначаются на издание замечательных литературных или ученых трудов. Без вашего участия такая выставка немыслима...»[31]

Блестящим знанием пушкинских материалов Бартенев заслуженно снискал себе немалый авторитет у пушкинистов, многие из которых не раз обращались к этому патриарху пушкиноведения за советами и помощью. В переписке с Бартеневым состояли виднейшие пушкинисты — П. Е. Щеголев, Л. Б. Модзалевский, В. Ф. Саводник, М. А. Цявловский, Е. И. Якушкин и многие другие. Характер отношения этих представителей новых поколений ученых к «старейшему из русских пушкиноведов» (слова Ю. Г. Оксмана) проиллюстрируем выдержками из нескольких писем.

Хранитель пушкинского рукописного наследия в Румянцевском музее Алексей Егорович Викторов, ссыла-

ясь на мнение Бартенева, писал в 1882 году В. А. Дашкову: «Не доверяя, впрочем, достоверности собственных поисков, с вопросом: нет ли где в наших пушкинских рукописях чернового письма Пушкина к Батюшкову — я обращался к специалисту по изучению как Пушкина вообще, так и находящихся у нас его автографов, но результат также вышел отрицательный. Бартенев сегодня прислал мне следующий ответ: «Никакого письма Пушкина к Батюшкову в пушкинских (музейных) рукописях я не встречал, **иначе бы его непременно напечатал.** Сверх того мне положительно известно, что Пушкин лишь немного раз встречался с Батюшковым, но в переписке с ним быть не мог» [32].

В 1902 году историк литературы Владимир Иванович Саитов писал Бартеневу: «Я был бы бесконечно признателен вам, если бы вы сообщили мне, хотя вкратце, свой взгляд на то, как должна быть издана переписка Пушкина, для изучения которого вы так много сделали. Я ни к кому не обращаюсь за советами, но вашим мнением, как знатока Пушкина, очень дорожу» [33].

Из письма известного историка русской литературы Семена Афанасьевича Венгерова Бартеневу (1908 г.): «Весьма обрадован вашим благосклонным отношением к моему изданию Пушкина. Вы один из наиболее заслуженных зачинателей «пушкиноведения», и ваша похвала не может не ободрить меня» [34]. (Любопытно, что даже специалисты в 1908 году термин «пушкиноведение» употребляли еще в кавычках.)

Это, так сказать, «качественные» оценки Бартенева-пушкиниста. Что касается «количественных показателей», то мы можем констатировать, что Бартеневым подготовлено более тридцати статей и публикаций о Пушкине, где впервые были обнародованы неизвестные тексты поэта. И это не говоря уже о неподдающемся точному учету множестве введенных Бартеневым в научный оборот материалов о Пушкине.

В 1930-е годы пушкинские материалы из архива Бартенева были переданы в Пушкинский Дом, где они хранятся и ныне в фонде под номером 18. Не пропали после смерти Бартенева и некоторые мемориальные пушкинские вещи. Так, в 1962 году в Государственный музей А. С. Пушкина в Москве внуком ученого Н. С. Бартеневым была передана кушетка С. А. Со-

болевского со следующей записью: «Кушетка в 1820—1830-х годах принадлежала С. А. Соболевскому и в числе прочей мебели находилась на его квартире в Москве, в доме на углу Собачьей площадки и Борисоглебского переулка. В этой квартире у Соболевского проживал А. С. Пушкин после возвращения из ссылки в с. Михайловское. По преданию, сохранившемуся в нашей семье... на этой кушетке часто отдыхал и спал сам Пушкин. В связи с длительными дружественными отношениями С. А. Соболевский подарил на память о Пушкине моему деду Петру Ивановичу Бартеневу вышеупомянутую кушетку и два шкафчика красного дерева, в которых некоторое время А. С. Пушкин хранил свои рукописи... реликвии Пушкина находились в квартире П. И. Бартенева... я хорошо все помню с раннего детства».

Точность и авторитетность свидетельств Петра Ивановича Бартенева о Пушкине достаточно высоки, это неоднократно признавалось крупнейшими отечественными пушкинистами. Тем большее недоумение вызывают два принадлежащих Бартеневу взаимоисключающих утверждения, имеющих отношение к одной из самых загадочных страниц в истории поиска пушкинских материалов. Речь идет о продолжающихся уже почти девяносто лет спорах о судьбе писем Натальи Николаевны А. С. Пушкину, писем, до сих пор не обнаруженных. Существует несколько версий, и практически ни одна из них не обходит без внимания сказанного по этому поводу Бартеневым. А сказанное им, увы, противоречиво. Так, если в 1902 году он утверждал, что «писем Натальи Николаевны мужу не сохранилось, как говорил мне недавно старший сын их», и тем самым как будто бы выносил окончательный приговор надежде обнаружить эти важнейшие документы, то через десять лет печатно заявил, что если эти письма «и появятся в свет, то лишь в очень далеком будущем», т. е. не закрывал вопрос и оставлял надежду на «очень далекое будущее». Может быть, **и еще не время** появиться этим письмам?

Нельзя умолчать и об одном широко известном обстоятельстве, связанном с именем Бартенева. Речь идет об обвинении Петра Ивановича в том, что он разре́зал рукописи Пушкина, оделяя автографами поэта своих многочисленных знакомых. Да, с сожалением

следует признать, что такие случаи имели место. Что можно сказать по этому поводу? Вероятно, лишь то, что даже это временами проявлявшееся в Бартеневе «варварство» свидетельствует об огромном влиянии образа поэта на Бартенева, когда автографы Пушкина превращались для историка в своего рода святые дары, причаститься которых удостаивались избранные. Не случайно в 1908 году Бартенев писал В. Я. Брюсову: «Некогда отдал я вам автограф Пушкина. Не будете ли добры отрезать от этого листка хоть две строки: мне очень нужно. Это будет то же, как производится отъятие святых мощей»[35]. Не более не менее — «святых мощей».

Деятельность Бартенева по разысканию, собиранию и изданию пушкинских материалов представляла собой в истории отечественного пушкиноведения период, так сказать, первоначального накопления данных о жизни и творчестве Пушкина, их первоначального освоения, период не столько решения, сколько постановки многочисленных вопросов, изучение которых, продолжающееся и поныне, невозможно без тщательного учета всего сделанного в этой области Бартеневым.

ГЛАВА IV

«ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ» «РУССКОГО АРХИВА»

«Трудно назвать ту эпоху русской истории за два века, исследователь которой не был бы принужден обращаться к «Русскому архиву» как к первоисточнику»,— писал В. Я. Брюсов, называя при этом журнал «Эйфелевой башней» — так заметен был он среди других, современных ему изданий.

«Русский архив» — исторический журнал, основанный Бартеневым в 1863 году, уже неоднократно упоминался выше. Значение его велико для науки, но не только для нее. В наши дни, когда так остро почувствовалось отсутствие подобного журнала, «Русский архив», вопросы, связанные с его организацией, составом авторов и читателей, и некоторые другие требуют специального рассказа.

История возникновения «Русского архива» в энциклопедиях и справочниках сводится к утверждению, что

журнал возник «по мысли Хомякова». В первой главе уже говорилось о том, сколь значительное влияние на молодого Бартенева оказал А. С. Хомяков. Поэтому действительно вероятно, что один из вождей славянофильства, высказывая мысль о необходимости распространения исторических знаний среди возможно более широких слоев общества, благословил на выполнение этой задачи начинающего свой путь в науке энергичного «трудолюбца» Петра Бартенева.

Для времени появления «Русского архива» был характерен усилившийся в российском обществе интерес к истории, обусловленный сложными социально-экономическими процессами в самодержавном государстве, значительно обострившейся общественно-политической борьбой. Исторический жанр, в литературе (известный критик и историк русской литературы второй половины XIX века А. М. Скабичевский прямо говорил об «эпидемии исторических романов») достигший своей вершины в творчестве Л. Н. Толстого, в театре, музыке, живописи, скульптуре также вызывал к себе повышенный интерес. Мемуарное творчество, получившее особое развитие и распространение с середины XIX века и занявшее видное место на страницах периодических изданий, также являло собою одну из форм обращения к прошлому. Публикации мемуаров были так распространены, что это служило даже темой для газетных фельетонистов. В XIX — начале XX века количество обнародованных дневников и воспоминаний, по подсчетам советского историка П. А. Зайончковского, возросло «по сравнению с XVIII в. примерно в десять раз».

Сам Бартенев в 1860 году писал, что «история и всякая подлинность нынче имеют успех», а несколько позже отмечал «возрастающее желание» читающей публики «знакомиться с отечественною, не слишком давнею стариной». В этом смысле Бартенев усматривал аналогию возникновения «Русского архива» с «Историей государства Российского» Н. М. Карамзина, появившейся вслед за эпохой «великих войн 1805—1815 годов».

Таким образом, налицо были объективно необходимые условия для создания журнала, посвященного публикации исторических документов, журнала научно-популярного типа.

Финансовую помощь в его издании оказал на первых порах владелец Чертковской библиотеки Г. А. Чертков. В 1863 году — первом году издания — журнал окупил все издержки. Однако ввиду незначительного в это самое первое время числа подписчиков Бартенев решил было прекратить издание. Но тут с предложением помощи к нему обратился коллекционер Николай Сергеевич Киселев. С ним, «владельцем многих исторических рукописей, который обещается разделить половину труда и хлопот с типографией», Бартенев и решил издавать совместно «Русский архив». Киселев был соредактором журнала в 1864—1865 годах. С 1866 года и до своей смерти в 1912 году Бартенев практически был единоличным редактором-издателем журнала и несколько первых трудных лет «с отъездом Киселева в чужие края вынес Архив на своих плечах».

Затронув вопрос о редакторах журнала, рассмотрим его сразу же. В конце XIX и начале XX века соредактором журнала короткое время был сын Бартенева Юрий, сам, к немалому огорчению отца, служивший цензором, вследствие чего ему было дозволено считаться вторым редактором-издателем, с условием, «только чтоб не ставил своего имени» на обложке журнала. С 1912 года по 1917-й «Русский архив» издавался внуком ученого Петром Юрьевичем Бартеневым (или Бартеневым-младшим, как он любил подписываться). Не вдаваясь в подробную характеристику взглядов молодого редактора журнала, отметим лишь, что профессор Московского университета (в котором, идя по стопам своего знаменитого деда, П. Ю. Бартенев выбрал область истории) М. М. Богословский оставил следующую запись в своем дневнике о Петре Бартеневе-младшем: «День ушел на чтение кандидатской работы Бартенева о декабристе Н. Муравьеве. Написано с большой любовью и небесталанно» [1]. Любопытно также следующее полемическое высказывание П. Ю. Бартенева в письме своему деду, вероятно, в продолжение какого-то их серьезного разговора (быть может, спора): «...я всегда был и буду русским, но русским вместе с Пушкиным и Глинкою, а не с Пуришкевичем» [2].

Правда, сам Бартенев-старший предполагал, что его детище перейдет в руки сына Сергея Петровича, не

только видного музыканта, преподавателя философии музыки, переводчика, но и вдумчивого исследователя-историка. Автор фундаментального труда «Московский Кремль в старину и теперь» (кн. 1—2. М., 1912—1916), высоко оцененного В. И. Лениным, С. П. Бартенев и в советское время предпринимал попытки изучения истории Кремля. Обнаружено письмо старого большевика П. Г. Дауге В. И. Ленину, написанное, по всей вероятности, в 1919 году, в котором поддерживается ходатайство А. В. Луначарского о предоставлении возможности С. П. Бартеневу продолжить работы по изучению истории Кремля. Вот это письмо:

«Дорогой Владимир Ильич!

Не откажите, пожалуйста, принять на несколько минут Сергея Петровича Бартенева, историка Кремля, квартиру которого занял В. Д. Бонч-Бруевич.

Я знаком с семьей Бартенева 20 лет и знаю как одну из самых честных и благородных московских семейств, почему я и прошу отнестись к С. П. с **безусловным** доверием.

С. П. Бартенев работал больше 10 лет над собиранием материалов и изучением Кремля, и было бы грехом вырвать из его рук начатую работу, для которой нелегко найти заместителя. И я целиком присоединяюсь к мнению Луначарского, что продолжение работы должно быть оставлено за ним.

Присовокупляю, что **Бартенев** вместе с двумя сыновьями с прошлого года служат в советских учреждениях не за страх, а за совесть.

Жму руку.

Преданный вам П. Дауге» [3].

Как видим, в семье Бартенева увлечение и занятие историей перешагивало через любительские рамки досужего интереса и вырастало в серьезные научные работы.

Тем не менее после смерти Бартенева журнал перешел в руки П. Ю. Бартенева. Передача издания не обошлась без судебной тяжбы между наследниками, в качестве свидетеля привлекался в апреле 1913 года и В. Я. Брюсов.

Первые два года издания «Русского архива» подготовили рост его известности. Одновременно с завоеванием популярности с конца 1860-х годов завершается процесс становления журнала, окончательно формиру-

ется его структура, оформляются основные идейно-тематические направления в публикации исторических материалов.

Интерес читателей к «Русскому архиву» позволил его редактору в 1866 году переиздать первые выпуски более широким тиражом. Поэтому о времени с 1863 по 1866 год можно говорить как о первом периоде, к концу которого журнал прочно стал на ноги и получил признание.

Конец 1860-х — первую половину 1880-х годов можно определить как второй период в истории издания «Русского архива». Этот период характерен устойчивым положением журнала и, несмотря на появившиеся: с 1870 года — «Русскую старину», затем, с 1875-го,— «Древнюю и новую Россию» и, с 1880-го,— «Исторический вестник», «Русский архив» имел высокое количество подписчиков. Известность журнала вышла за пределы России.

В конце 1880-х годов финансовое положение журнала заметно ухудшается. Среди причин, вызвавших охлаждение подписчиков к журналу и лишивших его тем самым материальной поддержки, главными представляются следующие.

Прежде всего, постепенная эволюция взглядов редактора-издателя (об этом подробно говорилось во второй главе) вполне явственно сказалась и на тематике публикаций, на содержании журнала, что выразилось в отходе от систематичности в публикации материалов широкого общественного звучания (эпизодические публикации такого характера сохранялись и далее). Помимо этого, безусловно, изменился в массе и сам русский читатель, интересующийся вопросами отечественной истории. Это изменение читателя, его интересов было обусловлено не только социально-политическими процессами, но и появлением различных изданий, в том числе демократического направления, смелее поднимавших на своих страницах многие злободневные вопросы русской истории. Наконец, существенным моментом здесь представляется наличие других русских исторических журналов, со временем обостривших конкуренцию в борьбе за читателя, причем имевших бо́льшие организационно-финансовые возможности выиграть в этой конкуренции, так как издатели и редакторы этих журналов в отличие от арха-

ичной практики «Русского архива» перенесли в историческую периодику буржуазные деловые взаимоотношения между редакцией и сотрудниками.

Следствием идейной эволюции Бартенева в этих условиях стало не привлечение к журналу более оппозиционно настроенных сотрудников, не увеличение объема материалов широкого общественного звучания, не пересмотр программы освещения прошлого, а обращение к правительству за материальной поддержкой (впрочем, как и подобает «государственному летописцу»). Это обращение увенчалось успехом, и 27 мая 1887 года начальник Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов сообщал Бартеневу, что император разрешил выдачу «в течение пяти лет негласных денежных пособий» в размере 1800 рублей в год; а в 1892 году министерство народного просвещения выдало «в пособие на издание алфавита к «Русскому архиву» четыреста рублей». Большую роль в организации субсидии «Русскому архиву» сыграл автор, читатель и почитатель журнала министр народного просвещения И. Д. Делянов, а также К. П. Победоносцев. С первого года издания «Русского архива» почтовый департамент брал за пересылку номеров журнала иногородним подписчикам плату более низкую, чем за пересылку других изданий, а в 1908 году эта плата была еще раз уменьшена.

Таким образом, в конце XIX века журнал попал в материальную зависимость от правительства, что, конечно, не могло не повлиять на его содержание. Следовательно, можно с уверенностью назвать и третий период в истории журнала: с конца 1880-х годов и до прекращения издания журнала в середине 1917 года. Этот период характеризуется значительным падением числа подписчиков и — одновременно — ростом сумм субсидий, предоставляемых «Русскому архиву». Отражением этих процессов явилось общее снижение ценности публикуемых материалов.

Ежегодно к «Русскому архиву» издавались приложения. Первое время это были материалы сугубо справочно-библиографические, как-то: каталог Чертковской библиотеки, указатели к «Русскому вестнику», «Русской беседе», «Библиографическим запискам», «Чтениям Общества истории и древностей российских». С 1870-х годов в приложении к журналу издаются днев-

ники и воспоминания Ф. Ф. Вигеля, П. Х. Граббе, С. П. Жихарева, И. М. Долгорукова и других, портреты русских государственных деятелей XVIII—XIX веков: Петра I, Екатерины II и многих других.

Срок выхода каждого номера журнала, несмотря на настойчивые старания издателя, соблюдался далеко не всегда, и в этом отношении журнал отличался от «Русской старины» М. И. Семевского, которая неизменно выходила первого числа каждого месяца. Как тут не вспомнить о сегодняшней журнальной практике и не процитировать возмущенное письмо одного из корреспондентов Бартеневу: «Какой, однако ж, беспорядок завелся у тебя! «Архив» опоздал чуть ли не на три, а то и на пять дней. О ужас! Что это значит?» [4] Действительно, в то время подобная оказия могла означать только какое-то чрезвычайное происшествие.

Значительна роль «Русского архива» в процессе выделения из общей периодической печати — исторической и в появлении тем самым самостоятельной отрасли в русской журналистике.

По неоднократным высказываниям современников, именно «Русский архив» был «родоначальником подобного рода изданий», «дедушкой» современных исторических журналов». Так, само появление «Русской старины» рассматривалось как «пополнение» «Русского архива» и поначалу было с удовлетворением встречено Бартеневым. Однако со временем его оценка этого журнала изменилась и стала резко отрицательной. (Надо заметить, что Михаил Иванович Семевский и Сергей Николаевич Шубинский — редакторы и издатели исторических журналов «Русская старина» и «Исторический вестник» — до этого активно сотрудничали в «Русском архиве».)

Между редакторами двух наиболее популярных исторических журналов второй половины XIX века — «Русского архива» и «Русской старины» — существовала даже договоренность о «разделении сфер влияния»: своеобразное размежевание между петербургским изданием западнического толка и славянофильским московским, в котором видели «почти единственный отголосок славных московских преданий». Один из корреспондентов Бартенева — московский почт-директор В. А. Инсарский писал ему в феврале 1874 года, что М. И. Семевский сообщил ему о соглашении

между ним и Бартеневым «такого рода, что Москва и все, что на Москве,— ваше, а Петербург — его!» [5] Конечно, здесь многое зависело от инициативы и энергии издателей в поиске нужных материалов, но тем не менее это различие журналов хорошо осознавалось современниками, а авторы присылаемых в «Русский архив» материалов нередко мотивировали выбор именно этого журнала его «тесными узами духовного родства с матушкой Москвой» [6].

Как мы понимаем, Бартеневу было легко поднять флаг «промосковского» журнала над «Русским архивом», поскольку для него самого было характерно постоянное противопоставление «матушки Москвы» бюрократическому Петербургу, возможно, и как следствие его славянофильских увлечений. Отрицательное отношение к «холодной столице» неоднократно встречается в переписке и статьях Бартенева. Приведем лишь некоторые, показательные в этом отношении примеры. 1864 год: «За немногими исключениями, сношения между людьми (в Петербурге.— **А. З.**) основаны... на внешних приличиях, тонких расчетах и своекорыстных уважениях»; 1870 год: «Петербург ненавистен своею ужасающею роскошью, рядом с полным нищенством»; 1891-й: «Предки наши умели выбирать места для поселения. Не то что плоский, болотный Петербург», и т. д.

Оба редактора чрезвычайно внимательно следили за выходом каждого номера журнала-«конкурента» и не упускали случая, чтобы поместить в своем издании (часто не без едкой иронии и редко без должных оснований) заметку или даже целую статью, носившие, как правило, полемический характер, по поводу неточностей и упущений, обнаруженных в другом.

Завершим эту тему небольшим отрывком из воспоминаний С. С. Сидоровой-Бартеневой, помогающим понять позицию Бартенева в его отношении к другим историческим журналам:

«Дед, за редким исключением, не одобрял исторических романов вообще, а также и исторических журналов, печатавших исторические романы, повести и статьи, не вполне достоверные в исторической истине, исключительно с целью завоевать интерес широкой публики с недостаточным культурным уровнем, которая, не разбираясь в том, что она читает, приносила

большой доход журналу, увеличивая собою число подписчиков и рекламируя журнал.

Когда я спросила его: «Ну а «Исторический вестник» и «Русская старина», неужели и их не стоит читать?» — дед ответил: «Нет, почему же, читай. Но сначала покажи мне, какую именно статью ты хочешь прочесть. А романов и повестей, пожалуйста, не читай, голубушка! Не стоит. Если хочешь знать историю, всегда лучше обращаться к первоисточникам». Дед ревниво охранял в своем «Русском архиве» историческую правду и гордился тем, что не изменял своему принципу в угоду барыша и наживы» [7].

Собирательская деятельность Бартенева определяла в значительной мере его издательскую деятельность. В главе, посвященной журналу, будет справедливо остановиться подробнее на этом.

Содержание подавляющего большинства получаемых редакцией документов не оставляет сомнений в том, что и «Русский архив», и сам Бартенев рассматривались современниками в качестве выразителей взглядов дворянской исторической науки. Так, Бартеневу предлагали, по преимуществу, «подлинную грамоту великого князя Василия Ивановича Темного», «письма Екатерины и Петра», «письмо императрицы Елизаветы Петровны к королю шведскому Фридриху», «указы Екатерины и Павла», «секретную переписку о предполагавшемся браке Наполеона с великою княжною Анной Павловной», «записки преосвященного Красноярского Никодима», «собрание писем Петра Великого, Анны Иоанновны, Анны Леопольдовны, Петра III, Екатерины II, Павла I, Марии Федоровны и Константина Павловича» и т. д. И заслугой Бартенева в данном случае является то, что он не ограничивался публикацией документов этого «профиля», а, как уже говорилось, часто уходил за рамки традиционных интересов дворянской исторической науки.

Чутье и опыт собирателя подсказывали Бартеневу, у кого следует искать документы. В первую очередь они могли быть у людей, связанных в той или иной степени с издательской деятельностью или собирательством. Бартенев обращался к ним с просьбами о присылке «воспоминаний и любопытных бумаг», психологически точно угадывая стремление многих из них «остаться в истории» и акцентируя на этом их внимание.

Бартенев часто сам выступал в роли инициатора создания мемуаров, стимулируя к этому своими вопросами и предложениями участников или очевидцев событий прошлого; итогом были мемуары либо в классической форме, либо в форме письма к издателю, иногда — в виде ответов на вопросы редактора. Например, И. Ф. Тютчев писал Бартеневу в 1883 году: «Итак, благоволите приложить в форме вопросов все то, что вы желаете знать о моем отце, и вопросы эти прислать мне. На них вы получите письменные ответы»[8].

Бывало, Бартенев обращался не только за воспоминаниями, но и за «самими замечаниями на обнародованные в «Русском архиве» памятники старины» или публиковал документы с целью «вызвать на свет новые бумаги».

Впрочем, публикации журнала довольно часто «провоцировали» читателей на воспоминания, дополнения, уточнения. В этом смысле, быть может, ни в одном другом журнале не была так легко переходима и так условна грань между прошлым и настоящим, между читателем и сотрудником. Это в известной мере объяснялось и хронологическими рамками публикаций, охватывавших события сравнительно недавнего прошлого, многие из участников которых были живы и активно вмешивались в процесс коллективного написания истории этих событий. Не случайно корреспондент Бартенева писал о себе, как об одном из «постоянных сотрудников, а следовательно, и читателе» журнала. Этой же цели служил и появившийся в конце века в «Русском архиве» раздел «Вопросы и ответы», в котором редакцией давались ответы на вопросы читателей. В основном они касались уточнения генеалогических данных и родословных связей отдельных лиц.

Бартенев обладал талантом хорошего рассказчика, по свидетельству сотрудника журнала Б. А. Садовского, «был неистощим в разговорах».

«Круг знакомств у деда,— вспоминала С. С. Сидорова-Бартенева,— был положительно изумителен по количеству лиц, которых он знал лично. Читая мемуарную литературу... поражаешься тем, что все время попадаются имена, которые были с детства знакомы нам и фигурировали в разговорах деда как живые участники его повседневной жизни, о которых он всегда имел что рассказать и чем вспомнить...

У него было удивительное уменье говорить непринужденно и интересно с детьми и простыми людьми. Он говорил со всеми одинаково просто, живо, охотно, всегда умел заинтересовать беседой и находил тему разговора всегда незаурядную, но оставляющую за собою приятные и полезные воспоминания и для себя, и для собеседника, будь то ребенок, малограмотный или вовсе неграмотный простолюдин, серьезный ученый или светский человек» [9].

Бартенев, пользуясь современным выражением, умел войти в контакт с разными людьми, причем подчас в самых неожиданных ситуациях. Однажды взбешенный генерал-губернатор Москвы А. А. Закревский вызвал к себе Бартенева за «будто бы учиненный им в публичном доме скандал», и Бартенев не только убедил грозного начальника Москвы в своей непричастности к скандалу, но и сумел, разговорив Закревского, услышать его воспоминания об Аустерлицком сражении, в котором тот принимал участие.

Полученные (точнее — выслушанные) таким образом воспоминания Бартенев позднее (а иногда и во время рассказа) записывал и многое печатал потом в журнале под рубрикой «Из записной книжки издателя «Русского архива».

В записи услышанных рассказов Бартенев — черта историка и архивиста — соблюдал максимальную точность и указывал не только фамилию того, от кого услышал рассказ, но и время и место записи. Вот характерное свидетельство Бартенева:

«В частных сношениях, иной раз, Достоевский бывал невыносим. Один доктор, с успехом его лечивший и получавший от него выражения признательности, просил представить ему своего знакомого, которому хотелось поклониться литературной знаменитости. Достоевский согласился. Доктор привозит восторженного почитателя; но почитаемый, выйдя к ним в прихожую, объявляет: «Я вас обоих не знаю!»

Это можно еще объяснить забывчивостью и нервным возбуждением. Но вот случай с А. А. Чумиковым. Брат Достоевского, издавая «Эпоху», взял у Чумикова 3 тысячи рублей под простую расписку из 6%. По смерти брата Федор Михайлович оповестил всех, кто ему верил, что братнины дела и долги он берет на себя. Чумиков пишет ему о своих деньгах и получает ответ:

«Так как вы брали проценты, то этот долг я не считаю для себя обязательным». (От Чумикова, Ревель, 14 июля 1883)»[10].

В поисках старинных бумаг Бартенев был поистине неутомим. Даже отдыхая в Ревеле, где он ежегодно проводил лето в «купальном заведении Крауспе», он посещал городской архив, и в частности собирал «все относящееся до Иоанна Грозного»[11].

Нередко поиски увлекали Бартенева за пределы России, и он совершал «архивные путешествия» по западноевропейским странам, проводя много времени в архивах. Иногда же он получал копии документов, хранящихся за границей, от своих корреспондентов.

К материалам многих российских государственных архивов обращался Бартенев. Собственный опыт службы в архиве помогал ему хорошо ориентироваться не только среди множества хранящихся в них исторических документов, но и в вопросах далеко не всегда благоприятствовавшей исследователю государственной архивной политики. Поисками документов Бартенев занимался в Московском генерал-губернаторском архиве, в архиве Главного штаба, в Московском архиве министерства иностранных дел, в архиве «собственной его величества канцелярии» и многих других. Лишь однажды Бартеневу было отказано в допуске к материалам государственного архива. Документы, которые он хотел взять «для справки, соображения и, если можно, кратких выписок», представляли собой официальную переписку о закрытии журнала «Телескоп» в связи с опубликованием в нем письма П. Я. Чаадаева.

Другим не менее важным объектом собирательской деятельности Бартенева были частные архивы. Работа по выявлению и изданию документов из частных собраний, которую в больших масштабах вел Бартенев, является его несомненной заслугой в деле сохранения и введения в научный оборот исторических источников, многие из которых впоследствии исчезли из поля зрения исследователей из-за неопределенной судьбы большинства частных собраний. Среди исчезнувших автографов документов, в свое время опубликованных в «Русском архиве», есть такие первостепенной важности, как письма А. И. Герцена, и др.

Бартеневу приходилось преодолевать немалые трудности, связанные с известным предубеждением

большинства владельцев семейных архивов против обнародования хранящихся в них документов. При невозможности приобретения рукописей Бартенев все же следил за их судьбой, переходом от владельца к владельцу, выжидая удобного случая для их получения. Так, в письме С. Д. Шереметеву он сообщал цепочку перемещений рукописей столь близкого его сердцу Н. М. Карамзина: «**Подлинные** рукописи «Истории» Карамзина... бережно хранились у младшего его сына Александра Николаевича, по смерти которого писал я к княгине Мещерской, чтобы она их себе попросила. Ныне большой сундук с этими бумагами достался графине Клейнмихель»[12]. Как видим, в данном случае перемещения рукописей не обошлись без прямого участия Бартенева, который, как вспоминал В. Я. Брюсов, «умел зорко следить за судьбой какого-нибудь интересного документа, подстерегать его, как охотник дичь, и, наконец, поймав, цепко держать в своих руках».

Собирательская страсть, неутомимость в поисках документов и снятии с них копий (что само по себе требовало значительного времени и сил) отчетливо проявились в Бартеневе еще в 1850-е годы, когда молодой ученый приступил к созданию собственной — впоследствии достаточно известной — коллекции исторических документов. В дневнике Бартенева за 1855 год, в записи от 5 января, читаем: «Заехал к Елагиным. У них сидел И. С. Аксаков, который снова завел речь о разных письмах Гоголю, ныне принадлежащих племяннику его Трушковскому. Я уже другой раз слушаю долгие рассуждения об этих письмах и должен молчать и не показывать, что все они были в моих руках. Надо сказать, что письма эти с некоторыми книгами Гоголь оставил в чемодане у Жуковского. Вдова последнего привезла их в Россию и отдала А. П. Елагиной для доставления матери Гоголя. У Елагиных чемодан валялся несколько месяцев; на письма мало обращали внимания. Я выпросил их себе, разобрал и почти все прочел. Тут было до 300 писем, особенно много от Смирновой, Аксаковых, графов Виельгорских, графа А. П. Толстого, от поэта Языкова, Жуковского (все у меня списаны), Шевырева, Плетнева, Погодина, художника Иванова»[13].

Сотрудники «Русского архива» информировали

Бартенева о попавших в поле их зрения отдельных рукописях, коллекциях или целых архивах, а также часто выступали в роли поверенных Бартенева в переговорах с владельцами и по его просьбе вели поиск рукописей. Большое значение здесь имела оперативность информации, и в этом смысле показательно письмо Н. П. Барсукова, который 5 декабря 1878 года сообщал Бартеневу: «Со дня на день ждут известия из Парижа о кончине князя Бориса Дмитриевича Голицына. Он разложился заживо. Не мешало бы теперь же вам съездить к графу Алексею Васильевичу Бобринскому и переговорить о вязёмских бумагах. Добро это нисколько не занимает ни князева сына, находящегося ныне на Кавказе, ни дочь — Евдокию Борисовну Шереметеву. Если зазеваетесь, все будет уничтожено, как ненужный хлам» [14].

Любопытно посмотреть, как постепенно открылся для Бартенева богатейший архив декабриста Николая Ивановича Тургенева, жившего в Париже. Один из парижских знакомых Бартенева — А. П. Голицын писал ему в начале 1860-х годов, сообщая об архиве Тургенева: «Здесь Николай Иванович Тургенев имеет много рукописей... но не сообщает их охотно. Я советовал бы вам ему прямо писать» [15]. Желая расположить Тургенева в свою пользу, Бартенев высылает ему полные комплекты журнала «Русский архив» за два года и в ответ получает письмо от 11 сентября 1866 года, в котором говорится: «Я получил на этих днях два тома «Русского архива» (1864—1865 годы). Чувствительно благодарю вас за эту, для меня драгоценную посылку... Мне кажется, что интерес, который «Русский архив» представляет для современных читателей, возрастет в будущем» [16]. После этого Тургенев предоставляет Бартеневу материалы своего архива, и уже 21 ноября Бартенев пишет находящемуся в Париже Г. А. Черткову: «Благодарствуйте за обязательную готовность вашу относительно копий бумаг тургеневских. Если не успеете увидать Николая Ивановича, то это не беда, во-первых, потому, что дело не спешное, а во-вторых, бывший петербургский профессор Порошин сам вызвался кое-что списать для «Русского архива» у Тургенева» [17].

Как мы уже говорили, Бартенев одним из самых первых в России приступил к широкому поиску и изданию материалов о декабристах. Помимо архива

Н. И. Тургенева Бартенев в первые годы издания «Русского архива» стремился получить доступ к документам, хранящимся в семье Якушкиных. По его поручению известный ярославский поэт и историк Леонид Николаевич Трефолев постарался выяснить характер имеющихся у Е. И. Якушкина материалов. 12 июля 1865 года он сообщал Бартеневу: «Действительно, у Евгения Ивановича Якушкина (председателя здешней казенной палаты) есть любопытные рукописи, и я поспешил передать ему ваше желание чрез одного нашего общего знакомого. Якушкин — хороший господин; но лично я его мало знаю: встречались только на толкучке у здешних букинистов» [18].

Еще один сотрудник «Русского архива» — Н. Я. Агафонов сообщал Бартеневу 20 июля 1871 года: «Вам готовит огромный том своих мемуаров Ипполит Иринархович Завалишин, известный полудекабрист и проч.» [19].

Уступая настойчивым просьбам Бартенева, его смоленский корреспондент Н. В. Друцкой-Соколинский писал о дневнике И. Б. Пестеля, отца декабриста: «Во всяком случае, даю вам слово, что употреблю с моей стороны всевозможные старания, чтобы доставить вам дневники Ивана Борисовича и всякого рода интересные бумаги» [20]. По всей вероятности, благодаря именно этому содействию ныне в архивном фонде Бартенева хранится большое количество материалов, отражающих различные стороны жизни семьи Пестелей.

О. С. Лепарская — дочь С. Р. Лепарского, коменданта Нерчинских рудников, 25 апреля 1875 года писала Бартеневу в ответ на его просьбу выслать документы о декабристах: «К величайшему моему сожалению, я не могу исполнить вашего желанья, потому что все, что я нашла по смерти моего отца, все бумаги, документы, переписку с царственными особами, касающиеся до декабристов, я передала одному из своих родственников, который обещал мне привести все в порядок и извлечь из всего все, что будет возможно. Мне очень жаль, что письмо ваше опоздало несколькими днями» [21]. Как видим, и Бартенев не всегда успевал.

«Русский архив» являлся своеобразным центром по собиранию исторических материалов не только общегосударственного, центрального, но и местного значения. Провинциальная интеллигенция за отсутствием

издательских и иных возможностей на местах присылала в «Русский архив» многочисленные материалы по местной истории. Энтузиасты доставляли Бартеневу документы из Нижегородского губернского архива, Псковского губернского архива, архива Кавказского горного управления, архива штаба Кавказского военного округа, архивов Дагестанской области, Ревельского городского архива, Астраханского губернского архива, Уфимского губернского архива, архивов Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторств, Архангельского губернского архива, Оренбургского губернского архива, пензенских архивов, из архивов многих, многих других мест, полно представляющих географию России.

Не ограничиваясь письменными источниками, Бартенев с помощью своих сотрудников организовывал запись устных преданий и легенд о том или ином событии или историческом лице. Причем в отличие от ведущих традиционные фольклорные записи его интересовали в основном события и лица недавнего прошлого. Так, один из его корреспондентов писал из Оренбурга: «Согласно вашему желанию я приступил также к собиранию местных преданий о В. А. Перовском»[22].

Необходимо отметить, что авторитет Бартенева (причем в данном случае даже не столько научный, сколько моральный) был настолько велик, что ему приходилось осуществлять функции своеобразного хранителя частных архивов, так как ему на время сдавали свои документы (иногда даже целые архивы) владельцы.

Чрезвычайно внимательно относился Бартенев и к организации собственного архива. Высокая эпистолярная культура, свойственная ему, находила свое выражение не только в большом объеме и регулярности переписки, но и в самом отношении к значению писем как исторического источника. По воспоминаниям дочери Татьяны Петровны Вельяшевой, Бартенев «получал и писал много писем. В конце каждого года письма эти приводились в порядок по месяцам и числам и переплетались»[23]. Бартенев, как издатель исторических документов, хорошо понимал важность своей переписки для будущих историков и тщательно хранил письма и великих и безвестных корреспондентов. В боль-

ших переплетенных томах соседствуют письма к Бартеневу Наполеона III и скромного дьячка из Средней Азии, члена ЦК партии эсеров Н. А. Аргунова (предлагавшего воспоминания об Е. Ф. Азефе) и начальника Виленского жандармского округа В. А. фон Роткирха...

Бартенев не уничтожал даже те письма, авторы которых просили его это сделать. Благодаря такому нарушению авторской воли (и в этом видится прежде всего подход историка и архивиста) стало возможным расшифровать псевдонимы в воспоминаниях декабриста А. С. Гангеблова.

Присылаемые в редакцию рукописи заносились в специально для этого заведенный указатель и в соответствии с номером раскладывались по шкафам. Рукописи, «которые не напечатаны, но представляют интерес», хранились в особом шкафу.

Интересен был рабочий кабинет маститого редактора «Русского архива». Библиотека, музей, картинная галерея составляли его. Некоторое (больше по части библиотеки) представление о нем дает одна из фотографий в этой книге. Дополним это впечатление отрывком из воспоминаний С. С. Сидоровой-Бартеневой, где она довольно обстоятельно описывает кабинет Бартенева:

«Все почти вещи в его кабинете были подарены ему на память тем или иным лицом, имя которого было известно в литературе или истории России. Этажерка и большое резное кресло красного дерева были ему подарены С. Соболевским; на верхней полке письменного стола, подаренного ему Я. Гротом, стояла раскрашенная статуэтка — портрет князя П. А. Вяземского, а рядом на гвоздике висел акварельный портрет-миниатюра Авдотьи Петровны Елагиной...

В углу, по правую сторону письменного стола, стоял бюст Пушкина, на стене, против стола висел большой портрет Екатерины II в дорожном костюме, а около окна копия посмертной гипсовой маски с лица Пушкина, подаренная ему В. А. Жуковским.

Весь кабинет (да и почти все прочие комнаты) был сплошь уставлен книжными шкафами, а все стены увешаны портретами с автографами всех знаменитых людей, которых он лично знал, любил и уважал. Портреты и шкафы с книгами заполняли почти все комнаты...

и даже [находились] на площадке лестницы. Их было так много, что они висели вплотную, почти без промежутков. Некоторые фотографии изображали покойников, лежавших на смертном ложе»[24].

В 1891 году Бартенев передал в дар Архиву министерства иностранных дел «собрание бумаг канцлера А. А. Безбородко». За полгода до смерти он подарил Е. А. Воронцовой часть документов своего архива, относящихся к семейству Воронцовых. Незадолго до смерти у Бартенева возникла мысль расстаться с «Русским архивом» — продать его, библиотеку, коллекцию гравюр и весь свой архив. Этого не произошло, но после смерти Бартенева его библиотека, коллекция портретов и рукописей разошлись по рукам многочисленных родственников, что предопределило утрату части архива. По имеющимся данным, на 1 января 1919 года у Петра Бартенева-младшего, проживавшего на Арбате (в Денежном пер., д. 3, кв. 3), имелось собрание гравюр и автографов, на которое была выдана охранная грамота № 554. Часть редких книг и рукописей из коллекции была продана семьей Бартеневых в 1919 году, а в 1920 году был утерян «целый сундук писем». В 1930-х годах благодаря энергичным действиям Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича архив Бартенева был куплен Гослитмузеем у С. Н. Бартеневой — невестки и И. Ю. Бартеневой-Житковой — внучки историка. А. М. Горький в 1934 году поздравлял В. Д. Бонч-Бруевича с приобретением бартеневского собрания писем — «это большая добыча!». В 1941 году это собрание поступило в Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, где и хранится ныне. Библиотека же была передана Историческому музею.

Познакомившись с источниками публикаций в «Русском архиве», историей и судьбой архива Бартенева, обратимся к вопросу о принципах отбора материалов для печати, которыми руководствовался редактор, так как они шли в печать не по мере поступления в редакцию, а из недр довольно объемистого редакционного портфеля журнала, «запасы которого,— как говорил Бартенев в 1889 году,— переполнены». В связи со значительным количеством исторических документов (к 1890 году было «накоплено несколько сот неизданных рукописей», а в 1910-м, писал Бартенев, «запасов в бу-

магах и документах еще очень много») в редакционном портфеле вновь присылаемые материалы порой долгие годы ждали своей очереди. Так, «записочки митрополита Филарета» лежали в редакции 15 лет; «письма Екатерины II к разным лицам» (и это при столь пламенной привязанности Бартенева к «матушке Екатерине»!) были опубликованы через 13 лет после поступления в редакцию; статья В. А. фон Роткирха «О польском катехизисе» 10 лет лежала в редакции и т. д. Остановимся несколько подробнее и на других причинах такого положения.

Со временем Бартенев стал рассматривать свой журнал все в большей степени не как ведущий «к пониманию настоящего», а как своего рода архив, в задачи которого входит собирание и хранение (в форме публикаций) документов для будущих историков. Примерно с середины 1880-х годов мысль о таком назначении «Русского архива» утверждается в сознании Бартенева и как следствие полного непонимания им происходящих в России социальных процессов, невозможности объяснить и понять настоящее посредством прошлого с позиций дворянской философии истории.

В этой связи небезынтересно привести высказывание историка Н. М. Павлова в доме у Бартенева, записанное В. Я. Брюсовым. Бартенев, как мы помним, подчеркивал свое полное согласие со взглядами Н. М. Павлова на русскую историю. Вот эта запись: «1901 г. Октябрь. У Бартенева видел Н. М. Павлова, автора «Русской истории». Говорил о окончании своего труда: «Я не как Соловьев, у которого, чем ближе к новому, тем обширнее; по-моему, чем ближе, тем все нелепее: один государь уничтожает, что сделал его предшественник, смысл потерян».

«Смысл потерян». Вот эта-то «потеря смысла», разрыв «связи времен» в понимании Бартенева вызывали у него острое желание погрузиться «в безмятежную, совсем чуждую злобе дня глубь давнопрошедших времен».

Этот взгляд с конца 1880-х годов станет доминировать при отборе Бартеневым материалов для публикации в «Русском архиве». «Если бы вы знали,— писал он в 1892 году историку С. Д. Шереметеву,— сколько статей не допускаю я в «Русский архив» именно потому, чтобы не затрагивать современности»[25].

Бартенев приходит к мысли, что его журнал должен не столько идти навстречу читательским интересам, сколько формировать и направлять их, даже ценой падения количества подписчиков. Однако эта в общем правильная мысль в данном случае говорила о расхождении в оценке значимости и актуальности отдельных исторических событий редактором и читателями. Не случайно поэтому в письмах Бартенева 1890-х годов так часты сетования: «...чем содержательнее книжки «Русского архива», тем менее подписчиков»; «чем лучше, по моему сознанию, «Русский архив», тем менее его читают» и т. д. Процесс уменьшения числа подписчиков сопровождался все более тесным сплочением и объединением вокруг журнала узкого круга читателей консервативно-монархических убеждений, представителей дворянской исторической науки. Так, в то самое время, когда Бартенев удрученно констатировал охлаждение читателей к «Русскому архиву», граф С. Д. Шереметев считал, что журнал «молодеет» и «оживился рядом интересных статей».

Бартенев понимал, что успех журнала у подписчиков в немалой степени зависит от разнообразия и доступности содержания. Подписчиков, которых Бартенев называл «любителями хотя и серьезного, но в то же время общедоступного исторического чтения», можно было привлечь, публикуя материалы, представляющие широкий, а не узкопрофессиональный интерес. «Мне нельзя,— писал он в 1868 году историку литературы М. Ф. де-Пуле,— как... Историческому Обществу печатать такие вещи, которые слишком туго читаются» [26]. Сами подписчики «Русского архива» высказывались против помещения слишком «специальных» статей. Так, публикация материалов о самобытном русском философе Н. Ф. Федорове вызвала отрицательную оценку со стороны части подписчиков; анонимный автор 7 марта 1906 года писал Бартеневу, что «после этого мы можем ожидать встретить в вашем журнале философские и богословские трактаты, математические и другие исследования» [27].

В тех случаях, когда содержание статей казалось Бартеневу лишенным «общедоступного» интереса, он не только отказывался от их публикации, но и — вот, действительно, принципиальная позиция! — шел даже на отказ от продолжения начатой уже публикации.

Так, в частности, произошло с работой историка А. Н. Попова о войне 1812 года, по поводу которой Бартенев писал П. А. Вяземскому 29 января 1877 года: «Попов стал печатать в «Р. Старине» продолжение труда своего, потому что это продолжение я отклонил, не умея не только печатать, но даже и понять военных подробностей. У меня же будут из его сочинений другие эпизоды, более доступные моему пониманию»[28]. Как видим, в этом случае Бартенев даже допустил помещение продолжения статьи в конкурирующем историческом издании — «Русской старине».

Одним из существенных (можно сказать — принципиальных) критериев при отборе материала для печати было для Бартенева наличие фактической конкретности и отсутствие пространных «теоретических разглагольствований». Не в последнюю очередь именно из-за этого обстоятельства «Русский архив», да и другие документальные издания Бартенева представляют для нас богатейшую доступную сокровищницу самых разнообразных документов, которыми предельно насыщены их страницы. Возвращая одному из своих сотрудников статью, Бартенев отмечал ее недостатки: «Скажу тебе правду... тут много едва одолимых широковещаний, тогда как вся сила для успеха заключается в полной определительности и ясности изложения. Опиши нам просто, без затей и без иностранных слов»[29].

«И без иностранных слов». Это важно. Хорошо известна строгая щепетильность Бартенева в замене иностранных слов в публикациях русскими. Злоупотребление лексическими заимствованиями в современной ему литературе постоянно вызывало протест со стороны Бартенева и побудило его даже выступить в печати с заметкой по этому поводу. В ней он писал: «Неразборчивое и чрезмерное употребление иностранных слов — явное и прискорбное свидетельство оскудения самобытной мысли и халатной лености ума — грозит сделаться настоящим бедствием русской словесности». Это предостережение Бартенева относится к 1895 году. Что ж, вероятно, следует признать, что спустя почти сто лет опасения Бартенева в значительной мере, к сожалению, оправдались.

Поэтому в переговорах с авторами статей замена иностранных слов русскими (так сказать, перевод на

язык «Русского архива») ставилась как обязательное условие. До какой степени доходило преклонение Бартенева перед родным языком, видно из следующих воспоминаний С. С. Сидоровой-Бартеневой: «Дед был великий знаток русского языка и часто говорил мне, когда я восхищалась французским языком и литературой: «Ах, голубушка, ведь французский язык — это плюгавый и паршивый нищий в сравнении с русским богатырем! Люби русский язык и изучай его; учись русскому языку у просвирни, как говорил Пушкин». Немецкий язык он даже и не сравнивал с русским, несмотря на все свое уважение к Гете» [30].

При отборе статей для помещения в журнале Бартенев требовал от них наличия новых, неизвестных ранее фактов (возвратив по этой причине статью даже М. П. Погодину — своему университетскому учителю, так как все написанное в ней было «известно и переизвестно»), от библиографических списков — полноты, иначе, считал он, они годятся разве что для «собственных справок».

Со временем существенное значение при отборе статей для публикации стал иметь для Бартенева вопрос об их стоимости. Так, если в 1867 году он мог предложить историку русской литературы П. А. Ефремову опубликовать его статью «**на условиях, какие вы сами захотите назначить**» (и даже подчеркнуть это предложение), то в дальнейшем нередко отказывался от предлагаемых статей, не имея возможности выплатить запрашиваемую сумму гонорара.

Заботясь об авторитете своего издания, Бартенев был крайне осторожен при публикации сведений, расходящихся с уже известными фактами. При невозможности дать материал на прочтение участникам описываемых событий или проверить его по документам, или обратиться к соответствующим специалистам он предпочитал отложить публикацию и дожидаться получения дополнительных данных, «ведь,— писал он,— исторический изыскатель обязан быть Фомою-неверным» [31]. В некоторых случаях, в частности при представлении читателям начинающего или малоизвестного автора, Бартенев считал необходимым сопроводить публикацию указанием на ее соответствие действительности — своеобразная гарантия «надежности» статьи. Так, в послесловии к статье П. В. Шумахера «Обо-

рона Камчатки и Восточной Сибири против англо-французов в 1854 и 1855 годах» он ставил историографический «знак качества», отмечая, что «статья эта написана на основании подлинных бумаг и проверена некоторыми из главных действующих лиц исторического события, послужившего ей содержанием».

А теперь совершим экскурсию по страницам журнала, остановимся на основной проблематике его содержания.

«Русский архив» был задуман первоначально как расширенная библиографическая газета с помещением в ней и документальных материалов. В разрешении, выданном издателю министерством народного просвещения, сказано: «Разрешено с 1863 г. повременное издание, под названием: **«Русский архив, библиографическая газета, издаваемая при Чертковской библиотеке»**[32]. То, что «Русский архив» первоначально мыслился по преимуществу как справочно-библиографическое издание и именно таким представлялся первым читателям и сотрудникам, подтверждает и письмо директора императорской публичной библиотеки А. А. Ивановского Бартеневу с предложением составить для журнала каталоги, в частности «сказаний» иностранцев о России, источников по Смутному времени и т. д. Историк же И. Г. Прыжов предлагал вести в журнале «подробнейшую историческую библиографию». Уже известный нам Я. К. Грот, ознакомившись с планом «Русского архива», полагал, что он заменит «Библиографические записки» по содержанию и характеру издания. А сам Бартенев имел также намерение издавать при журнале «Всеобщую библиотеку России, или Каталог книг для изучения нашего отечества».

Но уже с первых номеров публикация исторических материалов заняла большое место и постепенно вытеснила материалы библиографического характера. Бартенев шел навстречу интересам широкого круга «любителей исторического чтения», значительно ограничивая библиографический раздел и формируя «Русский архив» как научно-популярное издание.

Широка была программа журнала. В нем предполагалось помещать следующие группы материалов: «1. Разного рода старинные акты, бумаги, письма, стихотворения и пр., по преимуществу относящиеся до России и славянских народов. 2. Библиографические за-

метки о редких и замечательных книгах, как древних, так и новых... 3. Материалы для истории русской и славянской словесности, а также статьи по этому предмету, биографии писателей, списки их сочинений, критика текстов и пр. ...»[33] Как видим, публикация исторических источников стояла на первом месте в программе издания, была значительна по своему объему и разнообразна по содержанию.

О чем же рассказывали читателям страницы «Русского архива»?

На первом месте по объему и частоте появления были материалы по истории русской литературы. Рукописи произведений, переписка, воспоминания, дневники, служебно-биографические и имущественно-хозяйственные документы деятелей русской словесности XVIII—XIX столетий постоянно печатались в «Русском архиве». Г. Р. Державин, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, Н. М. Карамзин, Е. А. Баратынский, Н. В. Гоголь, А. С. Грибоедов, И. А. Крылов, М. Ю. Лермонтов, В. Ф. Одоевский, С. Т. Аксаков, П. А. Катенин, П. А. Вяземский, Ф. И. Тютчев, Е. П. Ростопчина — вот далеко не полный перечень имен, встречающихся в журнале. Особое место занимала, конечно, Пушкиниана. К публикациям по истории художественной культуры России примыкала большая группа документов по истории русского театра, музыки и живописи. М. С. Щепкин, А. Н. Островский, В. И. Живокини, М. Ю. Виельгорский, М. И. Глинка, А. А. Иванов, Г. Н. Федотова...

На второе место может быть поставлен значительный комплекс документов по внешнеполитической истории России XVII—XIX веков. Тут донесения иностранных послов в России, донесения русских послов, межгосударственная переписка, воспоминания, дневники и путевые записи русских государственных деятелей и дипломатов, а также иностранцев. К этой группе примыкают многочисленные публикации по истории войн России.

Особенно большое место занимают документы, посвященные Отечественной войне 1812 года. Из современников и участников войны, этих, по словам П. А. Вяземского, «олимпийцев Двенадцатого года», часто выступал в «Русском архиве» с заметками, воспоминаниями и опровержениями И. П. Липранди, ко-

торый, приветствуя появление в журнале материалов об Отечественной войне, писал 26 ноября 1865 года Бартеневу: «Честь и слава принадлежит «Русскому архиву» под вашей патриотическо-просвещенной редакцией, открывшему страницы свои к пояснению великого события 1812 года»[34]. Полемические статьи и заметки И. П. Липранди по истории Отечественной войны помещались Бартеневым «ради важности самого предмета и в надежде новых исторических пояснений».

Достаточно ярко отражалась в «Русском архиве» и Крымская война. Эти публикации особенно часто вызывали отклики участников военных действий (в 1860-е и 1870-е годы Крымская война еще не стала вполне достоянием истории, она была животрепещущей частью настоящего). Иногда полемика принимала острые формы, как это было, например, в связи с появлением на страницах журнала «Записок севастопольца» Н. В. Берга. «Биржевые ведомости» информировали: «...после множества заявлений, выражающих чувство негодования на статью Русского Архива «Из записок севастопольца», в последнем номере этого журнала напечатано письмо управляющего морским министерством Н. К. Краббе, написанное по тому же поводу, как официальный, решительный и общий голос наших моряков в защиту чести доблестных защитников Севастополя, подвергшихся нареканию в поименованной выше статье Русского Архива».

Большое место занимали в журнале материалы по истории военных действий на Кавказе. Увлечение редактора публикацией военных «кавказских» материалов вызвало даже недовольные отклики читателей. Так, М. Ф. де-Пуле писал 25 января 1882 года Бартеневу: «...не могу не упрекнуть вас (не лично вас) в качестве журналиста. Надоели вы, господа, нам своими героями и их биографиями! Коль скоро генерал, коль скоро ротный командир где-нибудь на Кавказе — и уже замечательность! И вы угощаете нас какими-нибудь дрянными его письмами, вздорными воспоминаниями и т. п.! Но как мало у вас воспоминаний, писем, биографий людей других профессий, борцов и подвижников в иной, более духовной сфере деятельности!»[35]

В 1914—1916 годах в «Русском архиве» регулярно появлялись материалы о первой мировой войне, осве-

щающие ее причины и характер с официозных позиций.

Важное значение имела публикация в «Русском архиве» материалов по истории крестьянских войн, освободительного движения в России. Отметим частое появление в журнале материалов о жестоком обращении помещиков со своими крепостными. В этом отношении позиция Бартенева как историка-издателя расходилась с официально-монархической оценкой крепостного права. Так, один из представителей дворянской исторической науки — историк и архивист А. А. Труворов, рассматривая публикации о жестокостях крепостного права, писал: «...является грустное убеждение, что худая слава о крепостниках, благодаря архивным делам о их злоупотреблениях, пронесется через потомство из рода в род; все же совершенное теми же крепостниками доброе для своих людей, отражавшееся только на благоденствии этих людей, погибнет бесследно».

Вообще, значение исторических журналов в обнародовании источников по истории освободительного движения в России для русской науки второй половины XIX — начала XX века было чрезвычайно велико. В. И. Ленин указывал на важность исторических журналов при изучении истории декабристов. 9 ноября 1900 года он писал Г. В. Плеханову: «О декабристах готова написать Вера Ивановна (Засулич.— **А. З.**), но вот как насчет материалов? Напишем тотчас, чтобы прислали, что можно... Пожалуй, особенно важны исторические журналы...»

Свою, и довольно видную роль в этом сыграл «Русский архив», на страницах которого, особенно в 1860—1870-е годы, был обнародован значительный комплекс декабристских материалов: переписка, воспоминания, документы официального делопроизводства. Большое место занимала в «Русском архиве» публикация материалов по истории польского освободительного движения, по истории русско-польских отношений. Отрицательное отношение Бартенева к польскому восстанию 1863 года сказалось в подаче материалов по его истории с верноподданнических, монархических позиций.

Часто помещались в «Русском архиве» материалы по истории местного быта — помещичьего, купеческого,

крестьянского, обычно под названием «Дела давно минувших дней».

В журнале появлялось много документов о жизни представителей императорской фамилии, царских сановников, родовитого дворянства — анекдоты и слухи об их служебной деятельности и особенно ярких чертах их быта. Изучение подобных источников занимало большое место в трудах дворянско-буржуазных историков. Вспомним в этой связи характерное высказывание С. М. Соловьева: «...подробности, анекдоты о государях, о дворах, известия о том, что было сказано одним министром, что думал другой, сохраняет навсегда свою важность, потому что от этих слов, от этих мыслей зависит судьба целого народа и очень часто судьба многих народов». Уже не раз упоминавшийся историк Н. М. Павлов, отмечая эту сторону деятельности журнала, справедливо писал, что благодаря публикации в «Русском архиве» подобных материалов «все эти Шуваловы, Воронцовы, Панины и другие выступают наконец перед русским читателем не как монументальные остовы, поставленные на риторические ходули, а как живые люди своего времени». Нечего говорить, что документы такого рода с особенной силой притягивают к себе исторических романистов, причем, по вполне понятным причинам, романистов наших дней в значительно большей степени, чем их предшественников.

Публикация большого количества материалов о «царственных особах» говорит, быть может, не столько об истинной привязанности к ним и осознании их значимости в истории со стороны редактора журнала, сколько об умелой издательской практике, которая таким образом в значительной мере маскировала остальные публикации и являлась, в известной степени, данью этикету, обусловленной общим направлением журнала. Во всяком случае, сообщая в январе 1870 года М. П. Погодину о том, что с издателей взята подписка ничего не публиковать о членах императорской фамилии без особого разрешения, Бартенев восклицал: «Вот если бы вообще ничего о них не печатать!» [36] У нас нет оснований сомневаться в искренности этого восклицания.

Здесь же следует сказать о том, что Бартеневу, в силу особенностей его «архивно-розыскной» деятельно-

сти, было известно множество фамильных тайн, которые он хотя и не считал возможным обнародовать по этическим соображениям, но знание которых отражалось в его личных отношениях с представителями той или иной известной фамилии. «Были родовитые семейства,— вспоминала С. С. Сидорова-Бартенева,— всеми уважаемые, которых дед не уважал, так как много знал о них такого, что они скрывали и что было для других тайной, и были представители именитых родов, боявшиеся деда — хранителя тайны их рода, не делавшей им чести» [37].

Постоянно публиковались в «Русском архиве» документы по истории русской церкви, отдельных сект и монастырей, масонства.

Значительное место на страницах «Русского архива» занимали публикации по истории Москвы. Бартенев так много опубликовал подобных материалов, что по справедливости может быть назван историком Москвы. В наши дни история Москвы окончательно сформировалась и исследовательски выделилась в самостоятельную научную сферу. У истоков москвоведения в числе других ученых стоял Петр Иванович Бартенев со своими документальными изданиями, и в первую очередь, конечно, «Русским архивом», существенно пополняя источниковую базу для современных ему, а также последующих поколений историков и любителей старины, в центре внимания которых находились те или иные проблемы истории Первопрестольной.

Остановимся лишь на некоторых основных направлениях публикации Бартеневым документов по истории Москвы.

В этом ряду особое место занимали документы, связанные с трагической и одновременно героической историей Москвы в нелегкую годину Отечественной войны. Назовем только некоторые из них. Это воспоминания П. А. Волконского «У французов в московском плену 1812 года», «Записки о 1812 годе Московского гофмаклера Г. Н. Кольчугина», «1812 год. Сожжение Москвы. Показания очевидца» И. С. Машкова, «Из воспоминаний о Москве в 1812 году» Н. И. Распопова, «Московский Новодевичий монастырь в 1812 году. Рассказ очевидца — штатного служителя Семена Климыча»; публикации — «Перевоз вещей Оружейной палаты из Москвы в Нижний Новгород в

1812 году», «Росписание особам, составлявшим французское правление, или Муниципалитет в Москве 1812 года», «Дело о должностных лицах Московского правления, учрежденного французами в 1812 году», «Донесение Московского митрополита Платона к святейшему Синоду о Московском пожаре 1812 г.»; обширные исследования А. Н. Попова «Москва в 1812 году» и «Французы в Москве в 1812 г.»; удручающая своим лаконизмом «Краткая записка оставшимся в целости зданиям в Москве» после изгнания из города неприятеля и многие, многие другие документы и материалы.

Самый ранний документ московской тематики относится к середине XVII столетия: это публикация «Моровое поветрие в Москве при царе Алексее Михайловиче. 1654». В целом же публикации «Русского архива» о Москве охватывают период с XVIII века по начало XX. До сих пор не утратила справочного значения опубликованная в журнале работа известного библиографа У. Г. Иваска «Московские городские головы и заместители их. 1782—1912 гг.».

История культурной жизни Москвы — вторая по объему после сюжетов об Отечественной войне 1812 года московская тема. Это и воспоминания Н. А. Кропачева о последних днях жизни А. Н. Островского, и воспоминания «отставного режиссера» С. П. Соловьева о любительских спектаклях в Москве в пятидесятые годы XIX века, и статья Н. А. Попова «Московский университет после 1812 года», а также «Шуточная хроника Московского университета» и воспоминания университетского профессора Н. П. Богомолова; публикации: «К истории Московской синодальной типографии», «К истории Московского университетского благородного пансиона», «К истории Московской Оружейной палаты», наконец — «К истории Московского Английского клуба» и т. д.

В «Русском архиве» поместил Бартенев и стихотворение одного из самых своих знаменитых учителей в Московском университете — Тимофея Николаевича Грановского — «Москва».

Несомненная привязанность издателя к истории быта приводила к помещению в «Русском архиве» материалов такого «кунсткамерного» рода, как, в частности, «Из хроники Московских чудачеств».

Любопытно отметить следующее. Нередко при публикации материалов (или их отдельных частей) Бартенев сознательно, от себя, сопровождал их заглавиями, в которых настойчиво выделял московскую тему публикации. Так, на протяжении долгого времени в «Русском архиве» печатались записки сенатора К. Н. Лебедева, посвященные довольно широкому кругу вопросов, и тем не менее, публикуя одну из частей этого документа, Бартенев счел необходимым озаглавить ее «Москва в последние годы николаевского царствования». Особенно часто этот прием использовал Бартенев при публикации писем, таким, например, образом: «Из писем А. Я. Булгакова в Москву к его отцу» или: «К. С. Аксаков. Письма его из чужих краев в Москву к матери и сестрам».

Этот краткий экскурс, конечно, может дать лишь самое общее представление о характере и содержании «московских древностей», помещаемых Бартеневым на страницах «Русского архива». Помимо названных, так сказать, целевых публикаций о Москве следует иметь в виду множество опубликованных материалов широкого хронологического и тематического охвата, таких, как мемуары или значительные эпистолярные комплексы, в которых также содержится немало ценных сведений об истории «матушки Москвы».

Все это, вместе взятое, говорит о богатстве и разнообразии исторических материалов, которыми была представлена в «Русском архиве» московская тема.

Не случайно Бартенев опубликовал в 1887 году в «Русском архиве» статью В. А. Кокорева, где, в частности, говорилось:

«Всемирное значение Москвы в древние времена состоит в том, что она своею грудью удерживала стремления монголов, направлявшихся на общечеловеческое разрушение. В новейшие времена Москва является могилою наполеоновских полчищ, завоевавших почти всю Европу, и виновницею освобождения Европы от деспотизма корсиканца.

Для нас Москва является собирательницею России. Присоединение удельных княжеств, Куликовская битва, Казань, Астрахань, Сибирь, царь Алексей с Уложением и Малороссией и с Киевом составляют дары Москвы для России...

Вы спрашиваете, зародилась ли в Москве какая-нибудь мысль и что оставила нам Москва в наследство? Отвечаю: из московских мыслей составилось для нас наследство, удивляющее мир своим великим значением, и это наследство называется — Россия».

Без всякого сомнения, под этими строчками мог подписаться и Бартенев, именно поэтому и уделявший столько внимания Москве на страницах своего журнала.

Немалое место занимают публикации источников по истории государственного управления России. Это записки, мнения, проекты государственного переустройства, материалы, связанные с различными реформами (особенно велико число документов по истории подготовки отмены крепостного права, а также проведения этой реформы в жизнь) и изменениями государственных установлений.

Несмотря на явное преобладание в журнале публикаций и сообщений, содержащих лишь «положительные факты», в нем появлялись иногда и полемические статьи.

Так, время от времени поднимался на страницах «Русского архива» традиционный для дворянской историографии вопрос о «происхождении Руси», в основном в полемических статьях и заметках Д. И. Иловайского.

В 1870 году декабрист П. Н. Свистунов опубликовал в «Русском архиве» статью «Несколько замечаний по поводу новейших книг и статей о событии 14 декабря и о декабристах», подвергнув некоторые исследования и воспоминания декабристов критике и выступив в защиту высокого морального облика декабристов. Несомненно, что эта оценка разделялась и редактором «Русского архива».

В 1889 году в «Руском архиве» возникла полемика по вопросу о смысле и значении понятия «кормление», в которую включился и В. О. Ключевский, поддержавший толкование этого термина Д. И. Иловайским как «грабеж, добыча» — в противоположность пониманию Д. П. и П. Д. Голохвастовыми как «правление, управление». Судя по тому, что последнее слово в этой полемике Бартенев оставил за П. Д. Голохвастовым (характерный для Бартенева прием окончания дискуссии и своеобразный способ утверждения

истины, как ее понимал редактор), он разделял положения Голохвастовых. В данном случае конечно же не столь конкретный и, по сути дела, чрезвычайно далекий от научных интересов Бартенева вопрос сам по себе привлек его внимание, а то, что в связи с ним и по поводу его всплыла очень актуальная и важная, в представлении Бартенева, проблема. Ему импонировало то, что в своих статьях П. Д. Голохвастов отстаивал право неспециалистов-историков, любителей старины подвергать сомнению высказывания научных авторитетов, так как в том, чтобы предоставить дилетантам такую возможность, видел одну из своих задач издатель «Русского архива». Ключевский и Иловайский — оба представители академической науки — с едкой иронией отказывали в этом праве «всяким почтенным гражданам». Они, по мнению П. Д. Голохвастова, «спесиво отвергая научную правоспособность вне синего вицмундира», не понимали того, что наука «не есть крепостная собственность профессоров». Таким образом, частный, казалось бы, спор о термине дал возможность Бартеневу поднять более значащую проблему, проблему демократизации научного знания, широкого исторического просвещения.

Стремление Бартенева к освещению событий прошлого с разных точек зрения в интересах выяснения исторической истины вело его к помещению в «Русском архиве» таких материалов, которые объективно воспринимались как обличительные. Выше уже говорилось, что единомышленники Бартенева часто удивлялись, как его «романовское сердце» допускало в журнал документы с отрицательной оценкой отдельных событий и героев прошлого. Приведем характерный пример воздействия таких публикаций на читателей. На полях одного из экземпляров «Русского архива» (1881, кн. 3), хранящемся в Государственной публичной исторической библиотеке РСФСР, после статьи о злоупотреблениях чиновников в 1810 году, читателем конца XIX века сделана карандашная надпись: «Читаешь и говоришь себе: да это и теперь то же самое, **если не хуже в просвещенной волею монарха России»**.

«Русский архив», в целом представлявший умеренно-консервативное направление, считавшее необходи-

мым постепенные и осторожные изменения в социально-политической структуре российского общества, возник в переломную эпоху, эпоху резкого обострения общественной борьбы. Отсюда, наряду с охранительным отношением к истории, к выбору сюжетов и трактовкой их в духе дворянской исторической науки,— частое обращение к критическим точкам в русской истории, к истории освободительного движения в России.

Перейдем к жанровой характеристике публикаций «Русского архива». Наиболее значительное место занимают письма и воспоминания — жанры чрезвычайно развитые и популярные в XIX столетии, особенно в его второй половине. Тут же следует пояснить, что для этих жанров почти единственным пристанищем служили исторические журналы, в то время как издания научных обществ и государственных учреждений допускали на свои страницы по преимуществу лишь материалы официального происхождения.

Бартенев, как историк, испытывал личное пристрастие к этому виду источников. Он неоднократно указывал на значение писем в воссоздании картины прошлого, отмечая, в частности, что в XVIII веке «письма имели значение нынешних газет», и рассматривая их как непосредственные и самые точные свидетельства эпохи. Так, в 1879 году он писал на страницах своего журнала: «Нечего напоминать читателям про значение писем вообще. Эти мимолетные фотографии быстротекущей жизни не выражают собою всей полноты отношений между писавшим и получавшим их, но они бесценно дороги, сохраняя на себе всю непосредственность, все, так сказать, тепло старины. Недаром Гете изо всех исторических свидетельств отдавал решительное предпочтение письмам».

Значительно меньшее место в журнале занимали источники официального происхождения, такие, как судебные дела, указы, рескрипты, донесения и некоторые другие. Это происходило и потому, что Бартеневу был свойствен распространенный в дореволюционной журналистике взгляд на делопроизводство бюрократических учреждений только как на объект обличения.

Уровень археографической обработки публикаций

в «Русском архиве» не был одинаковым для всех документов. Рядом с документом, снабженным подробнейшей исторической справкой, сведениями о его внешнем виде, месте хранения и другими крайне необходимыми для полноценного использования его в научных и иных целях, публиковался документ вообще без всякого примечания, даже без указания на место хранения. Подобная чересполосица в археографической обработке была характерна для исторической периодики того времени.

Хорошо понимая сложность восприятия для читателей, «мало знакомых с общим ходом событий», пестрой мозаичности документов «Русского архива», Бартенев видел выход в том, чтобы наряду с отдельными, разрозненными документами публиковать в журнале развернутые статьи, охватывающие большой отрезок времени и предваряющие целый ряд опубликованных далее документов.

Кроме традиционных сведений о документе, помещаемых в предисловии или примечании к публикации, Бартенев сообщал и дополнительные, нередко выходившие за рамки обычных археографических примечаний. По словам В. Я. Брюсова, «очень часто Бартенев пользовался формою примечаний к печатаемому тексту, чтобы намекнуть на то, что в то время было известно еще очень немногим. Эти коротенькие, иногда в две-три строки примечания, подписанные буквами «П. Б.», всегда составляли лучшее украшение «Русского архива». В сжатых, но точных выражениях Бартенев разъяснял в них запутанные вопросы истории, указывал на почти неизвестные факты, намекал на события, еще не преданные гласности».

В качестве характерного примера «комментаторского стиля» и образчика археографической культуры Бартенева приведем цитату из его пояснений к публикации «Собственноручные бумаги кн. Потемкина-Таврического» (Русский архив, 1865):

«Мы ввели правописание нынешнее, сообразно принятому нами правилу удерживать подлинное правописание лишь в случаях характерных и в памятниках более отдаленной старины, где иногда способ начертания имеет некоторую важность для истории языка. Князь же Потемкин писал вообще довольно правильно, не хотел знать только и не употреблял ника-

ких знаков препинания. Рука его довольно четка и разборчива, чем отличаются вообще рукописи Екатерининского века, сравнительно с прежними царствованиями и особенно со временем Петра Великого. Ясность, толковость и твердость быта в век Екатерины отразилась и в тогдашних почерках, между тем как рукописи Петра Великого и его современников своею неразборчивостью вполне соответствуют тревожной эпохе бунтов, казней и коренных переворотов. Палеографы замечают то же самое и относительно более древних рукописей. Так настроение духа знаменует себя в самых, по-видимому, ничтожных подробностях!.. Потемкин писал на больших листах грубой, по-нынешнему, бумаги, но с золотым обрезом и с остатками золотого песку (для просушки чернил.— **А. З.**), как в рукописях Екатерины: это было тогда великою роскошью».

Документы, которые представляли, по мнению Бартенева, особую важность, помещались в начале номера и шли с особой нумерацией страниц (римскими цифрами). Так, в частности, были опубликованы «Письма В. А. Жуковского к государю императору Александру Николаевичу» (Русский архив, 1883). Трудно сказать, что в этом случае было для Бартенева существеннее: имя Жуковского или то обстоятельство, что эти письма были просмотрены и «пожалованы» в журнал самим Александром III. Вероятно, и то и другое.

Использование богатейшего фактического материала, опубликованного в «Русском архиве», в значительной степени затрудняется отсутствием добротного библиографического аппарата к нему. Существующие «Предметные росписи», да и оглавления номеров, как показывает проверка, содержат очень много неточностей, ошибок и пропусков. Это было замечено еще современниками, и Иван Сергеевич Аксаков писал в этой связи Бартеневу 19 июля 1880 года: «Подлинно, что-либо печатать в нем («Русском архиве».— **А. З.**) —значит хоронить себя. Прежде еще можно было разбираться в этой яме, было оглавление. А теперь все свалено в кучу, и нужно перелистывать всю объемистую книгу, чтобы натолкнуться, например, хоть на мою статью»[38]. Отмечая неточность в оглавлении журнала, Г. П. Данилевский сообщал в январе 1882

года П. А. Ефремову: «Не нашел «Струн вещих» Одоевского в «Русском архиве». Не можете ли указать год, № и стр.? Беда с Бартеневым! Отыскивая эти стихи, я случайно нашел еще две перепечатки стихов Одоевского, вовсе им не указанных даже в оглавлениях при книгах этих» [39].

Следует также добавить, что, к сожалению, многие документы, опубликованные в текстах статей или в качестве приложения к ним или находящиеся в какой-либо тематической подборке, не нашли отражения ни в оглавлении журнала, ни в последующих, более общих «Предметных росписях». В этом отношении перед исследователем стоит задача выявления и библиографического учета «пропавших без вести» исторических материалов, опубликованных в «Русском архиве».

Опечатки, этот, как кажется, неизбежный спутник книгопечатания, были достаточно часты в «Русском архиве», вызывая даже разговоры по этому поводу в самых «высших сферах». Так, П. А. Вяземский писал 20 декабря 1868 года Бартеневу: «Не скрою от вас, что вообще жалуются на частые опечатки «Архива». Даже намедни в Государственном Совете речь шла о том» [40].

Одним из существеннейших при использовании опубликованного источника в научных целях является вопрос о степени доверия к его печатной форме, о степени соответствия подлинника его печатному воспроизведению. И, как правило, речь здесь идет не о злостных фальсификациях текстов (хотя и такие случаи известны), а в основном о «сокращении» текста, что, конечно, отнюдь не менее безобидно, так как предоставляет в руки читателя «усеченный», неполноценный исторический источник, использование которого в таком виде может привести и к соответствующим «усеченным» выводам. Дабы предупредить такую возможность при использовании материалов «Русского архива», рассмотрим некоторые основные направления, по которым производились изменения отдельных публикуемых в нем текстов документов. Изменения эти могли производиться на трех уровнях: активно вторгалась в текст цензура или сам Бартенев подготавливал текст заранее, зная ее требования; изменял текст редактор-издатель, исходя из собствен-

ных убеждений и представлений; наконец, тексты изменялись нередко по просьбе авторов документов или их наследников. Рассмотрим несколько подробнее эти направления.

Прежде всего, цензура. Эта, по словам К. Маркса,— «официальная критика».

Усиление цензуры в области исторических публикаций наблюдалось за интересующий нас период дважды — в середине 1870-х, а потом в начале 1890-х годов, когда, как отмечал в своем дневнике государственный секретарь А. А. Половцов, были «воздвигнуты гонения» на издателей исторических документов «вследствие неприличных выходок, найденных государем в новом томе екатерининской истории Бильбасова. Бильбасов сослался на то, что приводимые им факты уже обнародованы Бартеневым в «Русском архиве» и Семевским в «Русской старине»; в отношении того и другого последовали строгости». В приватном письме Бартеневу 25 декабря 1890 года К. П. Победоносцев в этой же связи сообщал: «Государь император недавно изволил заявить неудовольствие на то, что пропускаются в исторических журналах статьи о скандалах прошлого столетия»[41].

Среди материалов «Русского архива» кроме цензуры «удостаивались» еще и личного внимания императора следующие: «Записка о новой и древней России в ее политическом и гражданском отношении» Н. М. Карамзина (1870), статья И. С. Аксакова «Федор Иванович Тютчев» (1874), статья Г. В. Есипова «Жизнеописание А. Д. Меншикова» (1875), «Рижские письма» Ю. Ф. Самарина (1877).

Цензура постоянно «вымарывала» в статьях и публикациях те строки и слова, в которых неуважительно, по ее мнению, говорилось о представителях императорской фамилии и о высших государственных деятелях.

Цензурному запрещению подлежали материалы об отдельных эпизодах из истории России. К числу таких эпизодов относится и история вступления на престол первого Романова. В 1873 году Московский цензурный комитет признал публикацию записок И. Г. Фокеродта «Россия при Петре» «вредною и подлежащею аресту, ибо она говорит, будто Михаил Федорович Романов избран под условием ограничения

власти, каковое условие им и преемниками нарушено»[42]. Как видим, «официальная критика» чрезвычайно остро реагировала на упоминание в исторических документах даже столетней и более давности самой возможности «ограничения власти».

У Бартенева всегда были осложнения при публикации материалов, освещавших историю вступления Екатерины II на престол, в которых упоминалось об обстоятельствах смерти Павла I и о венчании Екатерины II с Г. А. Потемкиным. Эти, а также некоторые другие «семейные» тайны правящей в России династии находились под неослабным надзором цензурного ведомства.

Без своего самого пристального, самого тщательного внимания не оставляла цензура материалы по истории освободительного движения в России, в первую очередь по истории восстания декабристов. Так, по поводу уже упоминавшейся нами статьи П. Н. Свистунова Московский цензурный комитет доносил в Главное управление по делам печати: автор «пытается доказать, что декабристы, заумышлявшие переворот в России, действовали не из корысти и честолюбия, а из пламенной любви к отечеству и из желания возвеличить его, доставив ему благо свободы. Автор идет даже дальше, он силится оправдать «Русскую Правду» Пестеля и «Конституцию» Муравьева и доказывает, что затеянные в этих сочинениях проекты политических переворотов были составлены в духе русского народа и что если восстание не удалось, то лишь вследствие незрело обдуманного плана действий»[43]. Московскому цензурному комитету было поставлено на вид за пропуск этой статьи в свет.

Одной из причин, вызывавшей преследование этих материалов со стороны цензуры, была легко обнаруживаемая связь с современностью, в результате чего эти документы могли, по небезосновательному мнению цензуры, вызвать «нежелательные» подражания.

Поэтому, в частности, только после долгих дебатов в Главном управлении по делам печати с большими купюрами были пропущены «Записки» декабриста И. И. Горбачевского. Большинство членов совета управления было вообще против публикации «Записок», считая, что они «воскрешают, из сравнительно недавнего прошлого, идеи цареубийства и социально-

го переворота», а В. Н. Юзефович — цензор, дававший заключение на эти «Записки»,— спустя восемь лет писал Бартеневу: «...в необходимости исключений (из текста «Записок».— **А. З.**) я убежден и теперь, может быть, ошибаюсь, но, во всяком случае, ошибаюсь искренно, тем более я осознавал эту необходимость в 1882 г., спустя год после 1 марта»[44].

В 1890 году член совета Главного управления по делам печати Ф. П. Еленев после просмотра биографического очерка о К. Ф. Рылееве, подготовленного к печати А. А. Сиротининым, утверждавшим, в частности, что «намерения Рылеева были чисты, а только способы их исполнения преступны», писал Бартеневу, проводя параллель между декабристами и революционерами 1870—1880-х годов: «...ведь и заговорщики наших дней драпировались в чистоту своих намерений»[45].

Ретивость цензуры была столь велика, что она подвергала своей «правке» не только такие исторические источники, как мемуары и переписка, но иногда и документы официального происхождения, вышедшие из бюрократических недр государственного аппарата. Так, однажды Бартенев возмущенно сообщал М. П. Погодину, что цензор «даже в одном рескрипте Екатерины к Потемкину намарал».

Зная основные направления цензурного вмешательства, многое сокращал сам Бартенев еще до представления журнала в цензуру. Впрочем, как показывает переписка редактора, это почти никогда не спасало положения, и цензура, чуя «опасное», дополняла, так сказать, его работу по сокращению. Изменения в тексте из-за боязни цензуры шли также в направлении смягчения высказываний, замены отдельных слов. В этом смысле, например, была характерна замена Бартеневым в стихотворении С. А. Соболевского «О дворянских собраниях 1860 г.» (Русский архив, 1880) обращения «О, царь!» на менее «ответственное» — «Министр!».

Переход Бартенева на откровенно консервативные позиции в 1880-е годы сказался и на его отношении к публикации материалов, могущих вызвать серьезные цензурные осложнения. Так, по нашим подсчетам, за первые 25 лет существования «Русского архива», материалы, опубликованные на его страницах,

34 раза привлекали внимание цензурного ведомства, в то время как за последующие 30 лет — всего лишь 13. В этом смысле к концу века Бартенев становится чрезвычайно осторожен, нередко опуская значительные фрагменты публикуемых текстов.

В обычае Бартенева было предварительное выяснение в цензурном ведомстве при посредничестве своих высокопоставленных знакомых возможности беспрепятственной публикации документов. В случае цензурных осложнений Бартенев обращался к ним же за помощью, впрочем далеко не всегда действенной. В числе таких лиц были А. А. Киреев, Д. Ф. Тютчева, П. А. Вяземский, С. Д. Шереметев. Иногда «по-приятельски» советовали что-либо не печатать и сами начальники Главного управления по делам печати — М. Н. Лонгинов, затем Е. М. Феоктистов. С 1880-х годов одним из таких влиятельнейших «конфидентов» Бартенева был К. П. Победоносцев, который вообще довольно пристально «опекал» русские исторические журналы.

(Но вот курьез. Однажды Победоносцев сам вынужден был отказаться от публикации своих писем, однако по мотивам, уже совершенно противоположным. 5 мая 1906 года он писал Бартеневу: «От оглашения писем в журнале желательно по возможности воздержаться, ибо **мое имя** ненавистно нынешней печати, и где лишь оно упоминается, поднимаются толки обо мне» [46].)

По нашим наблюдениям, за годы существования «Русского архива» внимание цензуры 35 раз привлекали публикации документов (из них 30 раз — воспоминаний, дневников и переписки) и 12 раз — публикации статей. Поэтому есть основания говорить о том, что степень соответствия опубликованных источников официального происхождения их автографам значительно выше, чем мемуарно-эпистолярных источников.

Помимо сокращений, вызванных требованиями цензуры, на публикуемые в журнале тексты нередко накладывалась и рука его издателя, который при переговорах с сотрудниками оставлял «за собой право исключать менее важное». Посмотрим, что же было, с его точки зрения, «менее важным».

Идейно-политические воззрения Бартенева часто

определяли степень и характер его вмешательства в текст публикуемого документа. 17 марта 1875 года Бартенев откровенно писал П. А. Вяземскому: «В «Записках» Брадке, из личных уважений, выкинуто место, где он обвиняет в киевских историях Уварова, желавшего подслужиться усердием в отыскании политических преступлений. Брадке изображает Уварова в очень черном виде»[47]. Бартенев не только высоко ценил графа С. С. Уварова, в частности как государственного деятеля, но и писал биографию министра народного просвещения по договору с его сыном. Надо думать, все это, вместе взятое, заставило опустить то место в воспоминаниях Е. Ф. фон Брадке, где отмечается роль Уварова в разгроме киевского Кирилло-Мефодиевского общества *.

Бартенев избегал публиковать в статьях «Русского архива» резкие отзывы о людях, близко знакомых ему, сотрудниках, друзьях. По этому поводу он писал П. А. Ефремову в 1872 году: «Я получил листы, прочел их и сдаю сегодня в типографию, выкинувши две строки, где вы уж больно браните моего давнего приятеля и сотрудника»[48]. Речь идет о статье П. А. Ефремова «О смерти А. С. Грибоедова в Тегеране», из которой Бартенев выбросил «две строки», где содержится отрицательный отзыв о Н. В. Берге. Подобные изменения Бартенев производил и в публикациях исторических документов (мемуарах и переписке). Сокращения в тексте делались Бартеневым вообще из-за «опасения задеть живые лица».

Некоторые исключения в тексте объяснялись боязнью Бартенева вызвать недовольство родственников и даже дальних потомков авторов публикуемых материалов. 6 марта 1901 года он писал С. Д. Шереметеву: «Готовлю к печати еще целый год писем Булгакова и пришлю вам выписку о князе Петре Андреевиче (Вяземском.— **А. З.**), которую не полагаю удобною печатать, разве вы мне не возразите и обе его внучки»[49]. В этой выписке содержится нелестный отзыв о Вере Федоровне Вяземской. Впрочем, и сам Бартенев, долгие годы связанный с семейством Вя-

---

* Кирилло-Мефодиевское общество (1845—1847) — тайная политическая организация разночинной интеллигенции.

земских и Шереметевых, в силу личных симпатий вряд ли мог пропустить в печать подобное высказывание.

Редакторское вмешательство в текст документа было обычным для исторической периодики того времени. По воспоминаниям одного из современников — С. В. Цветкова, «в те времена на это смотрели легко. Сам же Петр Иванович считал, что редактор имеет не только право, но и обязан исправлять. Он как-то мне сказал: «Вот у Федора Ивановича Тютчева я подправил плохой стих, и какой шум мудрецы подняли. Соберись сам покойник издавать, и уж наверно бы сам исправил, а бог ему смерть послал, так наше дело позаботиться о нем, коли писатель уважаем»[50].

Особое место в ряду рассматриваемых нами «усечений» документов занимают изменения текстов, производившиеся по воле самих авторов или их наследников. Это, как правило, мемуары и письма. Обычно родственники автора воспоминаний просили Бартенева опускать те части, где говорилось о подробностях семейной жизни, взаимоотношениях членов семьи и т. д. Нередко подобные пропуски ставились непременным условием публикации воспоминаний.

Часто авторы просили опустить те места из своих писем прошлых лет и из мемуаров, где содержались резкие оценки отдельных лиц и событий. Подобные просьбы любопытны при рассмотрении эволюции взглядов мемуариста на события прошлого.

Наконец, отдельные изменения в текстах публикаций делались не только Бартеневым, но и теми лицами, которым он посылал на просмотр рукописи. Среди тех, кто сотрудничал в журнале, таким правом вносить свои изменения в текст готовящихся к публикации документов обладали: П. А. Вяземский (когда речь шла о публикации его собственных писем или материалов о Пушкине и Тютчеве), С. Д. Шереметев (при публикации документов по истории России начала XVII столетия), В. А. Перовский (при публикации материалов о Хивинском походе), М. И. Маслов («консультант» по военной истории), Н. П. Барсуков, Ф. В. Чижов, С. А. Рачинский и некоторые другие.

Красным или синим карандашом на копии доку-

мента отмечал Бартенев приговоренные к исключению места, обычно с такой пометкой для типографии: «Все зачеркнутое красным набирать не надо». Рукописи некоторых публикаций с редакторской правкой хранятся ныне в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР и отделе письменных источников Государственного Исторического музея.

Пришла пора рассказать о тех, кто делал журнал, и о тех, кто его читал,— о сотрудниках и читателях «Русского архива».

Широко распространено представление о «Русском архиве» как о «моножурнале», в котором всю работу вел исключительно Петр Иванович Бартенев.

Прежде всего, думается, такое мнение сложилось из-за действительно подвижнического образа жизни Бартенева, его исключительного трудолюбия и работоспособности.

Этому способствовало и отсутствие в «Русском архиве» традиционно оформленной редакции с определенным штатом сотрудников. «Не разгибая спины», значительную часть суток проводил Бартенев в трудах по журналу. Не случайно среди наиболее устойчивых воспоминаний у молодых (даже самых молодых) членов его семьи запечатлелись и сохранились в памяти эпизоды, связанные с его работой. Так, С. С. Сидорова-Бартенева позднее, уже в 1941 году, вспоминала: «Он и зиму и лето ежедневно вставал в 4—5 часов утра, сам грел себе кофе или чай в кабинете на спиртовке, не будя никогда слуг, садился за работу по «Русскому архиву» и при свете одной свечи, не разгибая спины, работал все утро, и к тому времени, когда просыпался весь дом, дед уже успевал устать от работы, и когда кто-нибудь из нас приходил к нему, он нас встречал словами: «А я уже успел наработаться и теперь могу отдохнуть!»... Дед был живым примером трудолюбия, усидчивости и добросовестности в труде»[51].

Собственно, сотрудник как таковой появляется в конторе журнала лишь в 1880-е годы, исправляя обязанность секретаря редакции, хотя уже в конце 1860-х годов в «Русском архиве» был «человек... для ведения всей внешней стороны».

Архаичность организации издания журнала, «ку-

старничество», по словам современника, выражались, прежде всего, в том, что работу сотрудников редакции выполняли члены семьи Бартенева, его родственники и, от случая к случаю, некоторые корреспонденты журнала.

Это выглядело примерно таким образом. Н. П. Барсуков «специализировался» на составлении указателей к «Русскому архиву», а также принимал живое участие в поисках материалов и отборе их для печати. Рассылку номеров журнала и прием подписки неоднократно вел и второй племянник Бартенева, И. П. Барсуков, и другой его родственник, Л. Ф. Змеев. Дочь, Т. П. Бартенева, и невестка С. Н. Бартенева, занимались перепиской присланных в редакцию рукописей. Жена, С. Д. Бартенева, и дочери привлекались к составлению указателей. Сын И. П. Бартенев и некоторые другие члены семьи переводили иноязычные тексты. С 1889 года другой сын — Юрий Петрович посвящал «Русскому архиву» «4 часа каждодневно» и вскоре стал полноправным его соредактором.

Перед нами своеобразное «домашнее» разделение труда по ведению издания, хотя часто Бартенев обращался за той или иной редакционно-издательской помощью к специалистам и не «домашнего» круга. И все же основная роль в издании принадлежит, несомненно, Бартеневу.

Среди сотрудников «Русского архива» особое место занимает Валерий Яковлевич Брюсов, работавший секретарем редакции.

«Русский архив» был одним из первых журналов, в котором начал работать поэт. Судя по его дневникам, он впервые пришел в редакцию 12 сентября 1898 года, когда «относил свою статью о Тютчеве». Брюсов сразу понравился Бартеневу. Это важно отметить, так как, по воспоминаниям современников, Бартенев был редактор «строгий и крайне щепетильный к выбору сотрудников своего журнала».

Деятельность поэта в редакции журнала нашла отражение и в письмах Бартенева, который, в частности, сообщал жене 4 сентября 1900 года: «Работает по «Русскому архиву» Брюсов. Я до сих пор очень им доволен», и 7 октября того же года: «Каждый день приходит Брюсов (за 50 р. в месяц) вот уже третий

месяц, и я им очень доволен: усердствует и послушлив»[52].

Благожелательное отношение Бартенева к Брюсову объяснялось, конечно, не только тем, что молодой поэт-декадент «усердствует и послушлив», а его разносторонними знаниями, в особенности интересом и любовью Брюсова к истории русской литературы, к ее классикам, бесспорно почитаемым маститым издателем журнала, а также большой работоспособностью.

Что касается оценки Бартеневым собственно поэтического творчества сотрудника редакции, то здесь, как позже вспоминал сам Брюсов, «не читал Бартенев... моих книг и всегда был убежден, что я не говорю с ним о моих стихах из чувства стыда за свое «бедное рифмачество». И все-таки Бартенев следил за творчеством Брюсова, если не за поэтическим, то за критическим. Надо думать, только из-за этого в орбиту его внимания попал явно чуждый его и научным и эстетическим интересам журнал «Мир искусства». В этой связи Бартенев писал Брюсову 20 июня 1901 года: «В «Мире искусства», конечно, лучшее — ваша статья и рисунки, не по их содержанию (т. е. рисунков), а по исполнению»[53].

Позднее С. С. Сидорова-Бартенева подробнее вспоминала о взаимоотношениях редактора и его молодого сотрудника: «Когда Валерий Яковлевич Брюсов работал у деда в конторе «Русского архива» и ежедневно по нескольку часов в день проводил, так сказать, под рукой у деда, последний, несмотря на громадную разницу в летах (Валерий Яковлевич был совсем юным человеком, а деду было лет 70 с небольшим), с великим удовольствием и увлечением беседовал с ним, слушал его стихи, спорил, обменивался мнениями, рассказывал ему, нисколько не тяготился беседою с молодым поэтом и всегда чрезвычайно тепло о нем отзывался и живо интересовался развитием его таланта по мере того, как произведения Брюсова появлялись в печати»[54].

Помимо подготовки собственных работ Брюсов составлял для «Русского архива» обзоры статей и документов по истории России, которые публиковались в других изданиях. Чаще всего это были материалы историко-литературной тематики. Немалую ра-

боту вел поэт по отбору рукописей для печати с ведома и полного доверия в этом ответственном деле со стороны Бартенева.

Участие Брюсова в журнале должно было привести к некоторым изменениям в его содержании, что и было замечено знакомыми Бартенева. В этом отношении характерна история публикации в «Русском архиве» статьи Брюсова о «Гаврилиаде» Пушкина. Судя по дневниковой записи Брюсова в августе 1902 года, сюжет статьи был подсказан Бартеневым. 4 июня 1903 года Брюсов, интересуясь судьбой рукописи, спрашивает Бартенева: «Что моя статья о «Гаврилиаде»?» Колебания Бартенева, считавшего, как и Брюсов, авторство Пушкина несомненным, были вызваны предчувствием критических отзывов со стороны своих многолетних подписчиков и знакомых, не разделявших эту точку зрения, а также возможностью цензурных осложнений. В этой работе Брюсов собрал воедино все свидетельства о том, что автор «Гаврилиады» — Пушкин. Помимо, так сказать, внешних аргументов, писал Брюсов, «есть гораздо более важные доказательства того же, внутренние. «Гаврилиада» написана пушкинским стилем и **пушкинским стихом**, со всем его блеском и чарами». Объясняя свои опасения и сделанные при подготовке к публикации реверансы, Бартенев писал 7 июня 1903 года автору: «Не взыщите на заглавие: необходимо для цензуры... Я нарочно окружил статью святостью. Граф Шереметев и мои племянники на меня рассердятся; ну и бог с ними!» [55] Статья была опубликована в седьмом номере «Русского архива» за 1903 год под компромиссным названием: «Пушкин. Рана его совести». Она была расположена в номере между «Путевыми записками епископа Никодима» и публикацией «А. С. Хомяков о преподобном Серафиме Саровском».

Прогнозы Бартенева подтвердились: статья не прошла незамеченной. Граф С. Д. Шереметев 2 сентября 1903 года писал Бартеневу: «Как жалки все эти потуги вокруг «Гаврилиады»! Декадент Брюсов — плохой союзник» [56].

Несмотря на этот и другие отрицательные отзывы об исследованиях Брюсова, Бартенев, считавший, что Брюсов умеет соединять в себе «высокую даровитость художника (при всей ее зыбкости) с твердостью и

крепостью обширных знаний истинного ученого», продолжал публиковать его статьи в «Русском архиве».

Большая загруженность Брюсова в конце 1902 года вынудила его оставить работу в редакции журнала. Тем не менее личные отношения между издателем исторического журнала и признанным мэтром символизма оставались по-прежнему дружескими. 5 марта 1903 года Бартенев писал жене: «Брюсов мне помогает, изредка являясь, больше по части словесной, и я очень подружился с ним и его женой»[57]. Именно в это время Бартенев оказывает Брюсову большую помощь при издании им книги «Письма Пушкина и к Пушкину» (1903), куда вошли и письма Пушкина, подаренные Брюсову Бартеневым.

Большое значение имели для поэта встречи с Бартеневым, о которых впоследствии он писал: «Мне, конечно, довелось услышать лишь ничтожную долю из того, что мог рассказать Бартенев, но и это здесь я не намерен повторять: на то понадобилась бы, если не целая книга, то отдельная большая статья... Незаметно, слушая эти рассказы, я вовлекался в давно угасший спор «славянофилов» и «западников», незаметно 50-е годы становились мне понятны и близки... Дед и Бартенев как бы составляли звено в цепи, которая от меня доходила до Тютчева, до Пушкина, до Екатерины. Больше столетия оказывалось еще живым, еще как бы существующим».

Несомненно, что именно под влиянием Бартенева сформировался Брюсов-пушкинист, а также в значительной степени Брюсов-историк, публикатор исторических материалов...

Круг людей, в той или иной мере сотрудничавших в «Русском архиве», был чрезвычайно широк и изменялся на протяжении всего времени издания журнала. Социальный и профессиональный состав корреспондентов, присылавших в «Русский архив» материалы для публикации, был чрезвычайно пестр: от Александра II и Александра III до дьячка из Средней Азии или воронежского крестьянина. Достаточно широким был и состав сотрудников (если говорить об их идейно-политических взглядах): от историка, члена «Народной расправы», осужденного по делу нечаевцев на 12 лет каторги и вечное поселение в Сибири И. Г. Прыжова

до обер-прокурора Синода, выразителя крайних реакционных взглядов К. П. Победоносцева.

Назовем лишь некоторых, наиболее активных авторов журнала.

Это П. А. Вяземский, в 1860—1870-е годы помещавший в «Русском архиве» стихотворения, историко-литературные статьи и заметки дневникового и мемуарного типа, в том числе знаменитую «Старую записную книжку», письма; П. А. Ефремов, которому в 1860—1890-е годы принадлежало множество библиографических заметок и материалов историко-литературного характера. В 1860—1870-х годах статьи и заметки историко-литературного содержания и по истории русского театра помещал М. Н. Лонгинов. В этот же период активно сотрудничали в «Русском архиве» ярославский поэт и историк Л. Н. Трефолев, опубликовавший в журнале много статей из ярославской старины и выполнявший поручения Бартенева по поиску рукописей, а также академик, историк литературы Я. К. Грот, профессор Киевского университета А. А. Ставровский, в первые годы издания «Русского архива» снабжавший Бартенева материалами о русско-польских отношениях. В первые два десятилетия активным автором журнала был С. А. Рачинский, который не только готовил к печати рукописи, но и был для Бартенева серьезным авторитетом при отборе материалов. Столь же внимательно прислушивался Бартенев и к мнению Н. П. Барсукова, ближайшего его сотрудника с 1860-х по 1900-е годы.

В 1870—1890-е годы в журнал присылал материалы по истории отмены крепостного права, русско-финляндских отношений, а также материалы историко-литературного характера публицист Ф. П. Еленев (которого Ф. Энгельс рассматривал как умеренного консерватора, а В. И. Ленин называл представителем «прогрессивной буржуазной идеологии»).

На протяжении почти всего времени издания журнала готовил для него библиографические обзоры вышедших книг и статей о России за границей К. П. Победоносцев. С 1880-х годов в журнал часто присылает статьи, заметки и материалы по русской истории начала XVII века, по истории рода Шереметевых С. Д. Шереметев. В 1880-х годах в «Русском архиве» сотрудничал министр народного просвещения И. Д. Де-

лянов, а видный государственный деятель, брат драматурга М. Н. Островский содействовал поступлению рукописей в журнал. Участие в журнале столь высокопоставленных лиц говорит о значительном сужении диапазона идейно-политической ориентации его сотрудников начиная с 1880-х годов. В то же время участие в «Русском архиве» «сильных мира сего» в значительной степени обеспечивало безопасность журнала с точки зрения цензурных вмешательств.

При получении заслуживающих внимания материалов от неизвестных ему историков Бартенев не только наводил о них справки как о специалистах, но и выяснял их общественно-политические взгляды и только после этого решал, печатать ли полученный материал. Историк М. К. Соколовский вспоминал: «Бартенев имел очень хорошую привычку заносить в свою записную книжку сведения о своих сотрудниках. Меня он допрашивал, кто я, где получил образование, какими вопросами интересуюсь, почему именно они заинтересовали меня, спрашивал о родителях, чуть ли не о дедах. Словом, произвел полную научно-литературную анкету, годную и для евгеники» [58].

Несколько слов об оплате работ, принятых «Русским архивом». За лист подготовленного к печати документа Бартенев платил 25 рублей, статьи — 50 рублей, столько же за лист воспоминаний. Плата эта была чрезвычайно низкой по тому времени; так, в «Русском обозрении» исторические статьи оплачивались в три раза дороже. С начала XX века Бартенев платил «5 р. за лист простого материала и 15 р. за примечания к нему, а за статьи общезанимательные до 25 р. с листа».

Как видим, жесткие материальные условия издания «Русского архива» сказывались и на оплате предлагаемых журналу статей и документов, что, конечно, в свою очередь, не могло не привести к известному оскудению его содержания, особенно в последний период деятельности.

Остановимся на чрезвычайно важном для частного издания вопросе о подписчиках.

С конца 1860-х до конца 1870-х годов число подписчиков журнала неуклонно росло и в отдельные годы достигало трех тысяч. С начала 1880-х годов и до конца столетия происходит постепенное уменьшение

этого числа до 1000—1500 человек. И наконец, с начала XX столетия до 1917 года наблюдается резкое сокращение числа подписчиков — до 600—500 человек.

Каков же был состав подписчиков? Одним из важных источников, позволяющих ответить на этот вопрос, являются приложения к журналу, печатавшиеся в течение первых лет его существования,— «Списки лиц, мест и учреждений, получавших «Русский архив». Сведения о подписчиках «Русского архива», начиная с 1870-х годов и до конца издания журнала, содержатся почти исключительно в переписке редактора, а также в дошедших до нас разрозненных отрывках конторских книг. На основании этих данных (при незначительных отклонениях в ту или иную сторону в разное время издания журнала) можно выделить главные устойчивые группы подписчиков «Русского архива».

Прежде всего, это довольно широкий круг русских историков, литераторов, поэтов, писателей, библиографов, исследователей русской старины XVIII—XIX веков. Среди них Н. П. Барсуков, К. Н. Бестужев-Рюмин, В. Я. Брюсов, А. Ф. Бычков, С. А. Венгеров, П. А. Вяземский, Г. Н. Геннади, Н. В. Гербель, Я. К. Грот, Г. П. Данилевский, П. А. Ефремов, И. Е. Забелин, В. С. Иконников, Д. И. Иловайский, В. О. Ключевский, Н. О. Лернер, М. Н. Лонгинов, М. А. Максимович, Б. Л. Модзалевский, П. П. Пекарский, А. Ф. Писемский, С. Ф. Платонов, П. А. Плетнев, М. П. Погодин, А. А. Половцов, М. Ф. де-Пуле, Л. М. Савелов, М. И. Семевский, С. М. Соловьев, Л. Н. Толстой, Л. Н. Трефолев, И. С. Тургенев, Ф. И. Тютчев, М. А. Цявловский, С. Д. Шереметев, Н. К. Шильдер, С. Н. Шубинский, В. Е. Якушкин и многие, многие другие.

Значительное число подписчиков принадлежало к кругу высшего титулованного дворянства, имевшего в своих библиотеках экземпляры «Русского архива», как потому, что это являлось определенным знаком «хорошего тона», признаком принадлежности к известной социально-иерархической группе («Русский архив» входил в обязательный «дворянский набор» выписываемых журналов), так и потому, что фамилии предков, родственников, знакомых этих подписчиков

постоянно мелькали на страницах журнала. К их числу относились члены императорской фамилии, Воронцовы, Шуваловы, Оболенские, Голицыны, Вяземские, Шереметевы, Долгоруковы, Адлерберги, Лобановы-Ростовские, Строгановы, Куракины, Дашковы, Шаховские, Орловы и многие другие.

Со временем несколько увеличилось число подписчиков — представителей дворянской знати. Этот факт отражал постепенный процесс вытеснения дворян с политической арены России, вследствие чего обострялся их интерес к своему прошлому, в отдельных случаях переходящий в протест против совершающихся в социальной структуре общества перемен.

В особую группу подписчиков «Русского архива» можно выделить провинциальную разночинную интеллигенцию — учителей, губернское и уездное чиновничество и т. д. в значительной степени интересовавшуюся журналом из-за многочисленных публикаций по истории местного быта и из-за возможности напечатать в нем имевшиеся у них на руках материалы по местной истории. В этом отношении журнал выявил заинтересованность местной интеллигенции в изучении истории своего края и сыграл большую роль во введении в научный оборот материалов провинциальных архивов. Низшее же и среднее духовенство привлекали публикации по истории русской церкви.

В отдельную небольшую группу следует выделить подписчиков на журнал из крестьян, интерес которых к «Русскому архиву» был обусловлен появлением в нем материалов о жизни и деятельности некоторых русских поэтов, в частности И. С. Никитина и А. В. Кольцова, а также материалов по истории крепостного быта.

В связи с появлением с 1880-х годов многочисленных изданий официальных учреждений и региональных научных обществ по местной истории число провинциальных подписчиков «Русского архива» значительно сократилось. Со временем, особенно с конца XIX века, состав подписчиков «Русского архива» в целом изменялся в сторону сужения их социального диапазона.

К материалам журнала обращался Владимир Ильич Ленин. Среди подготовительных материалов в его

«Тетрадях по империализму» сохранились выписки, сделанные из публикаций «Русского архива». Одна из выписок характеризует внешнеполитические устремления славянофилов, другая понадобилась для иллюстрации реакционных внешнеполитических замыслов царского правительства. Это выписка из «Записки» П. А. Сабурова — «успех прусского оружия, 1870, есть также победа для нас» — настолько показалась важной В. И. Ленину, что он поставил после нее sic * и три восклицательных знака.

Конечно, значение «Русского архива» оценивается не только числом подписчиков, и это очень верно подметил В. Я. Брюсов, когда писал, что «если подсчитать не число подписчиков отдельных лет, а число лиц, обращавшихся за справками к «Русскому архиву», может быть, окажется, что это — один из самых читаемых журналов в России». Наверно, не случайно и первый советский исторический журнал, посвященный исключительно публикации документов, был назван «Красный архив», отразив в названии и преемственность и новаторство. Во всяком случае, читатели «Красного архива» старшего поколения делали ошибки, ссылаясь на «Красный архив», и в рукописях писали: «Русский архив». Можно лишь пожалеть об отсутствии подобного журнала в наше время столь очевидного широкого общественного интереса к различным проблемам отечественной истории.

В первое десятилетие существования журнала, наряду с распространением его по подписке, Бартенев уступал большие партии книгопродавцу А. Ф. Базунову, который охотно приобретал «Русский архив» и другие сборники Бартенева, «так как ваши издания,— писал он Бартеневу,— идут хорошо».

Распространение журнала происходило и путем даровых рассылок его Бартеневым, в частности по некоторым церковным и церковно-училищным библиотекам. С конца 1880-х годов журнал расходился по учебным заведениям во исполнение циркулярных рекомендаций попечителей учебных округов: Московского, Петербургского, Варшавского, Казанского, Харьковского и др. (для «мужских гимназий, реальных училищ, учительских институтов и учительских

---

* Так (*лат.*).

семинарий»). С этого же времени командующий войсками Московского военного округа приказал выписывать «Русский архив» во все войсковые библиотеки округа.

Популяризации «Русского архива» способствовали рецензии — критические обзоры, перепечатки и пересказы некоторых материалов, регулярно появлявшиеся в периодической печати. Интересно, что за журналом внимательно следила и русская революционная эмиграция, и часто документы «Русского архива» появлялись на страницах заграничных изданий Вольной русской печати, включаясь таким образом непосредственно в орбиту их агитационной деятельности. В частности, 15 мая 1867 года «Колокол» перепечатал публикацию «Русского архива» со следующим предисловием А. И. Герцена: «Не можем не повторить напечатанную в «Русском архиве» превосходную и совершенно неизвестную басню Крылова, вероятно не пропущенную прежней цензурой — «Пестрые овцы».

В целом «Русский архив» воспринимался современниками, безусловно, как выдающееся достижение историко-издательской деятельности, хотя при этом, конечно, хорошо понималась и явная неравноценность опубликованных в журнале исторических документов.

Представляет интерес рассмотрение связи читателей с журналом, определение степени их влияния на формирование его содержания. И хотя круг читателей, письменно реагировавших на материалы журнала, был достаточно широк, можно с уверенностью говорить о совершенно определенном, конкретном ряде читателей, не просто дававших опубликованным материалам положительную или отрицательную оценку, но и, несомненно, влиявших на редактора при составлении им отдельных номеров. Перед тем как назвать их, заметим, что их фамилии уже не раз упоминались на этих страницах. Это все те же П. А. Вяземский, С. Д. Шереметев, Н. П. Барсуков, М. Н. Лонгинов, К. П. Победоносцев и некоторые другие. Как выясняется, именно они и оказывали наиболее значительное влияние на Бартенева в формировании содержания журнала, представляя собой, так сказать, неофициальный «редакционный совет» издания.

В этом отношении показательна история с публикацией литературных мемуаров В. В. Бурнашева, а также воспоминаний о политике царизма в Польше в первой половине XIX века А. О. Пржецлавского и В. В. Цыпрынуса (в которых, впрочем в чрезвычайно осторожной и умеренной форме, дается отрицательная оценка политики самодержавия в Польше) в «Русском архиве» 1872 года.

По сохранившейся переписке сентября — декабря этого года хорошо прослеживается все усиливавшийся нажим на редактора со стороны упомянутых выше «членов редакционного совета». Из писем П. А. Вяземского о мемуарах В. В. Бурнашева: «...враль Бурнашев, который прославился своими лживыми и холопскими сплетнями»; «...шутки в сторону, охота была вам пускать в «Архив» такого враля и лжеца, как Бурнашев»; «...я сержусь любя и желаю, чтобы «Архив» шел прямым и твердым шагом, а не **пересеменивал»**, «...грешно набивать («Русский архив».— **А. З.**) трухою и сгнившим хлебом»[59]. Вяземскому вторил Н. П. Барсуков: «...развяжитесь как-нибудь с Бурнашевым и Цыпрынусом»; «...Цыпрынус оскорбляет русское чувство и ему место в «Вестнике Европы», а не в «Русском архиве»[60]. Продолжим перечень негодующих писем. М. Н. Лонгинов писал: «...надеюсь, что вы не будете более печатать его (Бурнашева.— **А. З.**) вранья: это просто лжец, хам и неблагодарная тварь... Будьте осторожны и с Цыпрынусом»; «...стыдно печатать пошлости»[61]. М. Юзефович: «...нужно разом покончить с этими Цыпрынусами»[62]. А. П. Барсуков: «...от таких людей подальше»[63]. Многие другие высказывались, быть может, не столь резко, но в том же духе. А князь Вяземский помимо эпистолярной формы счел необходимым выразить негодование также и в стихах, сочинив по этому случаю следующую эпиграмму:

Заштатный уж давно, какой-то сивый мерин,
В журнальной упряжи опять являться стал:
Но вскоре все нашли, что он в езде так скверен,
Что на солому вновь в конюшню он попал.
Он ржанием своим Бартенева пленяет:
Дай, прокачусь на нем, Бартенев порешил,
В архивный свой рыдван он клячу запрягает
И думает, что в ход он рысака пустил»[64].

Этот откровенный нажим привел в конце концов, несмотря на робкие «оправдательные» ответы Бартенева («следующие главы... написаны с тактом») и на его высокую оценку публикуемых авторов (Цыпрынус — «это большой талант»), к разрыву договоренностей с указанными авторами и прекращению публикации их материалов в «Русском архиве». Одновременно Бартенев опубликовал специальное заявление, в котором давал оценку напечатанных уже частей с позиции приведенных выше читательских откликов.

Изредка случалось, что под давлением читателей Бартенев прекращал публикацию того или иного материала, не прибегая в дальнейшем к сотрудничеству с данным автором. Этим же объяснялись и «оправдательные» заявления редактора, причем не только в «Русском архиве», но и на страницах других периодических изданий.

Так, подобная необходимость публичного объяснения возникла у Бартенева в 1887 году, после получения им большого количества негодующих читательских откликов по поводу опубликованного в журнале «Ответа» В. А. Полетики на серию статей В. А. Кокорева «Экономические провалы». Статья Полетики — эта «иллюстрация петербургского смрада» — была воспринята читателями как «оскорбительное и грубое покушение» на славянофильские идеалы (ни более ни менее!), в частности на представление о роли и значении Москвы для России. Конечно, обвинения в безоглядном западничестве Бартенев не мог оставить без внимания и, разъясняя свои издательские принципы — «служить беспристрастным проводником для выяснения исторической правды» и «не смотреть односторонне», все же публично (в «Русском архиве», «Московских ведомостях», «Новом времени») признавал ошибкой публикацию этого материала; резко отмежевываясь от позиций автора статьи, он писал: «...в моих верованиях, в моей привязанности к чистокровной России не вправе сомневаться лица, следившие за моей деятельностью».

Любопытно, что одним из направлений издательских усилий Бартенева, вызывающим сейчас особое чувство благодарности у нас, была публикация им материалов о декабристах, которые приобрели широ-

кий резонанс. Это породило немалое недовольство официальных кругов и высокопоставленных читателей «Русского архива».

Уже неоднократно цитировавшийся нами М. Н. Лонгинов писал 22 апреля 1871 года Бартеневу: «Любезный Петр Иванович, шестая книжка «Архива» очень занимательно составлена. Об одном прошу вас: оставьте в покое декабристов или лучше — не давайте им нарушать нашего покоя. Пора! Об них все сказано — и больше чем нужно даже. Они обрадовались, что можно писать (что очень понятно), и теперь дело доходит уж до того, что они описывают, что творилось у них на кухне, и занимают публику рассказами о починке подштанников у людей, которых и имена (за исключением десятка) услышались только благодаря тому, что они куролесили 24 часа, сами не зная, чего хотят и куда их ведут вожаки»[65]. Для характеристики позиции автора этого письма вполне показательно брошенное им в сердцах — «не давайте им нарушать нашего покоя». Ту же позицию занял фактически и П. А. Вяземский, в прошлом друг многих декабристов, к концу своей жизни сильно «поправевший». Он считал, что Бартенев незаслуженно много места в своих сборниках отводит декабристам. В большом его письме Бартеневу от 21 ноября 1871 года читаем: «Вы, говорят, жалуетесь на притеснения цензуры. А что скажете вы, когда я начну к вам придираться?.. Неужели значение их (декабристов.— **А. З.**) в историческом отношении так крупно, что оно может обозначать эпоху, и что с них, как будто, следует начинать новое летосчисление?»[66].

Однако в данном случае давление читателей, даже очень именитых, не оказывало на редактора никакого воздействия. Бартенев продолжал публиковать материалы о декабристах. Опубликовал он и «Записки» Н. И. Лорера, и, как мы уже знаем, «Записки» И. И. Горбачевского, и многое другое.

Говоря о влиянии читательских откликов на формирование содержания «Русского архива», нужно отметить тем не менее самостоятельную роль Бартенева как редактора и издателя. Другое дело, что столь часто декларируемая им «беспристрастность» в выборе публикаций в большинстве случаев совпадала с мнением отмеченной выше группы активных и часто

наиболее высокопоставленных «читателей-сотрудников».

...В своем рассказе о «Русском архиве» мы коснулись многих страниц его истории, конкретных особенностей издания, но конечно же не исчерпали всех сторон славной биографии «дедушки» русских исторических журналов». Возможно, этот рассказ явится приглашением читателя к диалогу непосредственно с «Русским архивом»...

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Подошел к концу наш рассказ о Петре Ивановиче Бартеневе и его «Русском архиве». Рассказ, который (в духе самого «Русского архива» и в духе Бартенева, так любившего слово документа и так не любившего «разглагольствований») автор стремился максимально насытить суждениями и выражениями самого Бартенева и его современников — цитатами из различных документов.

Конечно, не обо всем удалось сказать, что-то осталось за страницами этой книги. Но хотелось, чтобы главное получилось, чтобы осталось впечатление, возможно более близкое к мнению, высказанному В. Я. Брюсовым, когда он писал, что «дело Бартенева как издателя — огромно, и в этом отношении его влияние на русскую науку почти не поддается учету».

Созданная трудами и энергией Бартенева документальная пирамида «Русского архива» представляла собой для современников и в еще большей степени представляет для потомков — для нас с вами, уважаемый читатель, и для тех, кто будет после нас,— удивительную по своему составу, по богатству, по разнообразию сокровищницу исторических материалов, связанных со многими славными страницами нашего Отечества.

И сейчас, обращаясь к этому общедоступному архиву — хранилищу ценнейших памятников нашего прошлого, все более отчетливо понимаешь значение сделанного Бартеневым и все больше и больше испытываешь чувство благодарности и уважения к неутомимой и самоотверженной деятельности этого московского историка, скромного «архивного рудокопа».

ПРИМЕЧАНИЯ

Среди немногочисленной литературы о П. И. Бартеневе кроме уже упоминавшихся изданий см.: Обломок старых поколений // Брюсов В. Я. За моим окном. М., 1913; Рабкина Н. А. Знаменитый издатель «Русского архива» // Альманах библиофила. Вып. 8. М., 1980; Зайцев А. Д. «Архивный рудокоп» (Фонд П. И. Бартенева) // Встречи с прошлым. Вып. 4. М., 1982.

Основной архив Бартенева хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ СССР), ф. 46, оп. 1—9 (далее — АБ, оп. ..., ед. хр. ..., л. ...). Отдельные материалы Бартенева хранятся также в Центральном государственном архиве древних актов СССР (ЦГАДА СССР), Центральном государственном историческом архиве СССР (ЦГИА СССР), Отделе письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ), Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ОР ГБЛ), Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ОР ГПБ), Отделе рукописей Института русской литературы (ОР ИРЛИ), Центральном государственном историческом архиве г. Москвы (ЦГИА г. Москвы), Отделе рукописей Музея истории г. Москвы (ОР МИМ).

Глава I

1. ЦГАЛИ, ф. 87, оп. 1, ед. хр. 81, л. 308а.
2. АБ, оп. 8, ед. хр. 14, л. 10—11.
3. ЦГИА, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 155, л. 29.

4. ЦГАЛИ, ф. 87, оп. 1, ед. хр. 68, л. 800.
5. ОР ГБЛ, ф. 18, М. 8553, л. 1 об.
6. АБ, оп. 1, ед. хр. 5, л. 175.
7. ОР ИРЛИ, ф. 234, оп. 1, ед. хр. 88, л. 10.
8. АБ, оп. 1, ед. хр. 599, л. 45.
9. ОПИ ГИМ, ф. 445, ед. хр. 204, л. 262 об.
10. АБ, оп. 1, ед. хр. 550, л. 87.
11. ОПИ ГИМ, ф. 445, ед. хр. 326, л. 1.
12. ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1407, л. 113—114.
13. АБ, оп. 8, ед. хр. 61, л. 64.
14. АБ, оп. 9, ед. хр. 18, л. 60.
15. ЦГАДА, ф. 1287, оп. 1, ед. хр. 77, л. 14.
16. ОР ГБЛ, ф. Петр., 1, 18.
17. АБ, оп. 1, ед. хр. 598, л. 136.
18. ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 1, л. 107—109.
19. Там же, оп. 2, ед. хр. 35, л. 25. Приношу благодарность С. В. Шумихину за любезное указание на этот документ.

Глава II

1. ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1407, л. 34 об.
2. АБ, оп. 1, ед. хр. 577, л. 404.
3. Там же, ед. хр. 580, л. 9.
4. АБ, оп. 1, ед. хр. 566, ч. 2, л. 106.
5. ОПИ ГИМ, ф. 440, ед. хр. 121, л. 29.

Глава III

1. АБ, оп. 1, ед. хр. 1, л. 5.
2. АБ, оп. 1, ед. хр. 5, л. 204.
3. Там же, ед. хр. 9, л. 5.
4. Там же, ед. хр. 603, л. 18—19.
5. ОР ГБЛ, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 82.
6. АБ, оп. 1, ед. хр. 4, л. 72.
7. Там же, ед. хр. 24, л. 93—94.
8. ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. хр. 19, л. 139—140.
9. АБ, оп. 1, ед. хр. 5, л. 147.
10. Там же, л. 140—141.
11. ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1407, л. 172.
12. ОР ГБЛ, ф. 47 / 2, п. 4, ед. хр. 19.

13. ЦГАЛИ, ф. 373, оп. 1, ед. хр. 73, л. 35.
14. ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1407, л. 197.
15. Там же, л. 161 об.
16. АБ, оп. 8, ед. хр. 28, л. 92.
17. Там же, л. 100—101.
18. ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1407, л. 155—156.
19. АБ, оп. 1, ед. хр. 47, л. 1—2.
20. ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1407, л. 138.
21. ЦГАЛИ, ф. 87, оп. 1, ед. хр. 65, л. 143.
22. ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1407, л. 214.
23. АБ, оп. 1, ед. хр. 566, ч. 2, л. 182—183.
24. Там же, ед. хр. 572, л. 274.
25. Там же, ед. хр. 564, л. 433 об.
26. Там же, ед. хр. 568, л. 443.
27. Там же, ед. хр. 569, л. 17 об.
28. Там же, л. 97—98.
29. ЦГАЛИ, ф. 46, оп. 8, ед. хр. 61, л. 38—45.
30. АБ, оп. 1, ед. хр. 563, л. 102.
31. Там же, ед. хр. 572, л. 201.
32. Там же, ед. хр. 594, л. 556 об.
33. ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 557, л. 2 об.
34. АБ, оп. 1, ед. хр. 138, л. 1.
35. ОР ГБЛ, ф. 386, к. 76, ед. хр. 12, л. 23.

Глава IV

1. ОПИ ГИМ, ф. 442, ед. хр. 4, л. 68.
2. АБ, оп. 1, ед. хр. 94, л. 6.
3. ОР МИРМ, 15894/21.
4. АБ, оп. 1, ед. хр. 578, л. 138.
5. Там же, ед. хр. 234, л. 1 об.
6. Там же, ед. хр. 567, л. 75.
7. АБ, оп. 8, ед. хр. 61, л. 56—57.
8. АБ, оп. 1, ед. хр. 575, л. 254.
9. АБ, оп. 8, ед. хр. 61, л. 91—92.
10. АБ, оп. 1, ед. хр. 24, л. 21.
11. ЦГАДА, ф. 1287, оп. 1, ед. хр. 75, л. 20.
12. Там же, л. 121.
13. АБ, оп. 1, ед. хр. 4, л. 168—169.
14. АБ, оп. 1, ед. хр. 570, л. 331.
15. Там же, ед. хр. 167, л. 9.
16. Там же, ед. хр. 457, л. 7.

17. ОПИ ГИМ, ф. 445, ед. хр. 326, л. 17.
18. АБ, оп. 1, ед. хр. 559, л. 250.
19. Там же, ед. хр. 564, л. 306 об.
20. Там же, ед. хр. 567, л. 93.
21. Там же, л. 212.
22. Там же, ед. хр. 1, л. 572.
23. АБ, оп. 8, ед. хр. 60, л. 97.
24. Там же, ед. хр. 61, л. 25—28.
25. ЦГАДА, ф. 1287, оп. 1, ед. хр. 75, л. 143 об.
26. ОР ИРЛИ, ф. 569, ед. хр. 134, л. 73.
27. АБ, оп. 1, ед. хр. 598, л. 66.
28. ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1407, л. 246 об.
29. ОР ГПБ, ф. 523, ед. хр. 598, л. 4.
30. АБ, оп. 8, ед. хр. 61, л. 59.
31. Там же, л. 34.
32. ЦГА г. Москвы, ф. 31, оп. 1, ед. хр. 147, л. 1.
33. Там же, л. 2.
34. АБ, оп. 1, ед. хр. 559, л. 413 об.
35. Там же, ед. хр. 574, л. 25 об.
36. ЦГАЛИ, ф. 373, оп. 1, ед. хр. 73, л. 14.
37. АБ, оп. 8, ед. хр. 61, л. 98.
38. АБ, оп. 1, ед. хр. 572, л. 194.
39. ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 155, л. 6.
40. АБ, оп. 1, ед. хр. 153, л. 1.
41. Там же, ед. хр. 582, л. 421.
42. ЦГИА, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 155, л. 161.
43. ЦГА г. Москвы, ф. 31, оп. 1, ед. хр. 149, л. 7.
44. АБ, оп. 1, ед. хр. 582, л. 296—299.
45. Там же, л. 19.
46. Там же, ед. хр. 572, л. 532.
47. ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1407, л. 201—202.
48. ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 65, л. 9.
49. АБ, оп. 1, ед. хр. 598, л. 114.
50. ЦГАДА, ф. 1287, оп. 1, ед. хр. 78, л. 30.
51. АБ, оп. 8, ед. хр. 61, л. 80—81.
52. ЦГАЛИ, ф. 46, оп. 9, ед. хр. 12, л. 33.
53. АБ, оп. 8, ед. хр. 61, л. 91 об.
54. ОР ГБЛ, ф. 386, к. 76, ед. хр. 12, л. 2.
55. АБ, оп. 1, ед. хр. 595, л. 176.
56. АБ, оп. 9, ед. хр. 26, л. 35.
57. ЦГАЛИ, ф. 442, оп. 1, ед. хр. 6, л. 5.
58. АБ, оп. 1, ед. хр. 564, л. 407, 429, 459, 460, 506, 607.
59. Там же, л. 407, 427—429.
60. Там же, л. 432.

61. Там же, л. 528.
62. Там же, л. 456—457.
63. Там же, л. 429.
64. Там же, ед. хр. 563, л. 92.
65. Там же, л. 506.
66. ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1407, л. 108.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Андрей Дмитриевич Зайцев

ПЕТР ИВАНОВИЧ БАРТЕНЕВ

Заведующая редакцией
Т. Митрофанова

Редактор
Л. Полиновская

Художник
И. Капустянский

Художественный редактор
А. Данилин

Технические редакторы
Л. Беседина, Г. Шитоева

Корректоры
Н. Кузнецова, И. Сахарук

ИБ № 4271

Сдано в набор 14.07.88. Подписано к печати 21.11.88. Л52146. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 11,34. Уч.-изд. л. 9,70. Тираж 39 000 экз. Заказ 3981. Цена 45 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Зайцев А. Д.

З-17 Петр Иванович Бартенев.— М.: Моск. рабочий, 1989.—172 с., ил.— (История Москвы: портреты и судьбы).

Книга рассказывает о знаменитом издателе «Русского архива», археографе, историке Москвы, пушкинисте. П. И. Бартенев — одна из интереснейших фигур в истории общественной жизни не только Москвы, но и всей России второй половины XIX — начала XX века.

Рассчитана на широкий круг читателей.

З $\frac{0503020900-074}{М172(03)-89}$ 13—89 ББК 79.3(2—2М)

В 1989 году в издательстве
«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»
в серии
«История Москвы: портреты и судьбы»
выйдут книги:

Горелов И. Е.
АЛЕКСЕЙ РЫКОВ

Кобрин В. Б.
ИВАН ГРОЗНЫЙ

Крюкова А. М.
АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

45 к.

ПЕТР ИВАНОВИЧ БАРТЕНЕВ

«Человек ума оригинального, великий любитель и знаток русской истории XVIII и XIX веков, ревностный генеалог, неутомимый библиограф, Нестор русской исторической журналистики, один из основоположников пушкиноведения и последний хранитель устной традиции о Пушкине, деятельный помощник Л. Толстого в работе над его «Войной и миром», Бартенев трудом своим создал эпоху в русской историографии» — так кратко сформулировал основные направления деятельности Петра Ивановича Бартенева (1829—1912) видный советский ученый, пушкинист М. А. Цявловский.